

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
УФИМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ФИНАНСОВ РЕГИОНА**

*Под общей редакцией
канд. экон. наук П.А. Иванова*

**ИСЭИ УФИЦ РАН
УФА – 2023**

УДК 336.1: 332.1: 330.33.01

ББК 65.261: 65.9 (2) - 97

П 64

Авторский коллектив: Иванов П.А. (введение, разделы 1.1, 1.2, 1.3, 3.1, 3.2, заключение); Алтуфьева Т.Ю. (разделы 1.2, 1.3, 3.1, 3.2, 3.3); Гайнанов Д.А. (раздел 1.2); Гафарова Л.А. (разделы 1.1, 1.2, 1.4, 2.1, 2.2, 3.4); Дзизинская Д.В. (раздел 1.2); Диваева Э.А. (раздел 1.1); Кузнецова Ю.А. (раздел 3.3); Рахматуллин Ю.Я. (разделы 3.1, 3.4); Сахапова Г.Р. (раздел 1.4); Фархутдинова А.У. (раздел 3.4); Франц М.В. (разделы 2.1, 3.4); Шмакова М.В. (разделы 2.1, 3.3, 3.4).

Рецензенты:

Лутфуллин Ю.Р., д-р. экон. наук, проф.

Гатауллин Р.Ф., д-р. экон. наук, проф.

П 44 Подходы и инструментарий оценки результативности общественных финансов региона / Гайнанов Д.А., Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А. и др.; под общей ред. канд. экон. наук П.А. Иванова. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2023. – 242 с.

ISBN 978-5-6051263-1-7

В монографии представлены результаты исследования теоретико-методических и прикладных аспектов определения понятия и оценки результативности использования общественных финансов на региональном уровне, рассматриваемой с позиции обеспечения устойчивого развития территории в условиях неопределенности. На основе анализа опыта «лучших практик» в управлении общественными финансами выявлены проблемы оценки результативности их использования и предложен инструментарий, обеспечивающий учет влияния общественных финансов на достижение конечных показателей социально-экономического развития и экологического благополучия территорий.

Выявлены потенциальные направления и сформулированы рекомендации по повышению результативности государственной финансовой поддержки секторов экономики РБ, реализация которых будет способствовать достижению стратегических приоритетов социально-экономического развития региона и повышению качества жизни населения.

Представляет интерес для научных сотрудников, специалистов, студентов и аспирантов, занимающихся разработкой и изучением региональной проблематики.

Рекомендовано к печати Ученым советом Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

УДК 336.1: 332.1: 330.33.01

ББК 65.261: 65.9 (2) - 97

ISBN 978-5-6051263-1-7

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2023

© ИСЭИ УФИЦ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	5
1	Подходы к оценке результативности использования общественных финансов региона в условиях неопределенности	8
1.1	Управление общественными финансами как значимый фактор повышения адаптивности регионального социально-экономического развития	8
1.2	Анализ лучших практик управления общественными финансами региона с позиции результативности их использования	25
1.3	Проблемы, возникающие при оценке результативности общественных финансов в условиях неопределенности	53
1.4	Обеспечение роста доходного потенциала региона как фактор повышения результативности использования его общественных финансов.....	55
2	Совершенствование инструментария оценки результативности использования общественных финансов в условиях неопределенности	89
2.1	Развитие принципа результативности использования бюджетных ресурсов регионов в целях обеспечения их резилентного развития при достижении стратегических приоритетов	89
2.2	Алгоритмизация моделирования деятельности региональных органов управления в процессе управления общественными финансами в целях повышения ее результативности в условиях неопределенности	100

3	Апробация обновленного с позиции достижения основных стратегических приоритетов в условиях неопределенности инструментария оценки результативности общественных финансов регионов	112
3.1	Оценка результативности ответственного бюджетного инвестирования в регионе в условиях неопределенности	112
3.2	Исследование результативности государственной поддержки субъектов МСП в республике в условиях неопределенности	136
3.3	Оценка целесообразности и результативности «зеленых» инвестиций в субъектах РФ целях оздоровления окружающей среды	153
3.4	Исследование результативности социальной политики Республики Башкортостан в условиях неопределенности	177
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	207
	ПРИЛОЖЕНИЯ	236
	ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	239

ВВЕДЕНИЕ

Общественные финансы региона являются одним из важнейших элементов финансового обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий, взаимосвязь между которыми может быть рассмотрена через результативность использования выделяемых бюджетных средств. Как правило, под результативностью бюджетных средств понимают степень достижения плановых значений по целевым показателям социально-экономического развития, заложенным в программных документах различного уровня (национальные и региональные проекты, федеральные, региональные и муниципальные программы и др.). При этом остаются в недостаточной мере исследованы вопросы методического обеспечения оценки результативности использования региональных общественных финансов с позиции их влияния на конечные социально-экономические показатели и достижение стратегических приоритетов развития территорий.

В этой связи актуальной проблемой является совершенствование инструментальных средств оценки результативности использования общественных финансов субъектов РФ как значимого фактора повышения адаптивности региональных социально-экономических систем в условиях неопределенности. С учетом данных императивов в монографии представлены результаты проведенной на базе подхода DEA (Data envelopment analysis – анализ среды функционирования) комплексной оценки результативности использования общественных финансов Республики Башкортостан и других субъектов РФ во взаимосвязке с динамикой конечных показателей их социально-экономического развития в разрезе различных сфер деятельности (промышленность, агропромышленный комплекс, малое и среднее предпринимательство, ЖКХ и жилищное строительство, здравоохранение, обеспечение экологического благополучия). Задействование данного методического инструментария позволило выявить регионы лучшей практики по различным секторам экономики и определить потенциал повышения результативности использования общественных финансов в других субъектах РФ.

Особое внимание уделено вопросам влияния на обеспечение устойчивости развития территорий режима налогообложения доходов и имущества граждан, совершенствование которого в условиях

нехватки собственных финансовых ресурсов у большинства регионов для реализации мер поддержки своих экономик в объемах, сопоставимых с регионами лучшей практики, может выступить в качестве одного из драйверов повышения результативности общественных финансов. Данный эффект может быть достигнут за счет снижения налоговой нагрузки и роста платежеспособного спроса низкодоходных групп населения (при сохранении на прежнем уровне общего объема налоговых поступлений от населения в консолидированные бюджеты субъектов РФ), в т.ч. на товары отечественного производства, что даст социальный (снижение уровня неравенства доходов), экономический (инвестирование в расширение производственных мощностей – рост оборота организаций) и бюджетный (увеличение налоговых поступлений от результатов деятельности бизнеса) эффекты.

На примере Республики Башкортостан в рамках выявленных направлений сформулированы рекомендации по повышению результативности государственной финансовой поддержки секторов экономики, реализация которых будет способствовать достижению стратегических приоритетов социально-экономического развития региона и повышению качества жизни населения.

Представленные в монографии научные результаты получены сотрудниками Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН в рамках раздела «Инструментальные средства оценки результативности использования общественных финансов субъектов Российской Федерации» плановой научно-исследовательской работы «Результативность использования общественных финансов региона» (номер государственной регистрации 122040400127-5). Разработка данной темы осуществлялась в рамках Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 3684-р (направление 5.6.3 «Пространственная экономика», раздел 5.6.3.1. «Системный анализ развития российских регионов и их взаимодействий»).

Общая структура исследований вопросов оценки результативности использования общественных финансов на региональном уровне включает в себя следующие основные направления:

1. Анализ существующих подходов к оценке результативности общественных финансов субъектов РФ, по результатам которого

рассмотрен опыт лучшей практики, выявлены недостатки (проблемы), присущие системе управления территориальными общественными финансами в контексте оценки результативности их использования в современных условиях, а также исследована роль налоговых механизмов в обеспечении адаптивности регионального развития.

2. Совершенствование инструментария оценки результативности использования общественных финансов территории на базе задействования подхода DEA, обеспечивающего учет факторов, оценивающих результативность общественных финансов с точки зрения их влияния на достижение приоритетов развития территории в различных сферах. В качестве дополнительного направления развития инструментальных средств повышения результативности использования общественных финансов предложен инструментарий оценки влияния прогрессивности подоходного налогообложения на экономику территории.

3. Проведение апробации предложенного инструментария оценки результативности использования общественных финансов на примере Республики Башкортостан и других субъектов РФ, позволившей определить потенциальные направления повышения результативности общественных финансов Республики Башкортостан в разрезе различных сфер социально-экономического развития с позиции императивов достижения стратегических приоритетов региона.

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на 2023 г. и на плановый период 2024 и 2025 гг.

ГЛАВА 1. ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1.1. Управление общественными финансами как значимый фактор повышения адаптивности регионального социально- экономического развития

Рациональное управление общественными финансами в целях повышения адаптивности развития регионов РФ. В современных условиях высокой экономической турбулентности для повышения адаптивности социально-экономического развития регионов усиливается значимость применяемых инструментов и принципов распределения и перераспределения их бюджетных ресурсов в части повышения результативности использования. Рост социально-экономической адаптивности предполагает способность региональной системы подстраивать свои действия под быстро меняющиеся внешние и внутренние условия и оперативно управлять своими финансами при резком изменении этих условий, быстро корректируя под них свои решения. Однако в условиях высокой неопределенности и возрастающей ограниченности объемов общественных финансов на региональном уровне, повышается актуальность исследования путей повышения результативности их использования.

Теоретические основы оценки результативности использования общественных финансов. Проблематика оценки результативности использования общественных финансов рассматривается в работах О.Г. Аркадьевой [11], С.Ю. Ильина [66], В.А. Кваша [71], В.В. Климанова [72], В.Н. Южакова [184] и других авторов. Как правило, результативность трактуется как «достижение общественно значимых результатов» [18] или «степень достижения поставленных задач» [51].

Анализ нормативно-правовых документов приводит к выводу о смещении понятия «результативность» с другими дефинициями (прежде всего, с понятием «эффективность»), в том числе применительно к общественным финансам на уровне субъектов РФ.

В документах международного уровня, например, ISO 9000:2015(ru) под результативностью также понимается «степень реализации запланированной деятельности и достижения

запланированных результатов». Тогда как эффективность – это «соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами» [142]. В тоже время в нормативно-правовом акте, регулирующем порядок проведения оценки эффективности деятельности глав субъектов РФ фактически речь идет об оценке результативности их деятельности (согласно п. 5 документа [158]). Кроме того, на наш взгляд, в перечень показателей, по которым оценивается деятельность руководства регионов было бы целесообразно включить индикаторы состояния бюджетной сферы (например, темпы роста объемов налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета субъекта РФ), поскольку перечень содержит показатели, имеющие в значительной мере социальную направленность и реализация мероприятий в рамках достижения целевых значений по ним невозможна без бюджетного финансирования.

В статье 34 Бюджетного кодекса РФ (БК РФ) в рамках реализации принципа эффективности использования бюджетных средств под результативностью понимается достижение «наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств» [21], что подразумевает возможность получения результата ниже утвержденного планового значения [12]. Это не согласуется с применяемым в этой же статье БК РФ подходом экономности, предполагающего необходимость «достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств» [21]. Дополнительное усложнение для оценки эффективности использования бюджетных средств в рамках данной статьи БК РФ вносит возможность как одновременного, так и выборочного исполнения подходов экономности и результативности. Если в первом случае их реализация довольно затруднительна, то во втором случае возникают вопросы по обоснованию того, какой подход считать более приемлемым для реализации в той или иной ситуации. Помимо этого, в отсутствии четких критериев и методических указаний по оценке альтернативных вариантов и сценариев (в т.ч. с учетом необходимости соблюдения баланса интересов основных получателей благ от реализации мероприятия) возникает сложность определения того, что является «наилучшим результатом».

На наш взгляд, необходимо уточнение категории «результативность» в нормативно-правовых актах в целях ее

разграничения с понятием «эффективность» на основе их трактовок, изложенных в ISO 9000 как наиболее общепринятых в научном и экспертном сообществах.

Нужно отметить следующую современную особенность практического анализа использования бюджетных средств. Поскольку подавляющая доля всех расходов региональных бюджетов является программно-реализуемой, то для их анализа нужно использовать сведения из отчетов по исполнению государственных программ. В соответствии с п. 3 ст. 179 БК РФ порядок оценки эффективности (в рамках результативности) реализации государственных программ (ГП) на уровне субъектов РФ разрабатывается и осуществляется ими самостоятельно, что затрудняет проведение сравнительного анализа данной сферы по различным регионам. Ведь инструментарий анализа, изложенный в соответствующих нормативно-правовых актах субъектов РФ, может существенно различаться. Так, в Республике Башкортостан (РБ) оценка ГП может быть проведена на основе [117], основные параметры которой представлены в таблице 1.1.

Таблица 1.1

Критерии оценки эффективности реализации ГП РБ

Критерий	Название
K_1	Общая оценка достижения плановых значений показателей
K_2	Эффективность реализации мероприятий
K_3	Оценка использования финансовых ресурсов
$\mathcal{E}_{ГП}$	Интегральный показатель эффективности реализации ГП РБ

Итоговая оценка эффективности реализации ГП, характеризующаяся значением интегрального показателя, определяется по формуле (1.1):

$$\mathcal{E}_{ГП} = 0,4 \times K_1 + 0,3 \times K_2 + 0,3 \times K_3 . \quad (1.1)$$

Расчет критериев K_1 и K_2 ведется с учетом дополнительных характеристик, которым, в свою очередь, также присваиваются веса и коэффициенты значимости (для K_1 – показатель программы (вес 0,6) или подпрограммы (вес 0,4) в зависимости от того, относится или нет показатель к реализации майских указов Президента РФ, национальных проектов и ряда других правовых актов, для K_2 – предусматривается или нет выделение бюджетных ассигнований на реализацию мероприятия). Определение данных 2 критериев производится на основе сопоставления фактических и плановых

значений, что непосредственно отражает результативную часть их реализации.

Министерство экономического развития и инвестиционной политики РБ [138] обеспечивает сведение информации о реализации всех ГП РБ.

Практические аспекты оценки результативности использования общественных финансов в РБ. В 2022 г. государственное управление различными социально-экономическими процессами в РБ осуществлялось на основе реализации 34 ГП, оценка эффективности которых представлена в таблице 1.2.

Таблица 1.2

**Классификация ГП РБ по уровню эффективности их реализации
за 2022 г., в % от общего количества ГП РБ**

Уровень эффективности реализации ГП РБ	Критерии оценки эффективности реализации ГП РБ			Интегральный показатель
	К ₁	К ₂	К ₃	
Высокий уровень	58,8	20,6	94,1	38,2
Средний уровень	35,3	70,6	2,9	32,4
Низкий уровень	5,9	8,8	2,9	23,5
Программные документы своевременно не утверждены	-	-	-	5,9

Источник: рассчитано автором по данным [138].

Как видно из таблицы 1.2, наиболее проблемным является второй критерий, по которому только 20% мероприятий имеют высокий уровень эффективности. Однако интерпретация эффективности реализации ГП РБ в рамках данной структуры распределения, на наш взгляд, будет несколько неточной, т.к. шкалирование критериев проводится по различным уровням. Так, по первому критерию высокий уровень эффективности достигается при значении более 85%, средний уровень лежит в диапазоне от 60% до 85%, а низкий уровень ГП РБ присваивается при достижении менее 60% показателей своих плановых значений. По второму критерию установлена следующая шкала: высокий уровень – 100% выполненных мероприятий; средний – от 75% до 99%; низкий – менее 75%. По третьему компоненту (уровень освоения средств) градация следующая: более 90%, от 75% до 90%, менее 75%. В этой связи, завышенные относительно других критериев требования по К₂, установленные к высокому уровню, являются причиной его менее успешного выполнения среди ГП РБ.

В силу разнородности данных критериев спецификация шкал по ним, приведенная в [138] не подвергается сомнению. Вместе с тем, для более корректного сравнения в рамках данного сопоставления критериев по выделенным группам относительно общего количества ГП РБ их необходимо привести к единой шкале. Поскольку основным критерием с точки зрения оценки результативности ГП РБ, по нашему мнению, является K_1 , то за основу для сравнения критериев принимаем его шкалу (таблица 1.3).

Таблица 1.3

Классификация ГП РБ по уровню эффективности их реализации за 2022 г. (по единой шкале для всех критериев), в % от общего количества ГП РБ

Уровень эффективности реализации ГП РБ	Критерии оценки эффективности реализации ГП РБ		
	K_1	K_2	K_3
Высокий уровень (более 85%)	58,8	76,5	94,1
Средний уровень (от 60% до 85%)	35,3	23,5	5,9
Низкий уровень (менее 60%)	5,9	0,0	0,0

Источник: рассчитано автором по данным [138]

После проведения группировки критериев по единой шкале наиболее проблемным критерием становится показатель непосредственного достижения результата, что свидетельствует о необходимости уделять ему более пристальное внимание для учета роли и значимости этого показателя при определении интегральной оценки эффективности реализации ГП РБ, в том числе посредством повышения весового коэффициента K_1 с 0,4 до 0,5-0,6 при уменьшении весов K_2 и K_3 с 0,3 до 0,2-0,25.

Еще одним важным аспектом рассматриваемой проблематики, вытекающим из анализа реализации ГП РБ, является наличие у ряда госпрограмм некоторой несбалансированности полученных результатов в разрезе критериев оценки эффективности, что говорит о необходимости повышения качества программного планирования (таблица 1.4).

В одних случаях наблюдается существенное не достижение плановых значений показателей при полном освоении выделенных средств (ГП РБ_{1,3}), что можно интерпретировать по-разному: 1) как неэффективное использование выделенных средств; 2) как изначально недостаточный объем запланированного финансирования; 3) как

недостаточная проработка при планировании мероприятий оценки их влияния на конечный результат (для ГП РБ₁).

Таблица 1.4

**Показатели эффективности реализации отдельных
ГП РБ за 2022 г., в ед.**

Наименование ГП РБ	Критерии оценки эффективности реализации ГП РБ		
	К ₁	К ₂	К ₃
Развитие и поддержка малого и среднего предпринимательства в РБ (ГП РБ ₁)	0,462	0,952	0,999
Развитие внутреннего и въездного туризма в РБ (ГП РБ ₂)	0,571	0,650	1,000
Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан (ГП РБ ₃)	0,688	0,837	1,000
Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан (ГП РБ ₄)	1,000	0,883	0,822
Доступная среда в Республике Башкортостан (ГП РБ ₅)	0,962	0,875	0,717
Развитие науки и технологий в Республике Башкортостан (ГП РБ ₆)	1,000	0,742	0,941

Источник: рассчитано автором по данным [138].

В других случаях имеет место обратная ситуация – полное или практически полное достижение результатов при: 1) частичном освоении выделенного бюджета, что является, с одной стороны, положительным моментом как экономия средств, а с другой – может рассматриваться как проявление «легкости» поставленных целей (вследствие чего показатели имеют не результативный, а процессный характер [18]) или как риск снижения в дальнейшем объемов выделяемых бюджетных средств по данному направлению расходования; 2) относительно полном освоении средств, но с большой долей нереализованных мероприятий, что ставит вопрос об актуальности их задействования в последующие периоды реализации госпрограммы (для ГП РБ₆).

Место налоговых механизмов в обеспечении адаптивности регионального развития. Повышение адаптивности регионального социально-экономического развития базируется на сочетании неизменности основных принципов налогообложения и инструментов донастройки налоговой системы в условиях высокой неопределенности.

Налоговая политика играет разностороннюю роль в обеспечении устойчивого развития национальных и региональных систем и достижении их целей: содействия неуклонному, инклюзивному и устойчивому экономическому росту при сохранении окружающей

среды и ресурсов, полной и производительной занятости и достойной работы для всех. Налоговая политика может поддерживать цели устойчивого развития посредством двух направлений: через увеличение объемов аккумулируемых налогов, либо посредством поддержки конкретных целей устойчивого развития страны и регионов. Данные цели показывают, что в реализации налоговой политики существуют два «полюса», которые необходимо поддерживать в равновесии. Налоги должны быть, во-первых, предназначены для поддержки устойчивого экономического развития и, во-вторых, должны быть прогрессивными, сокращать неравенство и способствовать сохранению экологических параметров национальных систем. Эти две цели не обязательно противоречат друг другу, но и не полностью совпадают. Высокие налоги на бизнес и высокодоходные группы для финансирования устойчивого развития могут помочь в достижении второй цели – по крайней мере, в краткосрочной перспективе – но могут нанести ущерб первой. По оценкам The Sustainable Development Solutions Network, чтобы достичь целей устойчивого развития странам с доходом ниже среднего необходимо увеличение государственных и частных расходов примерно на 1,4 трлн долл. в год. Это соответствует 4%-ному росту расчетного ВВП этих стран за соответствующий период, измеренному по паритету покупательной способности валют, или 0,8-1,3% мирового ВВП [282].

Достижение указанных целей определяет необходимость прогрессивной системы подоходного налога с населения и системы социального обеспечения для всех, финансируемой за счет более высокодоходных групп [39]. Прямые субсидии отдельным отраслям могут быть более эффективными, чем налоговые кредиты для пополнения низкой заработной платы.

Влияние налоговой политики на обеспечение устойчивого развития поднимает проблему налогообложения природных ресурсов. Существует множество аргументов в пользу того, что многие страны не взимают достаточное количество налогов, будь то роялти, пошлины или корпоративный налог, разрешая безмерную эксплуатацию своих ресурсов. Повышение налогов на природные ресурсы может принести дополнительные, необходимые финансовые ресурсы. Тем не менее, чрезмерная зависимость от налогообложения природных ресурсов может оказать негативный эффект, поскольку это означает, что правительства могут полагаться на один источник дохода. С одной

стороны, отсутствует необходимость расширять налоговую базу на устойчивой основе, используя развитие инновационных и других предприятий, а с другой, отсутствие необходимости повышать налоги потенциально может подрывать демократический процесс. Так, по оценке ЮНЕСКО, увеличение на 1,0% доли ренты от природных ресурсов в государственных доходах снижает фискальные возможности страны на 1,4%, поскольку существует меньше стимулов для сбора налогов из других источников [284].

С другой стороны, многие проекты по добыче природных ресурсов обеспечивают рабочие места, а транснациональные корпорации часто вкладывают финансовые ресурсы в транспортную и производственную инфраструктуру, такую как дороги, порты, здания, а также инновационную и технологическую инфраструктуру [42]. Эти вложения требуют значительных долгосрочных инвестиций и приводят к убыткам в течение ряда лет, прежде чем будет получена прибыль. Налоговый режим должен обеспечивать определенное возмещение капитальных затрат и убытков, а чрезмерное налогообложение сектора может оказаться контрпродуктивным с точки зрения развития из-за сокращения инвестиций.

Налоги также могут быть направлены на деятельность, которая приводит к изменению климата или деградации окружающей среды, по принципу «платит загрязнитель». Это может включать налоги на выбросы углерода, экологические налоги на удаление отходов или специальные сборы с предприятий, создающих загрязнение, или просто повышение налога на углеводородный сектор и реформирование существующих субсидий на ископаемое топливо. При разработке таких налогов необходимо определить, является ли их целью в первую очередь сбор средств или предотвращение загрязнения окружающей среды экономическими агентами. По своей природе, если такие налоги успешно изменяют поведение экономических агентов, они уменьшают налоговые поступления, и наоборот [255].

Существует также необходимость рационализировать неэффективные субсидии на ископаемые виды топлива, которые стимулируют расточительное потребление, путем устранения рыночных перекосов в соответствии с национальными условиями, в том числе путем реструктуризации налогообложения и поэтапной отмены субсидий, оказывающих негативный эффект, там, где они

существуют, чтобы отразить их воздействие на окружающую среду [280].

Другим направлением реализации налоговых механизмов является поощрение развития «зеленых» экосистем и производств. Коммерческие предприятия, занимающиеся указанной деятельностью, могут иметь право на получение налоговых льгот, предоставление налоговых каникул, применение налогов с большим количеством вычетов. Эти направления можно использовать в дополнение к другим фискальным стимулам, таким как беспошлинный ввоз и нулевая ставка налога на добавленную стоимость [221].

Налоговые платежи являются ключевым доходобразующим элементом общественных финансов региона. При этом являясь методом косвенного регулирования экономических процессов, они используются государством для экономического воздействия на общественное производство, его динамику и структуру. Спецификой реализации налоговых инструментов является его противоречивость в реализации интересов государства и хозяйствующих субъектов, что определяет особую значимость формирования таких налоговых механизмов, которые обеспечивали бы как достаточный уровень аккумуляции налоговых доходов в бюджете, так и эффективность социально-экономических процессов. Таким образом, налоговые механизмы оказывают существенное влияние на социально-экономическую динамику, которое может иметь как позитивный, так и негативный характер. Одной из характеристик налогов является то, что они искажают частные решения, создают нерациональное распределение ресурсов и порождают безвозвратные потери. Поэтому по крайней мере некоторые из этих искажений отражаются на совокупных экономических показателях и что более искажающие налоговые системы связаны с более низким экономическим ростом. Налоговые системы могут быть более или менее искажающими либо потому, что они извлекают больше или меньше ресурсов от частных агентов (уровень налогов), либо потому, что они собирают определенную сумму доходов более или менее искажающими способами (налоговая структура).

Согласно исследованиям, все налоги создают искажения, и такие искажения могут иметь негативные последствия для экономического роста. Так, У. Истерли предоставляет эмпирические доказательства этой гипотезы, используя данные по 57 странам. Он измеряет

искажения, концентрируя внимание на отклонениях от цен в США на 151 товар, и интерпретирует разницу цен как меру того, насколько искажены относительные цены в данной экономике. В исследовании показано, что степень искажений в экономике, вызванных налогами или другими мерами политики, отрицательно коррелирует с экономическим ростом.

Общий размер государственного сектора имеет два противоположных эффекта: более высокие налоги означают не только потенциально более высокие искажения, но обычно также и более высокие уровни государственных инвестиций, некоторые из которых будут способствовать росту [193, 214].

Первой эмпирической работой, включившей фискальную переменную в регрессию экономического роста, были два исследования, проведенные Р. Барро, который проанализировал – среди других переменных – соотношение налоговых поступлений к реальному ВВП в качестве регрессора и обнаружил значительную отрицательную корреляцию с экономическим ростом. Дж. Слемрод не смог обнаружить устойчивую межстрановую взаимосвязь между различными показателями налогово-бюджетной политики, который выявил, что знаки меняются в зависимости от характеристик рассматриваемых параметров и стран. Аналогично для стран ОЭСР, он не находит очевидной связи между налоговыми ставками и ВВП на душу населения [195].

Результаты исследований, в которых анализировалась связь между экономическим ростом и налоговыми структурами, а не уровнями налогов, дают несколько более однозначные результаты, чем исследования, посвященные уровню налогообложения. Так, Р. Кнеллер проводит различие между искажающими налогами, с одной стороны, к которым они относят налоги на доходы и имущество, и так называемыми неискажающими налогами, с другой стороны, в которые включают налоги на потребление. Их вывод состоит в том, что, первые снижают темпы экономического роста, вторые – нет. Аналогичным образом они пришли к выводу, что продуктивные государственные расходы выгодны для экономического роста, а непродуктивные государственные расходы – нет [242].

Ф. Видмальм (2001), исследуя экономический рост за 25 лет на примере 23 стран ОЭСР, приходит к выводу, что доля налоговых поступлений, полученных от налогообложения личных доходов,

отрицательно коррелирует с экономическим ростом. Также доказывается тенденция, что налоги на потребление способствуют экономическому росту. В ряде других исследований выявляется негативное влияние корпоративных налогов на производительность фирм и отраслей на основе больших наборов данных о фирмах и отраслях в странах ОЭСР. Аналогично И. Ли и Р. Гордон обнаруживают значительную отрицательную корреляцию между установленными ставками корпоративного налога и экономическим ростом в 70 странах [288].

Аналогичным образом, Ф. Падовано и Э. Галли обнаруживают негативное влияние предельных эффективных налоговых ставок и прогрессивности налогообложения на экономический рост в группе из 25 промышленно развитых стран за 28-летний период [261]. Отрицательное влияние прогрессивности на предпринимательскую активность также является одним из выводов У. Джентри и Р. Хаббарда [224].

По исследованию Дж. Арнольда, финансирование реформ за счет налогов на прибыль и подоходного налога и одновременного снижения налогов на потребление и имущество оказывает существенное негативное влияние на долгосрочный ВВП на душу населения (- 0,98 п.п.). Анализ противоположных условий реформирования – снижение налогов на прибыль и подоходного налога и одновременное увеличение налогов на потребление и имущество, приводит к увеличению ВВП на душу населения (0,93 п.п.). То есть, подоходный налог и налог на прибыль связаны с более низким ВВП на душу населения, чем налоги на потребление и собственность.

Таким образом, изменения в налоговой политике, направленные на замену доходов от налогов на потребление и имущество налогами на доходы физических лиц или корпораций, приведет к сокращению долгосрочного ВВП на душу населения, но сокращение будет значительно сильнее, если будет рост налогов на прибыль корпораций. Следовательно, как налоги на потребление, так и налоги на имущество более способствуют высокому долгосрочному уровню ВВП на душу населения, чем налоги на прибыль. Кроме того, переход к налогу на имущество, по исследованиям, более способствует экономическому росту, чем налоги на потребление. Однако налоги на имущество представляют собой разнородную группу, и дальнейшее разграничение налогов на недвижимое имущество и других видов

налогов на имущество может помочь определить ключевой фактор этого относительно позитивного для экономического роста налогового инструмента. Результаты исследований показывают, что именно текущие налоги на недвижимое имущество в наибольшей степени способствуют экономическому росту, и они, по-видимому, определяют эффективность налогов на имущество в регрессионном анализе (2,47 п.п.). Другие налоги на имущество, напротив, имеют незначительный коэффициент (-0,34 п.п.) [193].

Реализация направлений государственной политики часто связана с компромиссом между экономическим ростом и эгалитарным распределением богатства. Однако этот компромисс имеет двойственный характер, поскольку однозначного влияния существенного перераспределения, как правило, за счет более прогрессивного подоходного налога на экономический рост не наблюдается [38]. Так, исследования Р. Кестера и Р. Корменди показывают незначительную связь между налоговыми ставками и экономическим ростом. Используя показатели средней и предельной налоговой ставки для регрессии подоходного налогообложения и валового внутреннего продукта, они находят лишь ограниченные доказательства связи между налоговыми ставками и экономическим ростом [243]. Другие исследователи, У. Истерли и С. Ребело, использовали ряд различных показателей предельных налоговых ставок подоходного налогообложения для объяснения экономического роста. За исключением одного показателя, они не обнаружили существенной корреляции между налоговыми ставками и экономическим ростом и пришли к выводу, что эта связь незначительная [214].

Регрессионный анализ влияния прогрессивности на экономический рост показал отрицательное влияние индекса прогрессивности шкалы подоходного налогообложения на темпы роста валового внутреннего продукта с учетом временного лага, что является как экономически, так и статистически значимым. Например, увеличение индекса прогрессивности подоходного налогообложения на 0,01 п.п. в текущем году связано с более низкими темпами роста почти на 0,5 п.п. с лагом в три года. Учитывая, что реальный разрыв между максимальным и минимальным индексом прогрессивности составляет 0,07, этот эффект имеет большое экономическое значение [267].

Однако этот эффект влияния прогрессивности шкалы подоходного налогообложения не является постоянным. Негативное влияние прогрессивности налога увеличивается с ростом временного лага. Расчетный коэффициент налоговой прогрессивности является наибольшим по абсолютной величине при лаге в три года. При использовании лага более трех лет величина негативного эффекта уменьшается, пока не становится незначительной при шестилетнем лаге. Наличие подоходного налога с более высокой прогрессивностью связано с временным отрицательным эффектом роста и постоянным эффектом уровня на валовое производство. Результат регрессии между темпами роста ВВП и индексом прогрессивности с учетом 3-летнего лага демонстрирует отрицательную корреляцию между рассматриваемыми показателями [267].

Однако данный анализ имеет недостаток, поскольку не рассматриваются переменные, связанные с расходами бюджета. Влияние прогрессивности шкалы подоходного налога на макроэкономические показатели рассматривается только с учетом доходной части государственного бюджета. Вместе с тем национальные системы с прогрессивной системой подоходного налогообложения имеют и существенные расходы государственного бюджета, формируемых в т.ч. на основе аккумулируемых налоговых доходов.

Существенные государственные расходы оказывают двойственное влияние на экономическую динамику. С одной стороны, значительные объемы расходов на социальное обеспечение отрицательно сказываются на темпах роста производства, поскольку высокие социальные расходы приводят к сокращению предложения рабочей силы. В результате это приводит к снижению экономической динамики и темпов экономического роста.

С другой стороны, значительные объемы расходов на социальное обеспечение могут оказать положительный эффект на динамику экономического роста. Высокие расходы могут стать стимулом для экономики, например, путем создания инфраструктуры или стимулирования потребления. Таким образом, в рассмотренных случаях индекс прогрессивности учитывает не только влияние налоговой системы на экономический рост, но и влияние расходов на социальное обеспечение, динамику микроэкономических и других факторов [34, 68].

Таким образом, все рассмотренные инструменты налоговой политики можно ранжировать относительно их влияния на экономический рост. Налоги на прибыль корпораций имеют наиболее негативные последствия для ВВП на душу населения, за ними следуют подоходный налог с населения. Налоги на потребление оказывают гораздо меньшее негативное воздействие на экономические показатели, в то время как налоги на имущество и, в частности, текущие налоги на недвижимое имущество, оказывают наименьший сдерживающий эффект на динамику экономического роста. Влияние высокой степени прогрессивности подоходного налога с населения на динамику экономического роста не является однозначным и зависит от влияния различных факторов.

Особую значимость реализация налоговых механизмов общественных финансов получает в условиях неопределенности и проявления кризисных явлений в экономике. Так, основными направлениями реформирования подоходного налога в мировой экономике с 2021 г. в условиях кризиса стало продолжающееся снижение налогового бремени и взносов на социальное обеспечение в основном за счет снижения налоговых ставок и сокращения размера налоговой базы для поддержки домохозяйств с низкими доходами в целях содействия восстановлению экономики. Обоснованием этих реформ было стимулирование экономического роста при одновременном обеспечении справедливости в налогообложении доходов физических лиц, особенно для лиц с низкими и средними доходами. Хотя последнее обоснование представляет собой широкое продолжение реформ подоходного налога в последние годы, акцент на экономическом росте приобрел новое значение в ответ на экономические последствия кризиса. В результате средний налоговый клин снизился с 36,4% в 2000 г. до 34,6% в 2020 г. в странах ОЭСР.

Подоходный налог и взносы на социальное обеспечение являются важными источниками налоговых поступлений в большинстве стран. Вместе они составляют около половины общих налоговых поступлений, при этом НДФЛ составляет 23%, а социальный налог – 26% от общего объема налоговых поступлений в среднем по странам ОЭСР [281].

Ряд стран в 2021 г. увеличили максимальные ставки подоходного налога, чтобы повысить прогрессивность своих налоговых систем. Так, например, Канада, Новая Зеландия и Норвегия повысили свою

максимальную ставку подоходного налога за счет введения новых категорий подоходного налога в верхней части шкалы ставок подоходного налога [39]. Норвегия ввела пятый диапазон для доходов свыше 2 млн норвежских крон.

Некоторые страны провели реформу ставок подоходного налога для лиц, занятых неполный рабочий день, и других профессиональных групп. Многие страны продолжили сужать свои базы подоходного налога. В целом ожидается, что эти меры приведут к сокращению налоговых поступлений. Из стран, проводивших реформу базы подоходного налога, 57 осуществляли меры по сужению базы, а девять – по расширению базы, что в целом соответствует тенденциям, наблюдаемым в последние годы. Большинство реформ базы подоходного налога, введенных с 2021 г., были направлены на поддержку отдельных лиц и семей с низкими доходами, которые зачастую особенно сильно пострадали от экономических последствий пандемии. Некоторые реформы также были направлены на снижение налогового бремени на домохозяйства со средним доходом с целью увеличения потребления домохозяйств и содействия восстановлению экономики. Тринадцать направлений реформ включали увеличение индивидуальных налоговых льгот и налоговых льгот для поддержки лиц с низкими доходами и неполной занятостью, а девять реформ были направлены на поддержку детей и других иждивенцев. Реформы базы подоходного налога также были направлены на поддержку пожилых людей, особенно людей с низкими доходами. Пять стран расширили объем своих налоговых льгот по заработанному доходу и других льгот на работе. Также в девяти странах базовые налоговые льготы были увеличены с целью снижения бремени НДФЛ и поддержки прогрессивности налоговой системы [259].

В некоторых странах ОЭСР налоговые ставки на доходы от капитала изменились в сторону их незначительного повышения и были направлены на усиление нейтральности между различными видами экономической и инвестиционной деятельности. Меры по расширению налоговой базы были в основном введены в области налогов на прирост капитала, в то время как некоторые страны также внесли изменения в налогообложение процентных доходов, пенсий и других видов доходов от капитала. Австрия и Венгрия также расширили свою налоговую базу, введя налоги на доходы от криптовалют.

Тенденция к снижению установленных законом ставок корпоративного налога (налога на прибыль) широко распространена и продолжается, что приводит к дальнейшему сближению ставок корпоративного налога в разных странах. Кроме того, многие страны продолжают увеличивать корпоративные налоговые льготы с целью стимулирования инвестиций и инноваций, особенно в области экологической устойчивости. Что касается международного налогообложения, усилия по защите баз налога от уклонения от корпоративного налогообложения были продолжены с принятием мер в соответствии с проектом ОЭСР/Большой двадцатки по размыванию налоговой базы и перемещению прибыли (BEPS). Крупный прорыв был достигнут благодаря тому, что более 135 стран по всему миру присоединились к новому двухкомпонентному плану по реформированию международных правил налогообложения и обеспечению того, чтобы многонациональные предприятия платили справедливую долю налогов, где бы они ни работали и получали прибыль [204].

Соотношение налога на прибыль к ВВП и доходов корпоративного налога в процентах от общих налоговых поступлений продолжают существенно различаться в разных странах. Доходы от налога на прибыль варьировались от 0,7% ВВП в Латвии до 4,7% ВВП в Австралии в 2020 г. В качестве доли от общих налоговых поступлений корпоративный налог варьировался от 2,3% от общих налоговых поступлений в Латвии до 32,3% от общих налоговых поступлений в Индонезии. Различия в доходах от налога на прибыль могут объясняться множеством факторов, включая установленные законом ставки корпоративного налога и величину его налоговой базы, степень инкорпорации компаний, фазу экономического цикла и степень цикличности системы корпоративного налогообложения, а также страновой спецификой. Эти факторы в большей степени способствовали значительным колебаниям доходов, наблюдавшимся в период с 2000 по 2020 гг. в ряде стран (Норвегия, Финляндия и Люксембург и др.). Корпоративный налог, как правило, составляет большую долю доходов в странах со значительными природными ресурсами и в странах с развивающейся экономикой. В случае стран с развивающейся экономикой общие налоговые поступления, как правило, ниже в процентах от ВВП, а доходы от подоходного налога с населения играют меньшую роль, чем от корпоративного налога [219].

Доходы от налога на прибыль как доля ВВП и доля общих налоговых поступлений упали в период с 2019 по 2020 гг. Для 35 стран ОЭСР, по которым доступны данные за 2020 г., среднее значение доходов от корпоративного подоходного налога как доля ВВП снизилось с 3,0% в 2019 г. до 2,6% в 2020 г. Аналогичным образом, среднее значение доходов от корпоративного подоходного налога как доля от общих налоговых поступлений снизилось с 9,4% до 8,5%. Это самое значительное сокращение со времен мирового финансового кризиса 2008 г., и средние поступления корпоративного подоходного налога в процентах от ВВП сейчас ниже предыдущих минимумов, наблюдавшихся в 2009 и 2010 гг. после этого кризиса.

В некоторых странах предусмотрены сниженные ставки налога на прибыль для малого и среднего предпринимательства, хотя структура этих пониженных налоговых ставок существенно различается. Некоторые страны применяют более низкие налоговые ставки к первому траншу прибыли, независимо от общего уровня дохода; некоторые снизили ставки подоходного налога для корпораций с доходом ниже определенного уровня; другие определяют ставку налога на малый бизнес на основе критериев, не связанных с доходом (например, оборот или активы) вместо критериев дохода или в дополнение к ним.

Стабилизация стандартных ставок НДС, наблюдаемая в разных странах, является продолжением тенденции, наблюдавшейся на протяжении последних шести лет: страны, которые снизили стандартные ставки НДС в 2020 г., вернули их на допандемический уровень. Подавляющее большинство временных изменений значений НДС, внесенных в 2020 г., были отменены в 2021 г.

Что касается налога на имущество, то несмотря на то, что по сравнению с предыдущими годами было проведено меньше реформ по налогу, существующие реформы четко направлены на продвижение прогрессивности и справедливости в налогообложении имущества. Реформы налога на имущество преимущественно включали повышение налогов либо за счет увеличения налоговых ставок, либо за счет мер по расширению налоговой базы. Повышение налогов в основном было нацелено на физических и юридических лиц, которые используют недвижимость преимущественно в качестве инвестиционного инструмента, а также на частных лиц с более высоким уровнем собственного капитала, на которых повлияли

реформы налога на имущество, налога на наследство и дарение. По сравнению с предыдущими годами реформы все больше фокусировались на содействии эффективному использованию существующего жилищного фонда, а также справедливости налогообложения недвижимости в целом [281]. Только две страны провели реформы в области текущих налогов на недвижимое имущество, а семь стран внесли изменения в свои налоги на сделки. Две страны провели реформы налога на богатство и пошлин на наследство, а также налогов на наследство и дарение.

Таким образом, можно выделить следующие основные направления трансформации налоговых механизмов в мировой экономике в условиях кризиса: снижение налоговых ставок и сокращения размера налоговой базы подоходного налогообложения с целью обеспечения большей справедливости в налогообложении доходов, особенно для лиц с низкими и средними доходами, снижение ставок налога на прибыль, стабилизация ставок налога на добавленную стоимость.

1.2. Анализ лучших практик управления общественными финансами региона с позиции результативности их использования

1.2.1. Результативность государственной поддержки малого и среднего предпринимательства: национальный и региональный уровень

Малый и средний бизнес является драйвером экономического развития России в части обеспечения ее промышленного и финансового суверенитета, что обуславливает актуальность решения проблемы его государственной поддержки. Такая поддержка необходима для освоения субъектами малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) новых экономических ниш, применения новых технологий и инноваций, обустройства территорий, сохранения существующих и создания новых рабочих мест на малых и средних предприятиях, обеспечения устойчивости развития территорий. Было проведено исследование с целью определения результативности затрат бюджетных ресурсов на развитие малого и среднего предпринимательства, оказывающего значительное влияние

на социально-экономическое развитие территорий. Новизна предложенной постановки и решения проблемы определяется тем, что до настоящего времени в российских регионах выбор направлений и бенефициаров поддержки в основном базировался на основе попыток достижения таких количественных параметров, как увеличение вклада субъектов МСП в ВРП, в увеличение занятости по сравнению с достигнутым на территории базовым уровнем соответствующих показателей и учета практик поддержки развитых стран. В отличие от реализуемых подходов в настоящем исследовании определяется степень нуждаемости сектора МСП территории в определенных объемах и направлениях поддержки посредством комплексного анализа уровня его развитости. Предлагаемый механизм позволит обеспечить органы территориального управления РФ методическим инструментарием для проведения углубленного анализа и оценки перспектив развития территорий в части увеличения вклада малого и среднего бизнеса как основы для увеличения результативности использования общественных финансов на государственную поддержку МСП.

В мировом научном дискурсе малый бизнес признан одним из драйверов успешного социально-экономического развития территорий. Более 90% всех предприятий в мире относятся к категории МСП и обеспечивают почти половину глобального ВВП и около $\frac{2}{3}$ занятости работников на территории их присутствия [98]. Малые предприятия (далее МП) способствуют вовлечению в экономические процессы значительной доли трудовых ресурсов как в роли предпринимателей, так и в роли наемных работников, росту конкуренции, являются катализатором инноваций, обладают значительным экспортно-ориентированным потенциалом, обеспечивают население специализированными видами товаров и услуг. Значимой в современных условиях является способность предпринимательства участвовать в адаптации экономики к развитию в кризисные и восстановительные периоды.

В РФ показатели развития МП намного скромнее. Многолетняя государственная поддержка предпринимательства в субъектах РФ пока не принесла ожидаемых результатов. Такая же тенденция просматривается и в Республике Башкортостан, органы управления которой в последние годы прилагают значительные усилия для развития малого и среднего бизнеса. Однако вне зависимости от

значимости задачи повышения результативности государственной поддержки субъектов МСП ее научная проработка в отличие от зарубежной практики, как правило, остается за рамками внимания большинства российских ученых-исследователей. При этом выявлено, что в существующих разработках отсутствует взаимосвязь и нацеленность предлагаемых схем поддержки предпринимателей на формирование целостного сектора малого и среднего бизнеса как интегрированной системы, объединяющей множество субъектов МСП и самозанятых и позволяющей обеспечить лоббирование и защиту их интересов. Для элиминирования отмеченных недоработок целесообразно формирование комплексного подхода к государственной поддержке МСП, в основу которого может быть положен инструментарий выявления степени развитости сектора малого бизнеса в соответствии с целями развития территорий. Очевидно, что при таком подходе будет обеспечена большая вовлеченность сектора малого бизнеса в решение социально-экономических проблем территории посредством совершенствования механизма его поддержки на основе учета степени его развитости.

Целью проведенного исследования являлся поиск направлений совершенствования государственной поддержки МСП в зависимости от степени развитости сектора малого предпринимательства в субъектах РФ как полноценного участника их территориального развития. Полученные результаты позволят обосновать необходимость, величину и приоритетные направления поддержки субъектов МП в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития регионов как в обычные, так и кризисные периоды. Апробация предложенного теоретического подхода к определению целесообразности и масштаба государственной поддержки малого бизнеса проведены на примере регионов Приволжского федерального округа.

Исследование включает три составные части: теоретический подход к соразмерности поддержки малого и среднего бизнеса целям развития территорий в различных условиях; статистический анализ взаимосвязи благоприятности предпринимательского климата, уровней социально-экономического развития территорий, региональных субъектов МСП и объемов их государственной поддержки; выработка направлений повышения результативности государственной поддержки МСП в современных условиях.

Теоретические положения. С конвенциональных позиций поддержка государства представляет собой действие по сохранению чьей-либо жизнеспособности, усилению кого-либо за счет государственных ресурсов. На наш взгляд, государственная поддержка МСП представляет собой процесс искусственного создания экономических и правовых условий, стимулов для развития бизнеса, а также вложение в него материальных и финансовых ресурсов на льготных условиях. Государственная поддержка может осуществляться не только в финансовой форме, но и в виде лоббирования интересов бизнеса на международном уровне, предоставления существенных преференций, гарантий субъектам МСП.

Систематизация и критический анализ результатов многочисленных международных и российских исследований XX и начала XXI в. показывают признаваемую большей частью ученых-теоретиков важность государственной поддержки МСП ввиду его существенного влияния на развитие социально-экономических систем. При этом, хотя изучение взаимосвязи объемов государственной поддержки субъектов МСП и их влияния на экономику развивается по сценарию «встречного движения», наблюдаются различные мнения по поводу интенсивности и направлений поддержки бизнеса.

Обзор мнений зарубежных авторов по государственной поддержке МСП и ее результативности. В международных научных исследованиях значимости МСП для развития экономики и необходимости его поддержки можно выделить три направления.

Первое направление – обоснование необходимости поддержки малых фирм в целом как значимых для социально-экономического развития территории. Одним из первых (1930 г.) отметил необходимость вмешательства государства в экономику в целях поддержки МСП Джон М. Кейнс: «расширение функций правительства ... единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и условие для успешного функционирования личной инициативы» [240, С. 380]. В развитие положения Кейнса Дэвид Бёрч обосновал необходимость государственной поддержки количественного роста малого бизнеса созданием им подавляющей части рабочих мест в региональной экономике [200]. Такой же точки зрения придерживался

Пол Рейнольдс в части поддержки предпринимательской активности, без которой невозможен экономический рост [266].

Второе направление – исследование целесообразности поддержки на территории малых и средних предприятий отдельных видов экономической деятельности. В развитие вышеперечисленных исследований Дэвид Дж. Стори и Стивен Джонсон пришли к выводу, что необходима поддержка не количественного роста малых фирм, а качественного роста их определенной части [277]. Приняв за основу это положение, Дэвид Бёрч и Джеймс Медоф сформулировали теорию поддержки исключительно быстрорастущих компаний – газелей вследствие их значительного вклада в создание рабочих мест [201], а Арнольд Купер предложил поддерживать стартапы с низкими «порогами развития» вследствие их высокой результативности и способности к выживанию [207]. Вместе с тем результаты эмпирических исследований, проведенных в рамках «Глобального мониторинга предпринимательства» (GEM) с 1998 г. по 2003 г. по 34 странам, показали, что большинство стартапов в действительности не превращаются в быстрорастущие компании [144, С. 425].

По мнению Золтана Акса и Дэвида Одретча в поддержке нуждаются лишь инновационные малые фирмы, способные обеспечить технологические изменения в разных отраслях экономики [188]. Такого представления придерживался и Уильям Баумол, который показал, что малым фирмам в большей степени, чем крупным, присущи революционные прорывы, а это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости их первоочередной поддержки [196].

О необходимости учета отраслевых особенностей МСП при выборе приоритетных направлений и оценке масштабов их поддержки свидетельствует работа группы исследователей из Нидерландов, которые на основе расширенной таблицы «затраты – выпуск» выявили конкурентные преимущества и уязвимости субъектов МСП Нидерландов в сравнении с крупными предприятиями в зависимости от их отраслевой принадлежности, экспортной ориентированности и других параметров [206].

Anilkumar Ramanjineva предлагает поддерживать, в первую очередь, женское предпринимательство, обосновывая это тем, что из почти 200 исследованных им компаний более успешными были

возглавляемые женщинами (22%). Такая тенденция особенно характерна для сферы обслуживания и розничной торговли потребительскими товарами [191].

Третье направление – разработка теоретических положений по регулированию развития предпринимательства. Теоретические основы публичной политики в отношении поддержки предпринимательства как двигателя рыночного процесса заложил Израэль М. Кирцнер [241]. По его мнению, государственное регулирование не может быть более эффективным, чем рыночное, но может потребоваться для преодоления внешних ограничений. В развитие этого тезиса, Эдвард Лейзер отметил, что «предприниматель – это единственно важный игрок в современной экономике» [245]. Такие научные представления обусловили у многих ученых уверенность в необходимости поддержки государством любого зарождающегося субъекта МСП в виде трансфертных платежей, кредитов, субсидий и др. преференций независимо от их результативности. Хотя отдельные исследователи, например, Баумол еще в 1990 г. считал, что неадекватные государственные институты как социальные формы «подкупа» могут способствовать росту деструктивного предпринимательства [196].

Скотт Шейн выражал сомнение в результативности проводимой во многих странах государственной поддержки типичных бизнесов. Он считал, что целесообразно стимулировать появление не любых, а лишь «высококачественных» новых фирм с потенциально высокими показателями эффективности, способных генерировать большое количество рабочих мест и значительную добавленную стоимость. Достижение этой цели обуславливает необходимость перехода от политики государственной поддержки типичных стартапов в виде «размазывания масла тонким слоем по бутерброду» к стимулированию малочисленной группы высокоэффективных зарождающихся фирм, в частности инновационных [273]. Теоретические положения Шейна подтверждаются практическими результатами поддержки новых многообещающих компаний в Сингапуре – стране, по оценке Всемирного Банка, лучшей в последние годы для занятия бизнесом [180].

Й. Лернер также поддерживал точку зрения о необходимости государственных инвестиций в поддержку предпринимательства в виде технологических инноваций и венчурного инвестирования. При

этом он предостерегал о недопущении проявлений теории «захвата регулятора» («regulatory capture») при государственной поддержке, а именно, оказания финансовой поддержки предпринимателям, «близким» к государственным чиновникам вместо стимулирования перспективных стартапов [247]. Также зарубежными авторами в качестве одного из факторов, влияющих на внедрение технологических инноваций субъектами МСП, выделяется необходимость повышения финансовой грамотности их управленческих кадров, что будет способствовать применению более взвешенного подхода к учету рисков и росту уверенности в успехе реализации инновационного продукта [213].

Кроме того, важной составляющей формирования и роста инновационных малых компаний, повышения вклада МСП в устойчивость развития экономики территорий является развитие сетевых межорганизационных связей [236, 279], эффективность которых во многом зависит от активности институтов развития по аспектам взаимодействия и поддержки таких форм кооперации субъектов МСП.

Обзор мнений российских авторов по результативности мер государственной поддержки. Вопросы государственной поддержки МСП на протяжении трех последних десятилетий занимают заметное место в проблематике российских социально-экономических исследований. Результат научных и практических исследований последних пятнадцати лет – осознание объективности влияния уровня развития малого и среднего бизнеса на рост экономики РФ и ее структурную диверсификацию, решение социальных проблем. Наряду с этим, теоретические основы государственной поддержки МСП, как правило, остаются за рамками внимания российских ученых-исследователей.

Из имеющихся теоретических положений интерес представляет вывод Т.А. Алимовой о существовании минимальной величины государственных расходов на поддержку МСП, ниже которой бизнес не реагирует на затраты на его поддержание. В силу этого, поддержка сектора МСП в режиме неэффективной экономики перерождается в селекцию конкретных малых и средних предприятий по критерию близости к носителям государственных властных полномочий [4].

В результате анализа достаточно немногочисленных научных публикаций по рассматриваемой проблематике установлено, что в

имеющихся работах исследования по принципам и содержанию политики государственной поддержки российского малого и среднего бизнеса носят в большей степени прикладной характер и привязаны не столько к обсуждению целесообразности, целей, масштабов и низкой результативности проводимой высокочрезвычайной политики, сколько к мониторингу текущего состояния МСП и рассмотрению отдельных составляющих и сфер системы его поддержки, главным образом законодательных основ [20], финансовых закономерностей [108], инновационной деятельности [90], экспортной деятельности [14, С. 167-285]. В отраслевом разрезе в основном исследуются причины незаинтересованности крупных предприятий-монополистов в сотрудничестве с МСП, в региональном – территориальной асимметрии малого бизнеса [16], слабой заинтересованности региональных властей в содействии развитию МСП на своей территории при действующей системе бюджетного федерализма [24, 80] и особенности поддержки МСП в чрезвычайных ситуациях, в частности, в период пандемии [172]. При этом выявлено, что в имеющихся разработках отсутствует взаимосвязь и четкая нацеленность предлагаемых направлений поддержки на соответствие целям социально-экономического развития территорий и территориальных коллабораций.

Нужно отметить, что далеко не все западные инструменты поддержки малого бизнеса на разных этапах развития признавались эффективными в российской действительности. Например, заимствованная у развитых стран практика прямого финансирования открытия бизнеса, применявшаяся в субъектах РФ с 2005 г., к началу 2021 г. была признана неэффективной. В этот период Минэкономразвития РФ отказалось от финансирования стартапов, назвав его «раздачей слонов». В качестве обоснования этого решения приводились данные о получении поддержки на открытие бизнеса предпринимателями, которые зачастую не обладали соответствующими компетенциями и опытом работы [26]. Но уже к концу 2021 г. Минэкономразвития РФ изменило свои представления о необходимости поддержки стартапов (только технологических) и по его представлению Правительством РФ была утверждена стратегическая инициатива «Взлет – от стартапа до IPO» [113]. В усиление этого направления Министерство экономического развития РФ в 2023 г. приняло решение сфокусироваться на адресной

поддержке повышения компетенций всех начинающих предпринимателей на базе центров «Мой бизнес» и цифровой платформы «МСП.РФ» [149].

Рассмотренные теоретические подходы зарубежных и российских авторов к государственной поддержке малого и среднего предпринимательства безусловно влияют на проводимую в РФ политику в отношении МСП. Между тем не достигнуто единства мнений исследователей-теоретиков и практиков в отношении степени влияния на социально-экономическое развитие территорий условий для предпринимательской деятельности, уровня развития МСП и как следствие этого неоднозначного понимания – направлений и оптимальных объемов государственной поддержки малого и среднего бизнеса. Все это актуализирует задачу проведения подобных статистических исследований для поиска основания, предопределяющего необходимость поддержки малого и среднего предпринимательства, ее направлений и объема.

Результаты статистического анализа степени взаимосвязи уровней социально-экономического развития территорий, во-первых, с условиями для развития предпринимательской деятельности и, во-вторых, уровнями развития международного и российского малого и среднего предпринимательства.

Прежде чем исследовать влияние МСП на социально-экономическое развитие территорий, следует проанализировать экономический эффект от степени благоприятности условий для предпринимательской деятельности.

Оценка влияния благоприятности условий для ведения бизнеса на уровень социально-экономического развития территорий. В целях количественной оценки влияния условий для ведения бизнеса на уровень социально-экономического развития различных стран мира было принято решение провести ранговый корреляционный анализ для определения тесноты и направления связи между этими двумя переменными. Зависимость вариации результативной переменной – уровня социально-экономического развития территории от вариации факторной переменной – легкости ведения бизнеса в ней оценена по шкале Чеддока на основе расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена (k_s) [148] по формуле 1.2:

$$k_s = 1 - 6 \frac{\sum_{i=1}^n (r_i^1 - r_i^2)^2}{n(n^2 - 1)}, \quad (1.2)$$

где $r_i^{1(2)}$ – ранг i -ой страны по уровню социально-экономического развития (благоприятности ведения бизнеса); n – количество исследуемых стран.

Для исследования использованы статистические данные 186 стран мира из базы данных Всемирного банка – Doing Business ranking по состоянию на май 2019 г. [210], поскольку в сентябре 2021 г. публикация этого ежегодного рейтинга была прекращена в связи с необходимостью выработки нового подхода к оценке международного делового и инвестиционного климата. Для подтверждения правомерности заключения о статистической значимости результатов проведенного исследования рассчитанное по формуле 1.3 наблюдаемое значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($t_{набл}$) сравнено с табличным критическим значением t -критерия Стьюдента:

$$t_{набл} = k_s \frac{\sqrt{(n-2)}}{\sqrt{1 - k_s^2}}. \quad (1.3)$$

Полученное значение оцениваемого коэффициента, а также показатель, характеризующий его статистическую значимость, приведены в таблице 1.5.

Таблица 1.5

Оценка значимости результатов рангового корреляционного анализа

Показатели	Ранг страны по легкости ведения бизнеса в 2019 г. (Doing Business)			
	Ранг страны по ВВП на душу населения в 2019 г. (GDP per capita)	k_s	$t_{набл}$	Оценка значимости k_s
	0,697	13,178	$t_{набл} > t_{кр}(370; 0,001) = 3,319^*$	сильная, положительная

Источник: *таблица критических значений t -критерия Стьюдента. – URL: https://kvm.gubkin.ru/pub/fts/tables_stat.pdf.

Данные таблицы 1.5 подтверждают существенное влияние степени благоприятности условий для ведения бизнеса в разных странах на уровень их социально-экономического развития. Подобное положение наблюдается и в Республике Башкортостан, где как свидетельствуют результаты исследований предприниматели выбирают для инвестиций

территории со сложившейся инфраструктурой и более благоприятными условиями для бизнеса [33].

Следующим этапом исследования явилось *изучение влияния МСП на уровень социально-экономического развития развитых и развивающихся стран мира*, отличающихся простотой и успешностью предпринимательской деятельности. Для оценки вклада малого и среднего предпринимательства в социально-экономическое развитие разных стран использованы такие доступные статистические показатели как доля МСП в ВВП и в обеспечении занятости, представленные в таблице 1.6.

По вкладу в социально-экономическое развитие малое и среднее предпринимательство РФ в 2-3 раза отстает от МСП развитых и развивающихся экономик мира.

Таблица 1.6

Оценка влияния уровня развития МСП на социально-экономическое развитие отдельных стран мира в 2020 г.

Показатели	Израиль	Китай	США	Япония	Сингапур	Германия	Россия
Доля МСП в ВВП, %	62,3	60,0	56,0	55,0	50,1	43,0	22,5
Доля МСП в занятости работников, %	68,7	83,0	52,0	72,0	70,7	57,0	27,0
ВВП на душу населения, в тек. ценах, долл. США	44177,6	10408,7	63027,7	39918,2	60729,5	46252,7	10162,0
Место в рейтинге Doing Business	35	31	6	29	2	22	28

Составлено по: Данные национальных счетов / Всемирный банк. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>; Проект «Ведение бизнеса» – Doing Business 2020 / Всемирный банк. – URL: <https://archive.doingbusiness.org/ru/rankings>; China Center for Promotion of SME Development (2020) 工信部以三大政策扶植中小企业创业、创新2020-02-16中国中小企业发展促进中心 中国中小企业国际合作协会 版权所有 – URL: <https://www.thepaper.cn>; Специальный доклад Президенту РФ «МСП/Постковид. Время для системных решений», 2021 г. – URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2021.html.

Количественная оценка взаимосвязи между уровнями развития МСП и экономического развития территорий РФ. По результатам оценки Институтом экономики РАН корреляционной связи между показателями развития МСП и ростом ВРП субъектов РФ в 2019 г. была выявлена низкая, а в большинстве случаев даже отрицательная связь между ними, как и динамикой занятости в развитых российских регионах [27]. Это мнение подтверждается и тем, что отдельные типы

субъектов МСП (например, малые инновационные предприятия) могут стремительно развиваться и на территориях с низкими уровнями экономического развития и инвестиционной активности [129, С. 53].

Точку зрения исследователей Института экономики РАН о недостаточном вкладе предпринимательства в социально-экономическое развитие в целом разделяют и сотрудники Института экономики УрО РАН, по мнению которых «Функционирование малого бизнеса в РФ в текущей ситуации не является фактором, обеспечивающим устойчивое развитие страны в условиях санкционного давления вследствие малой представленности в создании добавленной стоимости» [127, С. 350].

По оценке сотрудников Вологодского научного центра РАН, малое предпринимательство муниципалитетов Вологодской области также оказывает незначительное влияние на уровень ее социально-экономического развития [120, С. 31].

Наряду с рассмотренными суждениями, проведенная нами количественная оценка взаимосвязи между уровнями развития МСП и экономического развития 85 субъектов РФ в 2020 г, позволяет сделать вывод об их умеренной связи ($K_s=0,376$).

Типологическая *группировка регионов Приволжского федерального округа по величинам ВРП на душу населения и количеству субъектов МСП на 1000 чел.*, представленная на рисунке 1.1, визуальнo подтверждает нашу гипотезу о существовании умеренной связи между исследуемыми величинами посредством концентрации регионов в соответствующих ячейках типологической матрицы. Визуализированная взаимосвязь между уровнями социально-экономического развития регионов ПФО и развитием в них субъектов МСП подтверждает на данных субъектов второго по значимости в РФ федерального округа ранее сделанный на уровне всех субъектов РФ вывод о существовании хотя пока и умеренной, но при совершенствовании государственной поддержки способной усилиться зависимости.

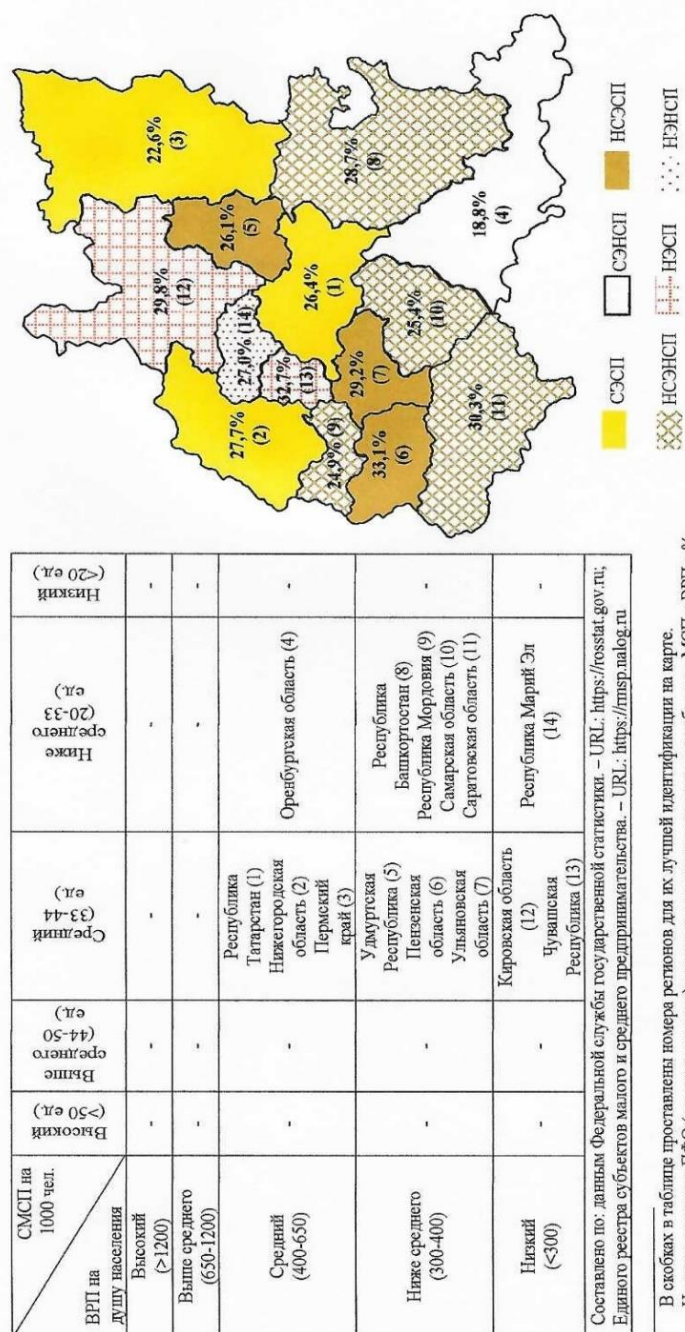

Рисунок 1.1. Классификация территорий ПФО по уровню развития экономики в целом и сектора МСП в 2020 г.

В скобках в таблице представлены номера регионов для их лучшей идентификации на карте.
На карте регионов ПФО (над их номерами) представлены доли региональных субъектов МСП в ВРП в %.

На рисунке 1.1 приняты следующие обозначения уровней экономического развития и развития МСП в регионах: СЭСР – средние уровни экономического развития и развития предпринимательства; СЭНСР – средний уровень экономического развития и уровень развития предпринимательства ниже среднего; НСЭСР – уровень экономического развития ниже среднего и средний уровень развития предпринимательства; НСЭНСР – ниже среднего уровень экономического развития и средний уровень развития предпринимательства; НСЭНСР – ниже среднего уровни экономического развития и развития предпринимательства; НЭНР – низкий уровень экономического развития и средний уровень развития предпринимательства; НЭНСР – низкий уровень экономического развития и уровень развития предпринимательства ниже среднего.

Теоретическая оценка возможности усиления влияния малого и среднего предпринимательства на социально-экономическое развитие субъектов РФ посредством увеличения объемов и результативности их государственной поддержки.

По мнению части исследователей, например, В.А. Бариновой, в большинстве случаев не удается выявить положительную связь между динамикой развития российского МСП и расширением объема его поддержки [15]. Сходятся с заключением В.А. Бариновой и результаты проведенных нами ранее исследований, свидетельствующие о слабой взаимосвязи предпринимательской активности в российских разноуровневых территориальных образованиях на разных стадиях жизненного цикла с объемами финансовой поддержки предпринимателей [10]. И.Н. Домнина и Л.И. Маевская также считают, что государственная поддержка МСП не всегда оказывается результативной.

Так, например, расширение поддержки посредством введения единого налога на вмененный доход не принесло ожидаемого эффекта в связи с сокрытием частью субъектов малого и среднего предпринимательства реальных доходов от ведения предпринимательской деятельности и уплате минимальных налогов в бюджет [57].

Низкую эффективность предпринимаемых государством мер поддержки предпринимательства отмечает и В. Русецкая. Посредством сопоставления усилий государства по поддержке малого бизнеса в условиях кризиса и реакции предпринимателей на принимаемые меры

в северо-западных регионах Российской Федерации, она сделала вывод об отсутствии существенной связи между принятыми в 2008–2009 гг. мерами по поддержке малого и среднего предпринимательства в этих регионах и состоянием и развитием МСП [130].

На отрицательную результативность господдержки МСП систематически указывают проверки Счетной палаты Российской Федерации. По данным этой организации, выделение в 2014–2017 гг. из федерального бюджета 120,5 млрд руб. на развитие малого и среднего предпринимательства в рамках госпрограммы «Экономическое развитие и инновационная экономика» не оказало существенного влияния на обеспечение занятости в сфере МСП [152].

Выводы Контрольно-счетной палаты Республики Башкортостан по результатам контроля за государственной поддержкой МСП в республике в общих чертах совпадают с видением Счетной палаты РФ. Так, в 2021 г. при увеличении финансирования более чем в 5 раз (с 19,73 до 101,38 млн руб.) мероприятий по увеличению числа новых и существующих предпринимателей регионального проекта «Создание условий для легкого старта и комфортного ведения бизнеса» значение показателя «Количество уникальных граждан, желающих вести бизнес, начинающих и действующих предпринимателей, получивших услуги» осталось неизменным и равным 4485 ед. При этом значение показателя «Количество уникальных социальных предприятий, включенных в реестр, в том числе получивших комплексные услуги и (или) финансовую поддержку в виде гранта» также не претерпело изменения, несмотря на уменьшение финансирования этого направления государственной поддержки в 2,6 раза [102].

Несмотря на недоказанность возможности положительного влияния на развитие МСП посредством увеличения средств на его поддержку, в течение трех последних десятилетий многие российские аналитики призывают к увеличению выделения бюджетных средств всех уровней на поддержку российского малого и среднего бизнеса. И в последние годы нужно отметить наращивание объемов государственной поддержки МСП в РФ. Так, с 2020 по 2022 гг. число МСП, получивших поддержку в виде льготных кредитов, выросло более чем в три раза: с 42 тыс. до более 130 тыс. ед. [3] При этом значительных изменений в развитии как самого сектора малого и

среднего бизнеса, так и его влияния на социально-экономическое развитие страны не наблюдается.

Таким образом, проведенная апробация предложенной нами методики оценки показала, что только в г. Санкт-Петербург (с выполнением одного из двух дополнительных условий) и г. Москва в настоящее время сектор малого и среднего предпринимательства достиг достаточного уровня развитости для превращения в полноценного участника территориального развития. В процессе приближения к этим городам находятся такие наиболее развитые регионы Приволжского федерального округа, как Республика Татарстан, Самарская и Нижегородская области. Сектор малого и среднего предпринимательства Республики Башкортостан пока еще в достаточной степени не сформировался для того, чтобы заметно влиять на социально-экономическое развитие республики и приобрести способность к саморазвитию, вследствие чего нуждается в значимой государственной поддержке.

Оценка взаимосвязи развитости сектора МСП на территориях Приволжского федерального округа и результативности его поддержки в современных условиях. Как видим, по усредненным данным объемов удельной федеральной государственной поддержки (в расчете на 1 субъект МСП) за 2019–2021 гг., оказываемой в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», на первых позициях находятся менее развитые в социально-экономическом отношении регионы округа с низким уровнем развития малого и среднего бизнеса (таблица 1.7).

Таблица 1.7.

Динамика объема федеральной государственной поддержки сектора МСП в субъектах РФ в 2019–2021 гг.

Регион	Объем субсидий, выделенных из федерального бюджета на поддержку малого и среднего бизнеса в расчете на 1 СМСП, тыс. руб.			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	в среднем за 2019–2021 гг.
1	2	3	4	5
Республика Мордовия	19,3	21,8	6,0	15,7
Пензенская область	11,4	25,0	8,4	14,9
Республика Марий Эл	11,0	12,1	6,2	9,8
Удмуртская Республика	18,6	6,1	2,5	9,1
Ульяновская область	9,5	13,1	2,1	8,3

Продолжение таблицы 1.7.

1	2	3	4	5
Чувашская Республика	13,1	6,9	2,3	7,4
Кировская область	7,2	7,7	4,7	6,5
Пермский край	7,5	3,8	3,9	5,1
Республика Башкортостан	2,8	8,4	3,9	5,0
Нижегородская область	5,3	6,7	1,9	4,6
Республика Татарстан	7,7	2,7	1,3	3,9
Оренбургская область	3,7	5,1	2,7	3,9
Саратовская область	2,9	5,0	2,4	3,4
Самарская область	2,1	2,9	1,4	2,1
г. Санкт-Петербург	0,4	1,1	0,4	0,6
г. Москва	0,0	0,0	0,0	0,0

Составлено по: данным Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>; Федеральной налоговой службы. – URL: <https://www.nalog.gov.ru/>.

Проведенная нами посредством инструментария рангового корреляционного анализа количественная оценка взаимосвязи между объемами государственной поддержки из федерального бюджета малого и среднего предпринимательства в г. Санкт-Петербург, г. Москва и регионах Приволжского федерального округа и развитостью в этих субъектах РФ секторов МСП в 2019–2021 гг. позволяет сделать вывод о сильной отрицательной корреляционной связи между ними ($K_s = -0,638$).

Полученный результат полностью подтверждает нашу гипотезу о том, что принятие научно обоснованного решения о масштабах и направлениях государственной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства на территориях должно опираться на достигнутый уровень развития этого сектора экономики, комплексно рассмотренный в разрезе плотности распространения малых предприятий на территории, количественных пропорций видов экономической деятельности и вклада МСП в развитие территорий и соотношения субъектов предпринимательской деятельности различных типов. Проблема научного обоснования интенсивности и результативности государственной поддержки МСП на территориях РФ не оригинальна и в той или иной степени решается как на федеральном, так и региональном и муниципальном уровнях. Вопросы при принятии решений о поддержке в основном обусловлены ожидаемой эффективностью и результативностью расходования больших или меньших объемов средств на эти цели в разных регионах.

В этом плане выделение в качестве основания для оказания поддержки комплекса показателей развития сектора малого и среднего предпринимательства в регионах и реализация на территориях специфических мер разноуровневой поддержки позволит обеспечить бóльшую результативность использования бюджетных средств всех уровней.

К настоящему времени результативность государственной поддержки МСП в российских регионах недостаточно высока. В соответствии с этим предложен механизм обеспечения оптимальных объемов поддержки субъектов МСП для увеличения их вклада в социально-экономическое развитие территорий. При его реализации отпадает необходимость в массовой высокочрезвычайно затратной государственной поддержке, за исключением чрезвычайных ситуаций. На территориях с высоким уровнем развития МСП для усиления его роли в качестве драйвера экономического развития и обеспечения промышленного суверенитета государственная поддержка должна быть направлена в соответствии с территориальными приоритетами на развитие быстрорастущих инновационных, экспортно-ориентированных МСП и МСП+ из приоритетных отраслей. В регионах с низким уровнем развития сектора МСП, обуславливающим отсутствие у предпринимателей возможности результативно отстаивать интересы собственные и своих работников, влиять на принимаемые законы и саморазвиваться, необходима государственная поддержка с более высокой средней величиной затрат в связи с отсутствием ожидания высокой отдачи от поддержки в условиях недостаточной жизнестойкости. В таких случаях можно рекомендовать регионам сосредоточиться на поддержке начинающих предпринимателей и растущего малого и среднего бизнеса.

Научная новизна результатов исследования в отличие от реализуемых подходов состоит, во-первых, в определении степени нуждаемости сектора МСП территорий в поддержке посредством анализа комплекса показателей и, во-вторых, выборе приоритетных направлений поддержки, адекватных степени его развитости и существующим внешним и внутренним условиям социально-экономического развития региона.

1.2.2. Результативность реализации в регионах РФ национального проекта «Жилье и городская среда»

Высокие стандарты качества жизни населения РФ во многом достигаются за счет удовлетворения потребности в доступном и комфортном жилье за счет средств федерального и региональных бюджетов.

Жилищный вопрос являлся острой социально-экономической проблемой на протяжении всей истории России. Согласно официальной статистике средняя обеспеченность жилой площадью в городах России в 1913 г. составляла 4,5 кв. м на человека [78]. Сразу после революции жилищные проблемы решались посредством переселения рабочих в экспроприированные дома буржуазии. В двадцатые годы большое развитие получило жилищное кооперативное строительство, которое составляло около половины объема государственного жилищного строительства.

Масштабы строительства жилья значительно увеличились в середине XX века и уже с 1966 г. в СССР вводилось в эксплуатацию около 100 млн кв. м общей площади жилья в год. Это давало возможность ежегодно улучшать жилищные условия примерно 11 млн человек [78].

В 70-80-е годы государством решалась задача наращивания объемов жилищного строительства для обеспечения населения бесплатным жильем в порядке очереди. Тем не менее жилищная проблема продолжала оставаться острой. И для ее дальнейшего решения в 1986 г. была принята Государственная программа СССР «Жилье-2000», в которой ставилась задача за пятнадцать лет обеспечить каждую семью в стране отдельной квартирой или собственным домом. Однако распад СССР и последующие перемены в социально-экономическом устройстве страны не дали возможность ее завершить. При декларировании необходимости реализации программы на ее осуществление не были запланированы достаточные финансовые и материально-технические ресурсы.

Решение жилищной проблемы в России остается актуальным в настоящее время. По данным Росстата в 2022 г. размер общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя России, составлял 28,2 кв. м, что значительно ниже чем в Австралии (89 кв. м), Канаде (76 кв. м), США (68 кв. м), Германии (46 кв. м) и других

странах. Вместе с тем есть территории, где этот показатель меньше, чем в России (в Гонконге – 15 кв. м, в Китае – 20 кв. м [62]).

В конце 2018 г. в соответствии с Указом Президента РФ был утвержден перечень национальных проектов, один из которых получил название «Жилье и городская среда» со сроком реализации до 2024 г. В 2022 г. его действие было продлено до 2030 г. В состав национального проекта «Жилье и городская среда» входят федеральные проекты: «Ипотека», «Жилье», «Формирование комфортной городской среды» и «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» [95]. На реализацию национального проекта «Жилье и городская среда» запланировано 1,07 трлн рублей из всех источников, включая внебюджетные. Ключевыми целевыми показателями являются: обеспечение доступным жильем семей со средним достатком, обеспечение ежегодного ввода в эксплуатацию 120 млн кв. м жилья, улучшение жилищных условий 5 миллионов семей ежегодно, кардинальное повышение комфортности городской среды, а также обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда [95].

Итоги реализации федерального проекта «Жилье». В 2022 г. объем ввода жилой площади составил 102,7 млн кв. м, что на 28,4% больше показателя, установленного федеральным проектом. При этом показатели строительства многоквартирных домов превысили плановые значения на 4,7% (рисунок 1.2).

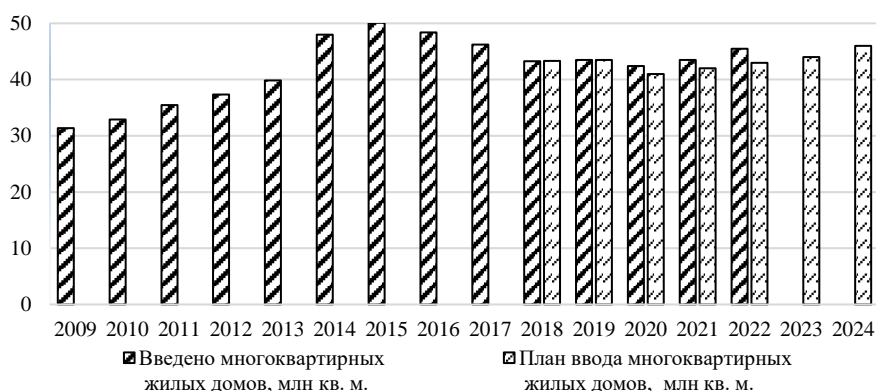

Рисунок 1.2. Динамика объемов введенной общей площади многоквартирных домов, млн кв. м

Источник: данные Росстата [161], данные Минстроя [150].

Объем индивидуального жилищного строительства превысил плановые значения на 54,6% и составил на конец года 57,2 млн кв. м (рисунок 1.3).

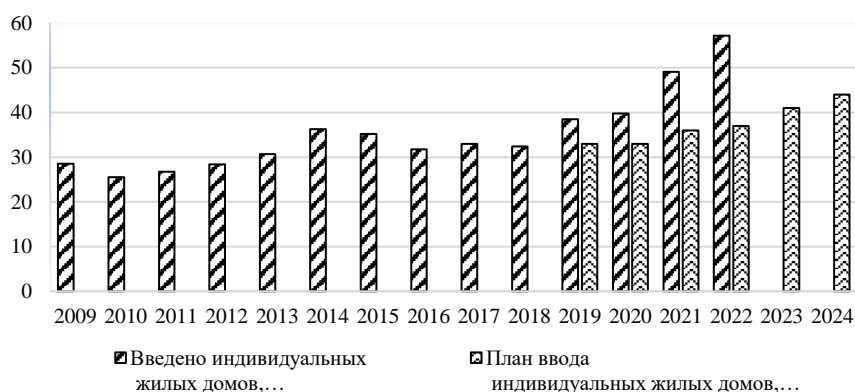

Рисунок 1.3. Динамика объемов введенной общей площади индивидуальных жилых домов, млн кв. м

Источник: данные Росстата [161], данные Минстроя [150].

В строительной отрасли России в течение 13 лет наблюдалась стагнация, и только в начале 2021 г. был превышен уровень 2008 г. В 2022 г. отмечался рекордный рост жилищного строительства. По сравнению с 2000 г. ввод жилой недвижимости увеличился в 3,4 раза.

За тот же период было начато проектирование 402 млн кв. м жилья, а также были выданы разрешения на строительство 50 млн кв. м.

Строительная отрасль по итогам первого полугодия 2023 г. имела положительную динамику по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. С начала года ввели 52 млн кв. м жилья, из которых многоквартирные дома – 21,7 млн кв. м. Увеличение градостроительного потенциала составило 5,6%, на 21% увеличилось количество новых проектов. Объем действующих разрешений на строительство также вырос и достиг 153,9 млн кв. м. Общий жилищный фонд составил 4,1 млрд кв. м. Для достижения поставленных Президентом целей за 10 лет планируется построить более миллиарда квадратных метров жилья.

Наблюдается повышенный интерес к индивидуальному жилищному строительству. Этому способствовало несколько

факторов, в том числе распространение всех льготных ипотечных программ на ИЖС. В частности, на приобретение и создание объектов ИЖС за первое полугодие выдано почти 120 тысяч кредитов на 443 млрд рублей, что составляет 14% от выдачи всех ипотечных кредитов. Объем выданных займов за этот период уже составил 82% от прошлогодних годовых показателей [150].

Несмотря на то, что основная часть вводимого в эксплуатацию жилья к 2030 г. должна приходиться на многоквартирные дома, индивидуального жилищного строительства обладает достаточно большим потенциалом. Именно этот сегмент рынка недвижимости может обеспечить достижение поставленных в национальном проекте целей [139].

Анализ объемов жилищного строительства в разрезе регионов позволяет сделать вывод о наличии значительной дифференциации по показателю ввода жилой площади. Лидерами по вводу жилья традиционно являются субъекты РФ, для которых характерны значительный прирост населения и, как следствие, рост спроса на жилую недвижимость, высокий уровень доходов и инвестиций. К таким регионам в первую очередь относятся Московская область, Краснодарский край, Москва, Ленинградская область, Санкт-Петербург, Тюменская область и Татарстан.

В пятнадцати регионах-лидерах по жилищному строительству было введено немногим менее 60% всего жилья. В Чеченской Республике с начала реализации федерального проекта «Жилье» объем введенных площадей увеличился в 3,4 раза.

К регионам с самыми низкими показателями объемов ввода жилья относится Карачаево-Черкессия, Ингушетия, а также отдельные регионы Сибири и северных территорий страны (таблица 1.8).

Основной объем строящихся квадратных метров пришелся на десять российских регионов. Среди лидеров оказались Москва, где запустили проекты общей площадью 5,8 млн кв. м, Краснодарский край (4,8 млн кв. м) и Московская область (3,2 млн кв. м).

По приросту новых жилищных комплексов лидером стал Краснодарский край – там по сравнению с 2021 г. активность девелоперов выросла на 65%. В Новосибирской области запустили на 24% больше проектов, в Ростовской области – на 10%.

Таблица 1.8

**Регионы с самыми высокими и самыми низкими показателями ввода
жилья в 2022 г., тыс. кв. м**

Регионы	2018г.	2022г.	Темп прироста к 2018 г., %	Регионы	2018г.	2022г.	Темп прироста к 2018 г., %
Московская обл.	8866,6	14096	58,98	Карачаево-Черкессия	174,8	309,0	76,78
Краснодарский край	4414,9	7592,6	71,98	Респ. Бурятия	247,8	291,8	17,74
г. Москва	3541,2	6797,3	91,95	Забайкальский край	186,5	283,2	51,87
Ленинградская обл.	2640,6	3968,7	50,29	Республика Коми	290,2	202,8	-30,13
г. Санкт-Петербург	3950,3	3474,2	-12,05	Ямало-Ненецкий АО	186,0	190,0	2,17
Тюменская обл.	2120,4	3313,3	56,26	Мурманская обл.	46,3	180,4	289,62
Респ. Татарстан	2409,9	3093,4	28,36	Респ. Алтай	108,3	164,7	52,07
Респ. Башкортостан	2290,0	3062,5	33,73	Респ. Тыва	93,1	139,7	50,02
Свердловская обл.	2088,2	2942,6	40,92	Респ. Ингушетия	235,7	134,9	-42,77
Ростовская обл.	2347,4	2703,7	15,18	Респ. Калмыкия	90,4	123,0	36,10
Тюменская обл. (без АО)	1348,4	2245,4	66,52	Камчатский край	35,5	67,4	89,78
Новосибирская обл.	1738,4	2243,5	29,06	Ненецкий АО	18,5	35,7	93,04
Чеченская Респ.	600,3	2016,3	235,88	Еврейская АО	27,8	25,3	-9,03
Пермский край	1081,2	1986,9	83,77	Магаданская обл.	4,3	11,5	167,95
Воронежская обл.	1691,1	1921,8	13,64	Чукотский АО	1,8	3,5	95,61

Итоги реализации федерального проекта «Ипотека» и динамика доступности жилья с использованием ипотечных кредитов.

Главными показателями оценки уровня и темпов реализации федерального проекта «Ипотека», согласно Паспорту, являются средний уровень процентной ставки по ипотечному кредиту, объем выдачи ипотечных кредитов на приобретение жилья на первичном рынке.

По данным ЦБ РФ количество заемщиков за первое полугодие 2023 г. увеличилось на 2 млн человек по сравнению с 2022 г. и составило 47 млн человек [173].

Изменился и профиль ипотечных заемщиков. Увеличилось число граждан, которые, помимо ипотеки, имеют обязательства по другим кредитам. С целью снижения текущей платежной нагрузки на заемщиков банки начали предоставлять больше ипотечных кредитов на 30 лет. В IV квартале 2022 г. они составляли 40% от общего объема выданных ипотечных займов, хотя годом ранее их доля не превышала 20%. При этом плановый срок погашения более 40% ипотечных кредитов, предоставленных в IV квартале 2022 г., приходится на момент, когда возраст одного из созаемщиков достигнет 65 лет [173].

Следует отметить, что уровень долговой нагрузки населения значительно увеличился. По данным ЦБ РФ, задолженность россиян перед банками на 1 мая 2023 г. достигла 30,2 трлн рублей. По итогам I квартала она составляла менее 28 трлн рублей, а уровень закредитованности находился на уровне 41%. Наибольшая долговая нагрузка приходится на ЯНАО, ХМАО, Чукотский АО и Магаданскую область. Наименее закредитованными являются жители Ингушетии, Чечни и Дагестана. Дальнейшее увеличение долговой нагрузки на фоне стагнации уровня реальных доходов может привести к росту бедности и сокращению инвестиций в экономику.

Кроме того, высокие темпы роста жилищного кредитования способствуют ускорению роста цен на рынке недвижимости. Это в первую очередь касается льготной ипотеки, на которую не оказывает влияние изменение ключевой ставки. В этой связи регулятор предполагает использовать дополнительные инструменты для ограничения кредитования, а именно, установить макропруденциальные лимиты. Таким образом, ЦБ РФ повышает требования к банкам по резервному капиталу для выдачи займов, в первую очередь клиентам с высокой долговой нагрузкой. Также регулятор предложил правительству поднять минимальный первоначальный взнос по программе льготной ипотеки с целью «охлаждения» рынка жилищных займов.

Тем не менее ипотека остается основным инструментом улучшения жилищных условий граждан – большая часть сделок с жильем на первичном рынке совершается с помощью ипотечного кредита.

Для анализа доступности жилья с использованием ипотеки, на наш взгляд, подходит модель НАQ, разработанная для выявления проблем доступности жилья в Китае. Модель включает в себя два измерения: доступность первоначального взноса (DPA) и доступность ежемесячного погашения (MRA) [274].

DPA выражается как отношение остатка сбережений домохозяйства к первоначальному взносу (формула 1.4):

$$DPA = \frac{HS}{\rho \cdot P \cdot S}, \quad (1.4)$$

где ρ – коэффициент первоначального взноса, P – средняя цена единицы площади, S – стандартная площадь жилого жилья, HS – средние сбережения домохозяйства.

MRA рассчитывается как соотношение ежемесячного дохода семьи и ежемесячной суммы погашения ипотеки. При этом динамический доход RI на j -м году после покупки дома рассчитывается по формуле 1.5:

$$RI_j = (I - C + C_h)(1 + \beta)^j \cdot m, \quad (1.5)$$

где C – годовые потребительские расходы на душу населения, C_h – годовые расходы на жилье на душу населения, I – годовой располагаемый доход на душу населения, m – среднее количество членов на одно домохозяйство, β – темп роста остаточного дохода.

В результате ежемесячная платежеспособность может быть рассчитана как (формула 1.6):

$$MRA_j = \frac{RI_j/12}{(1-\rho) \cdot P \cdot S \cdot \frac{i(1+i)^{12n}}{(1+i)^{12n}-1}}, \quad (1.6)$$

где i – ежемесячная процентная ставка по ипотеке.

В зависимости от расчета DPA и MRA строится квадрант доступности жилья. На оси x откладываются значения показателя DPA , а на оси y – показатель MRA , две оси пересекаются в начале координат. Таким образом, вся плоская область разделена на четыре квадранта. Точки в первом квадранте имеют $DPA > 1$ и $MRA_j > 1$, что означает способность семьи выплатить первоначальный взнос и ежемесячную сумму погашения. Точки во втором квадранте имеют $DPA < 1$ и $MRA_j > 1$ и показывают, что семья может выплачивать ежемесячную сумму кредита после покупки, но семейные сбережения не могут обеспечить первоначальный взнос.

Точки в третьем квадранте с $DPA < 1$ и $MRA_j < 1$ характеризуют абсолютную недоступность ипотеки для семьи. Значения $DPA > 1$ и $MRA_j < 1$ в четвертом квадранте показывают, что семья способна оплатить первоначальный взнос, но не способна погашать ежемесячные платежи по ипотечному кредиту [274].

Данная модель была применена для расчета доступности жилья с использованием ипотеки в российских регионах по состоянию на

конец 2022 г. и в первом полугодии 2023 г. Поскольку полный объем необходимой статистической информации по регионам отсутствует, были внесены отдельные корректировки в формулы.

Согласно методике расчета уровня доступности жилья Минстроя России, доля платежа по ипотечному жилищному кредиту в доходах домохозяйства принимается равной 35%. Таким образом, сумму дохода, который домохозяйство может направить на погашение кредита, определяли как $RI_j = 0,35 \cdot I \cdot m$.

Средние сбережения домохозяйства (HS) были рассчитаны по данным Центрального банка России о финансовых активах населения. При этом в расчет принимались наличная валюта, депозиты, денежные средства на брокерских счетах и долговые ценные бумаги.

Результаты анализа представлены на рисунках 1.4-1.5.

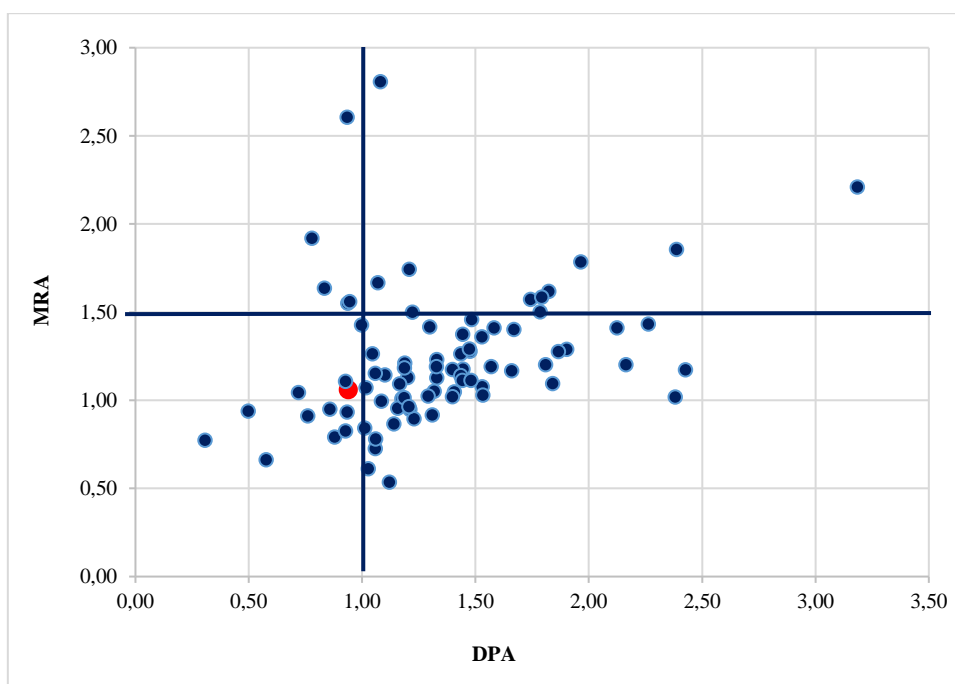

Рисунок 1.4. Доступность приобретения жилья с использованием ипотечного кредита в регионах в IV квартале 2022 г.

Расчет автора по данным Росстата и ЦБ РФ.

Из рисунка 1.4 видно, что первый квадрант с показателями $DPA > 1$ и $MRA > 1$ включает большинство российских регионов. Таким образом, значительная часть населения в 2022 г. имела достаточно средств для первого взноса и ежемесячного погашения кредита.

Шесть регионов, включая Московскую область, Камчатский край, Амурскую область, Магаданскую область, Сахалинскую область и Чукотский автономный округ, расположились во втором квадранте. В данных регионах домохозяйства способны выплачивать ежемесячную сумму кредита, но их сбережений недостаточно для первоначального взноса. В третий квадрант с $DPA < 1$ и $MRA < 1$ попали Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Ленинградская область, Татарстан, Нижегородская область, Забайкальский и Приморский край. Регионы, расположившиеся в четвертом квадранте с $DPA > 1$ и $MRA < 1$ могут оплатить первоначальный взнос, но не могут погасить ежемесячный кредит. К ним относятся Крым, Астраханская область, Башкортостан и практически весь Сибирский федеральный округ.

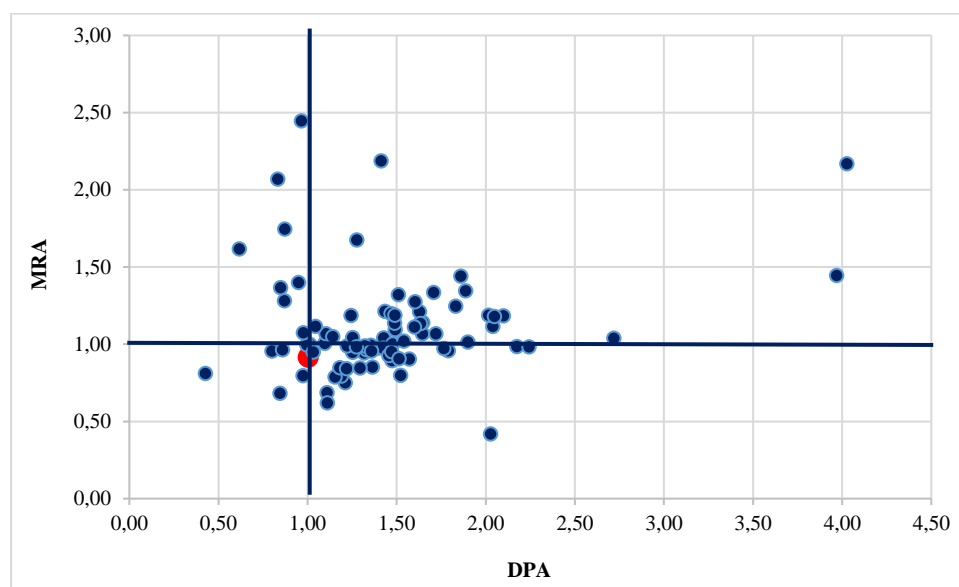

Рисунок 1.5. Доступность приобретения жилья с использованием ипотечного кредита в регионах во II квартале 2023 г.

Расчет автора по данным Росстата и ЦБ РФ.

Из рисунка 1.5 видно, что из первого квадранта часть регионов переместилась в четвертый. Данный факт указывает на ухудшение платежеспособности населения в данных регионах, а также на увеличение суммы первоначального взноса во II квартале 2023 г. Банк России с 1 июня 2023 г. повысил требования к минимальному первоначальному взносу. С 1 июня 2023 г. его размер увеличился до 20%. С 1 января 2024 стартовый взнос станет еще дороже – он вырастет до 30%. Вместе с тем наблюдается некоторое улучшение показателя доступности ежемесячных платежей и первоначального взноса в Москве.

Динамику показателя *MRA* можно проследить с помощью системы индексов (формула 1.7):

$$I_{MRA} = \frac{I_{RI}}{I_C \cdot I_i}, \quad (1.7)$$

где I_{RI} – индекс дохода, который домохозяйство способно направить на погашение ежемесячных выплат по ипотечному кредиту; I_C – индекс стоимости ипотечного кредита (характеризует изменение цены квадратного метра жилья); I_i – индекс процентной ставки по ипотечному кредиту.

В приложении А представлены результаты расчетов индексов по регионам России в 2022 г. по сравнению с 2018 г. За базу сравнения принят год начала реализации национального проекта. Данные показывают, что несмотря на снижение средних ставок по ипотеке в подавляющем большинстве субъектов РФ доступность ежемесячных платежей (*MRA*) уменьшилась.

Это объясняется тем, что темпы роста стоимости жилья превысили темпы роста доходов населения. Исключение составляют регионы Северо-Кавказского федерального округа, где *MRA* увеличился в среднем на 7%, а также отдельные регионы других федеральных округов (кроме СФО).

Таким образом, на основе проведенного анализа можно обозначить следующие ключевые моменты:

- увеличение объемов строительства и ввода жилья на фоне стабилизации ситуации в строительной отрасли;
- региональная дифференциация по показателю ввода жилья;

- развитие рынка индивидуального жилищного строительства, увеличение доступности ипотечного кредитования для данного сегмента рынка недвижимости;
- увеличение долговой нагрузки населения;
- снижение доступности приобретения жилья для большей части населения, в том числе за счет ипотечного кредитования, вследствие падения реальных доходов и роста цен на рынке недвижимости.

1.3. Проблемы, возникающие при оценке результативности общественных финансов в условиях неопределенности

В современной сложной геополитической обстановке повышается значимость решения задачи создания условий и предпосылок для максимально результативного управления общественными финансами РФ на всех территориальных уровнях. Нужно отметить, что в последние годы в российской бюджетной практике предпринимались попытки помимо экономической результативности бюджетных расходов оценить и сопутствующие социальные, научно-технические, экологические и др. эффекты результативности расходования государственных средств, но комплексной системы оценки разработано не было.

Тем не менее установлено, что несмотря на реализуемые процессы совершенствования использования бюджетных ресурсов, ряд проблем все еще остается нерешенным. В их числе:

1. Отсутствие единого подхода к определению и использованию термина «результативность», в том числе применительно к общественным финансам субъектов РФ, как в экспертных, научных сообществах, так и в нормативно-правовых актах государственных органов управления и его смешение с другими дефинициями (прежде всего, с понятием «эффективность»).
2. Распределение бюджетных средств, по-прежнему, осуществляется, в основном, на основе корректировки (индексации) ретроспективных расходов, без четкой привязки к целям и ожидаемым результатам социально-экономического развития территории.
3. Продолжающийся действовать механизм сметного финансирования является высоко затратным и недостаточно отражающим результаты деятельности бюджетных учреждений.

4. Не исследована взаимосвязь между результативностью расходования бюджетных средств органами исполнительной власти и результатами деятельности субъектов РФ (местного самоуправления), ответственных за оказание соответствующих бюджетных услуг и динамику бюджетных расходов по этим направлениям.

5. Наблюдается несогласованность инвестиционных приоритетов государства и крупного, среднего и малого бизнеса. Повышение бизнес-активности, как итог результативности бюджетных расходов на поддержку бизнеса, обуславливает необходимость его привлечения к выработке приоритетов в рамках национальных проектов, государственных программ, особенно на региональном уровне.

6. Формат сотрудничества государственных органов управления и бизнеса недостаточно сбалансирован в системе «сильный порядок – «творческая ризома», обеспечивающей постоянный приток инноваций «снизу» для повышения результативности бюджетных расходов на его поддержку. Не окончательно сформирована «экосистема» экономического и технологического роста бизнеса для взаимовыгодной коммуникации представителей органов управления, бизнеса и институтов развития. Таким образом, вопросы оценки и внедрения в бюджетный процесс механизмов обеспечения результативности бюджетных расходов во всем многообразии целей управления ими в настоящее время приобретают особую актуальность. Учет вышеперечисленных проблем при оценке результативности расходования бюджетных средств позволит нацелить ее результаты на разработку мероприятий по повышению результативности расходования бюджетных средств на оказание бюджетных услуг в социально-экономическом, экологическом и научном-техническом направлениях.

Переход с 1 января 2024 г. на новую систему управления региональными и муниципальными госпрограммами [86], основанную на проектных принципах и применяемую с 2021 г. в федеральных программах, будет способствовать снижению остроты части вышеуказанных проблем. Однако вопросы методического обеспечения оценки результативности использования региональных общественных финансов с учетом их влияния на динамику макроэкономических показателей все еще не теряют своей актуальности и будут являться предметом дальнейших исследований.

1.4. Обеспечение роста доходного потенциала региона как фактор повышения результативности использования его общественных финансов

В условиях недофинансирования различных сфер социально-экономического развития во многих субъектах РФ по сравнению с регионами-лидерами важным аспектом повышения результативности общественных финансов становится выявление направлений их роста, прежде всего в части налогов на доходы и имущество физических лиц.

Возможности роста доходного потенциала региона за счет налога на доходы физических лиц. Подоходное налогообложение носит системный характер воздействия на региональную экономику и способствует ее развитию по следующим направлениям:

- подоходное налогообложение является ключевым инструментом формирования доходной части бюджета и, следовательно, одной из основ реализации социальной и экономической политики государства;

- данный налог обладает большими возможностями воздействия на уровень реальных доходов населения, перераспределения доходов, способствует обеспечению социальной справедливости и равенства в обществе;

- формирование эффективной системы подоходного налогообложения может увеличить платежеспособный спрос населения и, следовательно, поступления в бюджет налогов на добавленную стоимость, налогов на прибыль и др.;

- механизм подоходного налогообложения выступает как один из автоматических стабилизаторов в сглаживании деловых циклов и снижении волатильности совокупного выпуска;

- подоходное налогообложение может стимулировать рост сбережений населения, что создает базу для увеличения производства, создания рабочих мест и в итоге обеспечения экономического роста.

В контексте реализации данных направлений перед любой национальной системой стоит задача формирования и создания такого механизма подоходного налогообложения, обеспечивающего условия достижения ключевых приоритетов социально-экономического развития.

Если рассматривать основные направления совершенствования налоговой политики зарубежных стран, а также исследования, отражающие современные достижения мировой теории и практики в этой области, следует отметить, что вопроса выбора между прогрессивной и пропорциональной системами подоходного налогообложения в них не ставится. Прогрессивная система рассматривается как наиболее эффективная и оптимальная как в контексте создания условий социально-экономического развития, так и в плане формирования бюджетных доходов государства. Ключевым же вопросом научных и политических дискурсов является вопрос формирования такой шкалы и предельных ставок прогрессивного налогообложения, которые способствовали бы позитивной динамике социально-экономических систем. При этом необходимость высокой степени прогрессивности подоходного налогообложения доказывается основным нормативным принципом социальной справедливости, поскольку любой доход является производным общественной экономики, результатом совокупного труда. Поэтому каждый субъект должен отдать обществу пропорционально получаемому от него доходу, что позволяет обеспечить социальное равенство в обществе. Так, например, согласно исследованиям независимой международной организации Oxfam, ежегодный дополнительный налог на богатство топ самых богатых людей мира в размере до 5% может вывести из бедности 2 млрд человек (при границе бедности в размере 6,85 долл., установленной Всемирным банком)¹.

Выявление специфики формирования налоговых доходов в национальных системах различного уровня развития определяет реализацию возможностей аккумуляции и использования финансовых ресурсов. Подоходное налогообложение в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком заметно отличается от налогообложения развитых стран, что определяется низким уровнем дохода на душу населения, меньшей долей трудовых доходов, получаемых наемными работниками, большей долей самозанятости и сельскохозяйственного сектора. Более высокая доля сектора с низкой производительностью, также известного как неформальная экономика, потенциально влияет на накопление подоходного налога [239].

¹ Richest 1% bag nearly twice as much wealth as the rest of the world put together over the past two years. – URL: <https://www.oxfam.org/en/press-releases/richest-1-bag-nearly-twice-much-wealth-rest-world-put-together-over-past-two-years>.

Способность подоходного налогообложения аккумулировать средства может различаться в зависимости от качества институтов и их способности обеспечивать соблюдение налогового законодательства. Развивающиеся страны характеризуются низким уровнем развития институциональных механизмов налогообложения и обеспечения соблюдения налогового законодательства, поэтому здесь существуют значительные масштабы уклонения от уплаты налогов, особенно высокодоходных агентов [190]. Эта специфика также распространена в странах с формирующимся рынком, хотя и в меньшей степени. Данный фактор имеет особое значение при существующем отсутствии влияния увеличения налоговой ставки на увеличение уклонения от уплаты налогов. Теоретическое исследование показывает, что если ставка налоговых взысканий налагается на уклонение от уплаты налога, то увеличение ставки налога приведет к уменьшению уклонения от уплаты налогов, а не к предполагаемому увеличению. Прогрессивная шкала налоговых ставок стимулирует уклонение от уплаты налогов и, следовательно, принесет меньше налоговых поступлений правительству, чем пропорциональная шкала налоговых ставок, только в том случае, если налогоплательщик нейтрален к риску [268].

В развивающихся странах и странах с формирующимся рынком экономическая и институциональная структура страны в значительной степени ограничивает структуру и роль подоходного налога. Международный опыт показывает, что по мере развития стран, налоговая база, с которой взимается подоходный налог, увеличивается, а совершенствование технологических и институциональных условий позволяют налоговой администрации лучше контролировать налоговую базу, особенно самозанятых, которые составляют значительную долю от общей занятости в развивающихся странах. Так согласно исследованиям У. Крэндалла, Е. Гэвин и А. Мастерс администрирования налогообложения) административные издержки налогообложения имеют следующую специфику по группам стран: страны с более высоким уровнем дохода имеют самые низкие затраты на сбор налогов (0,89 денежной единицы затрат для сбора 100 денежных единиц налога по сравнению с 1,10 для стран с более низким уровнем дохода), поскольку они могут лучше использовать преимущества автоматизации и экономии за счет масштаба [208].

К сокращению объема получаемого подоходного налога приводят также способы уклонения от уплаты, которые применяются агентами в рамках закона: перемещение времени получения дохода и трансформация одного вида дохода в другой. В первом случае агент осуществляет перенос дохода на период, в котором ожидается снижение предельной ставки налога. Во втором случае происходит перевод дохода в форму, которая облагается меньшей ставкой налога или в отношении которой установлены налоговые преференции [141].

Другим фактором, влияющим на аккумуляцию подоходного налога, является инфляционный фактор. Существенное влияние инфляции на подоходное налогообложение заключается в том, что она может быть источником «сдвига» границ налоговых ставок, в результате чего налогоплательщики «выталкиваются» в более высокие интервалы подоходного налога. Это происходит в случае отсутствия роста реальной заработной платы или дохода: если средняя заработная плата растет вместе с инфляцией, а номинальная шкала подоходного налога остается неизменной. В итоге это приводит к отрицательному эффекту влияния инфляции на долю подоходного налога в развитых странах и чистому положительному эффекту в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком, что указывает на существование инфляционного «сдвига» границ налоговых ставок.

Роль фонда заработной платы в государственном секторе в накоплении подоходного налога заключается в том, что этот сектор представляет собой легко облагаемый подоходным налогом сектор. При этом влияние размера фонда заработной платы в государственном секторе (в процентах от ВВП) в развитых странах положительно и статистически значимо влияет на объем дохода от подоходного налога. Однако этот эффект в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком менее выражен, чем в развитых странах. В целом оценки показывают, что увеличение на один процентный пункт фонда заработной платы государственного сектора от ВВП, при прочих равных условиях, приводит к увеличению доходов от подоходного налога в развивающихся странах на 0,15 п.п., а в странах с формирующимся рынком – на 0,3 п.п. от ВВП [197].

Другим фактором, влияющим на аккумуляцию подоходного налога, являются параметры налоговой политики, и, в частности, уровень налогооблагаемого порога. Здесь также можно выделить двойственное влияние данного фактора на объемы поступлений

подходного налога в бюджет по группам стран. По оценкам Д. Бенедик, Х. Бенитеса, Ч. Веллутини, сдвиг налогового порога по шкале налогообложения в сторону увеличения в целом приводит к снижению объемов поступлений подходного налога в развитых странах и увеличению налоговых поступлений в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком. В частности, увеличение порога в размере единицы ВВП на душу населения, при прочих равных условиях, увеличивает поступление подходного налога на 0,02 п.п. ВВП в странах с низким уровнем дохода и на 0,04 п.п. в странах с формирующимся. В качестве причин данной зависимости можно выделить, во-первых, перенос налоговой нагрузки на агентов с меньшими доходами, которые легче учитывать в налоговой базе, и, во-вторых, по мере того, как эти страны повышают пороговые значения подходного налога, они одновременно сокращают налоговые вычеты и льготы, которые в чистом выражении приводят к увеличению доходов от подходного налога [250].

Предельное влияние самой низкой ненулевой ставки подходного налога на общий объем данного налогового дохода является положительным и значительным. При прочих равных условиях увеличение минимальной ненулевой ставки на один процентный пункт увеличивает долю доходов от подходного налога на 0,05 и 0,09 п.п. от ВВП соответственно.

В целом, изменения в экономических переменных (ВВП на душу населения, доля сельского хозяйства в ВВП, доля самозанятости в общей занятости, фонд заработной платы в государственном секторе как доля от ВВП, инфляция) объясняют большую часть положительной динамики подходного налога за последние 14 лет по группам стран. Наблюдаемые изменения в переменных, оказывающих отрицательное влияние на налоговый доход могут отражать то, что эти изменения не были направлены на увеличение дохода от подходного налога. Влияние рассматриваемых факторов также различается по группам стран. В то время как в развитых странах увеличение поступлений от подходного налогообложения связано с экономическими переменными на 0,23 п.п. к ВВП (78% от общего наблюдаемого изменения по всем странам), изменения в политике налогообложения оказывают чистое положительное влияние на поступление налоговых доходов от подходного налога на 9%. В странах с формирующимся рынком (СФР) изменения экономических переменных привели бы к

большему увеличению доходов от подоходного налога (2,0 п.п. ВВП), если бы не негативное влияние факторов, связанных с политикой налогообложения (минимальный порог, минимальная ненулевая предельная ставка, максимальная предельная ставка, верхний порог для уплаты максимальной предельной ставки подоходного налога, а также доля дохода от налога на доходы организаций и НДС), которые нивелировали потенциальный рост совокупной величины подоходного налога на -1,4 п.п. ВВП. В развивающихся странах налоговые факторы оказали незначительное негативное влияние на рост доходов от подоходного налога (-0,1 п.п. ВВП), в то время как большая часть увеличения доходов от налога пришлась на изменения экономических переменных: 0,8 п.п. ВВП или 117% от общего наблюдаемого изменения по всем странам [197].

Таким образом, рост доходов от подоходного налогообложения в основном связан и объясняется изменениями экономических переменных, а не изменениями параметров, связанных со структурой налоговой политики. В частности, рост ВВП на душу населения и размер фонда заработной платы в государственном секторе в развивающихся странах и странах с формирующейся рыночной экономикой стали ключевыми факторами увеличения поступлений от подоходного налога в этих странах, в то время как снижение доли самозанятых внесло дополнительный вклад в увеличение доходов от подоходного налогообложения. Изменения налоговых переменных оказали более слабое и часто более сложное воздействие на группы стран. Так, по оценке ученых, наблюдаемые изменения параметров политики подоходного налогообложения за период с 2006–2018 гг. оказал негативное влияние на поступления от подоходного налога в СФР и развивающихся странах. При этом увеличение доходов от подоходного налога идет параллельно с ростом налога на доходы организаций как в странах с формирующейся рыночной экономикой, так и в странах с низким уровнем дохода, что, на наш взгляд, отражает, с одной стороны, рост общего уровня благосостояния, что приводит и к росту платежеспособного спроса и, следовательно, росту доходов организаций. С другой стороны, это связано с улучшением возможностей администрирования налоговых доходов.

Хотя подоходное налогообложение определяется экономическим развитием, экономический рост автоматически не приводит к повышению собираемых налогов. Расширение налоговой сетки и

увеличение налоговой базы требует, чтобы правительства рассматривали эффективную политику налогообложения в качестве одного из приоритетов. Правительство будет облагать доходы налогом только в том случае если оно этого хочет, тем более что властные структуры обладают информацией о существующих пробелах в налогообложении [198]. Политическая воля, в свою очередь, является продуктом структуры внутривластного торга страны в отношении налогов.

Процесс переговоров занимает центральное место в принятии решений о разработке налоговых режимов и оперативных решений. Заинтересованные стороны могут извлечь выгоду из сохранения статус-кво низких налогов и дискреционной практики взимания налогов. Как пишет Л. Майлс [251], в каждой стране большая часть теоретически подлежащих налогообложению доходов, сделок или активов ускользает от налога по причине политического влияния и коррупции. Налоговые режимы, главным образом в развивающихся странах и СФР, имеют тенденцию быть предвзятыми в пользу налогоплательщиков с наибольшей властью на переговорах, кто может легче всего уклониться от уплаты налогов и чье влияние более ценно в долгосрочной перспективе. В результате такого распределения переговорной силы правительства проявляют большое нежелание облагать налогом личные доходы граждан высокодоходной группы, а также все более крупные накопления капитала, вложенные в недвижимость [254]. По сути, подоходный налог – один из лучших способов обложить налогом богатых – почти полностью неэффективен, кроме налогов на заработную плату работников формального сектора. В принципе существуют хорошие перспективы увеличения налоговых поступлений в странах с низким доходом на создание более эффективных систем налогообложения доходов, но поскольку такие налоги затрагивают относительно более состоятельные группы, обладающих большим политическим влиянием, их очень трудно эффективно внедрить на практике. Аналогичное влияние могут оказывать медианные группы в демократических системах посредством выбора определенных партий и политических движений.

С неразвитыми рынками связан значительный сектор неформальной экономики, что является еще одним препятствием для аккумуляции подоходного налога. Поскольку по своей природе

неформальная экономическая деятельность не попадает в поле зрения налоговых должностных лиц, административные издержки выхода на неформальный сектор могут быть очень высокими. В развивающихся странах экономическая деятельность ведется таким образом, что это затрудняет реализацию налогового законодательства. В таких странах сельскохозяйственный сектор относительно велик, высока доля самодостаточной экономики в общей экономике, высока доля немонетизированной экономики в общем валовом внутреннем продукте, преобладают мелкие и разрозненные производственные единицы. Этот сектор обычно состоит из множества малых и микропредприятий, доход которых обычно ниже минимального порога уплаты налога или чуть выше его. Такие обстоятельства препятствуют эффективности механизма налогового правоприменения и создают большой соблазн и возможности для уклонения от уплаты налогов. При этом экономический рост не обязательно означает уменьшение неформального сектора – большую роль в этом процессе играет правительство, создавая функциональную правовую систему. По мнению Т. Бесли и Т. Перссон, государственные институты и налоговые системы развиваются вместе, поэтому слабое и неподотчетное обществу государство не имеет сильных мотивов для создания эффективных систем аккумуляции налоговых доходов. Поиск способов включения большей части неформального сектора в налоговую сеть также может принести пользу относительно совершенствования государственных механизмов и демократизации, поскольку это позволило бы более широко привлекать граждан к решению налоговых вопросов и может оказать положительное влияние на налоговую ответственность [237].

Если рассматривать развитые страны, то можно отметить, что здесь также существуют различия в аккумуляции налогов, которые определяются формами демократических институтов. Самые большие различия наблюдаются между социал-демократическими государствами, такими как Дания и Швеция, и либерально-демократическими государствами, такими как США и азиатские государства. Эти различия значительны: в 2021 г. отношение налоговых поступлений к ВВП составляло 46,9% в Дании и 42,6% в Швеции, в отличие от 26,6% в США и 33,5% в Великобритании [259]. При этом характеристики административных институтов являются решающими факторами, определяющими увеличение налоговых

поступлений. Так, развитие эффективных и справедливых административных институтов в Швеции определило значительное доверие налогоплательщиков к государству и их готовность платить высокие налоги.

Можно выделить также ряд других факторов, влияющих на аккумуляцию подоходного налога. Одним из таких факторов является политика государственных расходов и направления использования финансовых ресурсов. Налоги направляются на финансирование государственных расходов, которые, в свою очередь, расходуются на обеспечение благосостояния налогоплательщиков. Это является главным обоснованием налогов и государственных расходов. Однако, когда налогоплательщики начинают сомневаться в обоснованности размера и структуры государственных расходов, стимулы к уплате налогов снижаются, по крайней мере, в размере той суммы, которую они обязаны платить. Например, налогоплательщики могут быть недовольны политикой правительства в отношении отдельных статей расходов на социальное обеспечение или направления большей доли бюджета на содержание государственного аппарата. Это приводит к нежеланию оплаты налогов и заставляет налогоплательщиков искать способы уменьшения своих налоговых обязательств законными или незаконными способами.

Другим неналоговым фактором, влияющим на объемы аккумуляции налогов, является уровень образования населения, который влияет на уплату налогов двойственным образом. Во-первых, более образованное население лучше понимает цели налоговой системы, что снижает вероятность того, что налоговое законодательство будет нарушаться из-за незнания или недостаточного внимания к процессам налогообложения. Во-вторых, хорошо образованное население, скорее всего, знает, как работает налоговая система, и, таким образом, может уменьшить свои налоговые обязательства за счет использования различных льгот, имеющихся в налоговом законодательстве, или налоговой оптимизации.

Отсутствие механизмов и целей правительств некоторых развивающихся стран и СФР эффективно облагать налогом многонациональные компании, работающие в их странах, является причиной больших потерь в налоговых поступлениях. Можно выделить четыре таких барьера на пути эффективной аккумуляции

налогов: 1) двусторонние налоговые соглашения и вытекающая из этого потеря права на налогообложение многонациональных компаний; 2) трансфертное ценообразование в международной торговле; 3) потеря потенциальных налоговых поступлений от добывающих отраслей; 4) налоговые льготы, предоставляемые инвесторам [251].

Многие развивающиеся страны фактически отказались от своих прав облагать налогом многонациональные компании, работающие в их странах, из-за двусторонних налоговых соглашений. Так, по оценкам, такие налоговые соглашения приводят к тому, что развивающиеся страны ежегодно теряют в среднем около 1 млрд долл. США в отношении каждой из стран. К аналогичному результату приводит трансфертное ценообразование в транснациональных компаниях. Перемещение прибыли транснациональными корпорациями путем трансфертного ценообразования приводит к сокращению налогооблагаемой базы всех налогов и, как следствие, снижению налоговых поступлений.

Правительства развивающихся стран также обычно предлагают различные налоговые льготы для привлечения инвестиций, что снижает налоговые доходы. Проблема в данном случае заключается в том, что налоговые льготы, главным образом, не приводят к росту инвестиций и, следовательно, представляют собой чистую потерю доходов. Также льготы часто используются по политическим причинам и, следовательно, рискуют быть связанными с коррупцией. Властная администрация может использовать систему для получения экономической ренты и обеспечения покровительства [231].

Другим фактором, определяющим рост объемов поступлений от подоходного налога, является увеличение степени прогрессивности налогообложения, которое способствует росту не только данного вида налога, но и совокупных налоговых поступлений.

Глобализация стала причиной одной из самых сложных административных проблем в современных государствах – налогообложения богатых. Подоходный налог значительно облегчил налогообложение наемных рабочих и ограничил их возможности уклоняться от уплаты налогов, поэтому самые высокие показатели уклонения от уплаты налогов в настоящее время относятся к высокодоходным группам [275]. Поскольку существуют низкие барьеры трансграничного перемещения активов, становится все

труднее облагать налогом высокодоходных агентов. В глобальном масштабе налоговое мошенничество и незаконные трансграничные потоки капитала на сегодняшний день являются наиболее распространенными и крупнейшими из всех незаконных операций.

Таким образом, можно отметить, что рост доходов бюджета от подоходного налогообложения в значительной степени связан с внутренними факторами в экономике, такими как увеличение ВВП на душу населения, улучшение качества институтов, рост фонда заработной платы и сокращение сектора сельского хозяйства и самозанятости. Существенное значение на аккумуляцию подоходного налога также оказывают: инфляция, законодательные механизмы регулирования транснациональных корпораций, глобализация. По мере развития стран, налоговая база, с которой взимается подоходный налог, увеличивается, а совершенствование технологических и институциональных условий позволяют налоговой системе лучше контролировать налоговую базу.

Создание эффективного института налогообложения является одной из главных задач в достижении социально-экономических целей развития страны. В условиях острой нехватки финансовых ресурсов особо актуализируются вопросы совершенствования существующих механизмов и разработки новых направлений и принципов подоходного налогообложения, обеспечивающих стабильность поступлений в бюджет. Это способствует усилению роли подоходного налогообложения как инструмента социально ориентированной налоговой политики, сглаживания имеющихся социальных противоречий. Необходимость реформирования существующей системы подоходного налога определяется системными противоречиями и наличием серьезных проблем в реализации его механизмов.

Существует достаточно много работ, посвященных исследованию особенностей функционирования налоговой системы в России, в частности налогообложения доходов физических лиц в российских условиях.

В своих исследованиях В.Г. Пансков [105] проводит системный анализ современных теоретико-методологических и практических проблем налогов и налогообложения, возможных направлений их решения, наиболее острых вопросов теории и практики, с целями построения рациональной и эффективной налоговой системы.

С.Б. Тюрин, А.Д. Бурыкин, В.А. Кваша и другие авторы [121] на основе всестороннего анализа современной российской системы подоходного налогообложения физических лиц разрабатывают и обосновывают рекомендации по совершенствованию ее наиболее принципиальных положений. Ими также проводится анализ основных закономерностей уклонения от уплаты налогов, влияния уровня доходов на поступления подоходного налога. Аналогичные проблемы рассматривают зарубежные авторы: Р. Себула, М. Фоли [203]; С. Ричупан [268]; Ф. Шоер, Дж. Слемрод [272].

В исследованиях М.Ш. Баснукаева [17] предлагается широкий спектр мер и направлений совершенствования системы налогообложения в России и, в частности, подоходного налогообложения.

Однако все более актуализирующиеся противоречия социально-экономического национального и регионального развития на современном этапе требуют системного анализа проблем и выявления потенциала подоходного налогообложения в России. Особую значимость имеет выявление специфики подоходного налогообложения в России и обоснование основных направлений его совершенствования в современных условиях развития национальных и региональных систем. Определение основных направлений совершенствования механизмов подоходного налогообложения в России предполагает выявление проблемных аспектов реализации механизма подоходного налогообложения в российских условиях, установление основных принципов, приоритетов и методов совершенствования подоходного налогообложения.

Основной проблемой российской системы подоходного налогообложения является повышенное налогообложение низкодоходных групп населения, которые несут относительно большую налоговую нагрузку, чем высокодоходные группы. Это определяется плоской шкалой основной ставки НДФЛ в 13% со слабой прогрессией в 15% на доходы свыше 5 млн руб. (направляются в целевые фонды).

Если рассматривать налогооблагаемые доходы, связанные с трудовой деятельностью – заработную плату, которая составляет около 89% всей налогооблагаемой базы НДФЛ, то около 5,3% совокупных сборов по налогу по данным апреля 2023 г., по нашим расчетам, обеспечивали группы населения, заработная плата которых не

достигает величины минимального потребительского бюджета, из них 1,3% поступлений по налогу – трудовые доходы ниже прожиточного минимума. При этом около 37,5% сборов по НДФЛ обеспечивала оплата труда ниже величины средней заработной платы по стране. 10% группа с самыми высокими трудовыми доходами обеспечивала лишь 32,8% поступлений по НДФЛ, учитывая то, что 0,5% представителей самой высокодоходной группы получили более 20% всей оплаты труда.

Таким образом, ситуация в России идет вразрез с практикой большинства стран, где существуют социальные гарантии в выплате подоходного налога для налогоплательщиков с доходами ниже среднего, обеспечивающие социальные и перераспределительные функции подоходного налога. К ним относятся: необлагаемый минимум, который достигает, например, в Великобритании 50000 долл. в год, Швеции около 61000 долл. в год; базовый налоговый вычет, снижающий сумму налогооблагаемого дохода физического лица. В странах Организации экономического сотрудничества и развития он варьируется от 1311 и 4373 долл. в год в таких азиатских странах, как Республика Корея и Япония соответственно, 17288 долл. в год в Великобритании и 18533 долл. в Норвегии. Также применяется налоговый кредит – сумма денег, которую налогоплательщики могут вычесть непосредственно из начисленных налогов (например, в Канаде 1652 долл. в год, Чехии – 1284 долл. в год, Италии – 2223 долл. в год) [259].

Россия же является одной из немногих стран мира, где подоходному налогообложению подлежат доходы, сопоставимые с величиной прожиточного минимума. В России налоговое законодательство не предусматривает выведение из налогообложения даже доход, обеспечивающий простое физиологическое воспроизводство населения. Это также связано с чисто формальным характером социальных вычетов по НДФЛ, которые зачастую ниже прожиточного минимума. Учитывая формирование этих доходов в секторах, легко облагаемых налогом (например, в государственном секторе), снижается возможность уклонения от налогов как своего рода компенсаторного механизма уменьшения налоговой нагрузки, и, следовательно, ее усиление на низкодходные группы.

Пропорциональная шкала налогообложения с основной ставкой налога в 13-15% и, следовательно, повышенное налогообложение низкодоходных групп приводит к системному негативному влиянию на функционирование российской экономики. Поскольку одним из основных факторов слабой экономической динамики в России является низкий платежеспособный спрос в условиях постоянного целенаправленного сжатия денежной массы, повышенное налогообложение групп населения с доходами ниже средних, являющихся потенциальными потребителями продукции отечественных производителей, приводит к снижению спроса. Это связано с тем, что около 80% в структуре потребительских расходов этой группы населения составляют расходы, потенциально ориентированные на отечественные отрасли экономики. Это в свою очередь приводит к редукции отраслей, производящих данную продукцию. Особенно остро данная проблема стоит в условиях высокой себестоимости российской промышленной продукции и ее низкой конкурентоспособности. Снижение спроса приводит к сокращению доходов и прибылей промышленных предприятий, а также доходов торговых сетей, и в результате сокращению налоговых доходов (НДС, налога на прибыль и других) федерального и регионального бюджетов.

Другим серьезным недостатком действующей системы подоходного налогообложения в России является то, что пропорциональная шкала НДФЛ со слабой прогрессией не учитывает специфики российской экономики, которая базируется на сырьевых отраслях. Так, значительный объем доходов формируется в рентных секторах: средняя заработная плата от средней по стране в 2022 году составила в таких отраслях, как добыча нефти и природного газа – 258,1%, добыча металлических руд – 167,9%, добыча угля – 141,4%, производство кокса и нефтепродуктов – 154%, деятельность финансовая и страховая – 225,9% (рисунок 1.6) [41]. Налогообложение рентных отраслей идет по плоской ставке не соответствующей ни величине получаемой здесь ренты, ни мировой практике, где налогообложение рентных доходов значительно выше общего уровня налоговой нагрузки.

Данная ситуация усугубляется и высокой степенью концентрации богатства в России. Так, на начало 2023 г. на долю 10% самой обеспеченной группы приходилось 30,4% денежных доходов населения, на 10% беднейшего населения – 1,9% общих доходов [161].

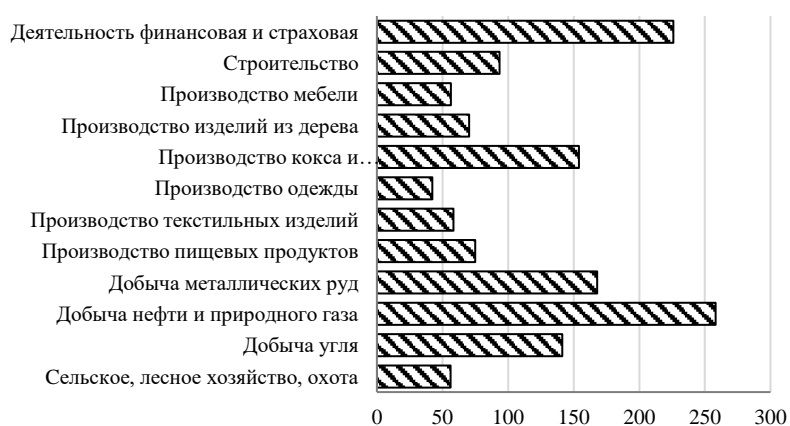

Рисунок 1.6. Соотношение среднемесячной заработной платы в отрасли и среднемесячной заработной платы по России в 2022 г., %

Источник: составлено автором по [161].

Таким образом, в России принадлежащая обществу природная рента концентрируется в руках узкой группы, рентные доходы которой также не облагаются соответствующим размером подоходного налога. В результате пропорциональная шкала НДФЛ определяет незначительную роль налога в пополнении государственного бюджета: в 2022 г. доля НДФЛ в ВВП составила 3,73% (к примеру, в развитых странах доля подоходного налога в ВВП составляет от 6,8%, 6,1%, 7,7% в Эстонии, Латвии, Литве соответственно, до 12,3% – Швеции, 24,5% – Дании) [259].

Другой существенной проблемой подоходного налогообложения в России является скрыто-регрессивный характер НДФЛ.

В первую очередь скрытая регрессия подоходного налогообложения связана с регрессивным характером установленных законодательством налоговых вычетов с налоговой базы на оплату НДФЛ.

Стандартные налоговые вычеты из налогооблагаемой базы, которыми может воспользоваться налогоплательщик с низким уровнем дохода, имеют лишь номинальный характер, поскольку их величина значительно ниже прожиточного минимума (снижение налогооблагаемой базы на 1400 руб., 3000 руб. в месяц и т.д.).

Социальными (на обучение – до 50 тыс. рублей в год, лечение – до 120 тыс. руб. в год, благотворительность – до 25% дохода в год) и профессиональными (до 20% дохода в год) налоговыми вычетами, сопоставимыми с выводом из-под налогообложения прожиточного минимума, реально могут воспользоваться налогоплательщики с уровнем дохода выше среднего.

Имущественные налоговые вычеты, применяемые при покупке жилья и земельных участков или при пользовании ипотекой, предусматривают возврат до 260 тыс. рублей при расходах на покупку или строительство жилья с фактически потраченной суммы (до 2 млн руб.) и до 390 тыс. руб. при погашении процентов по ипотеке с суммы до 3 млн руб. Очевидно, что в данном случае имеется существенное неравенство налогоплательщиков в доступе к налоговым вычетам, поскольку эти расходы могут нести только группы населения со средними и высокими доходами.

Таким образом, применение налоговых вычетов обуславливает явную регрессию в НДФЛ – средняя ставка налога снижается с ростом дохода, поскольку реальные налоговые вычеты с ростом дохода увеличиваются.

Вторым фактором, усиливающим скрыто-регрессивный характер НДФЛ, является начисление страховых взносов на обязательное социальное страхование с заработной платы. Начисления по НДФЛ на доход в виде заработной платы идут параллельно с начислением страховых взносов, которые уплачиваются по регрессивной шкале: 30% до предельной базы 1917 тыс. руб. (в 2023 г.) и свыше нее 15,1%. В результате низкодоходные группы населения выплачивают совокупный налог на заработную плату в размере 43%, высокодоходные группы – 28,1-30,1%. В 2022 г. сборы по страховым взносам превысило поступления по НДФЛ (5727,9 млрд руб.) почти в 1,5 раза и составили 8400,6 млрд руб. [161].

Это усугубляется и другими элементами налоговой системы: налогообложением НДС и акцизами, которые включаются в цену потребительских товаров и выплачиваются населением за счет своих

доходов фактически по регрессивной шкале. Поскольку с ростом доходов приобретение потребительских товаров сокращается, доля этих налогов в совокупном доходе уменьшается [121]. В России сумма НДС и акцизов в 2022 г. превысила сумму НДФЛ и составила 5903,8 млрд руб. [160].

Диспропорции в подоходном налогообложении в России проявляются и в региональном разрезе. Во-первых, это связано с тем, что начисление и уплата НДФЛ осуществляется в региональные бюджеты. Поскольку регионы России имеют разный уровень социально-экономического развития, это определяет различный уровень и объем аккумуляции подоходного налога в консолидированные бюджеты субъектов РФ. Так, по расчетам автора, дифференциация максимального и минимального объема поступлений НДФЛ (на душу населения) в региональные бюджеты в условиях 2021 г. составила 23,7 раз. Децильный коэффициент дифференциации регионов по поступлениям подоходного налога, по расчетам, составил 8,7 раз.

Данная проблема в региональном аспекте усиливается и введением прогрессивной ставки НДФЛ в 15% на доходы свыше 5 млн руб. В российских регионах с относительно низким уровнем доходов и заработных плат возможности дополнительного пополнения бюджета за счет введенной повышенной ставки НДФЛ практически отсутствуют. Так, в 2021 г. по введенной налоговой ставке 15% более половины суммы (53,75%) было получено в г. Москве, 14,3% в г. Санкт-Петербурге и Московской области в совокупности [160]. На все остальные российские регионы пришлось соответственно около 32% дополнительного объема НДФЛ по ставке 15%.

Другой серьезной проблемой подоходного налогообложения в России, характерной для любой экономической системы, является уклонение от уплаты налогов. Это относится как к оплате труда, так и ко всем видам доходов, облагаемых НДФЛ. Так, согласно данным национальных счетов России, доля скрытой оплаты труда в общем объеме заработной платы в 2020 г. составила 20,3%, в 2021 г. – 20,4%, в 2022 г. – 19,5% [161]. В результате недоплачиваемый в бюджет объем НДФЛ в России, по нашим расчетам, составил в 2022 г. около 1 трлн руб. (более 17% от фактических поступлений подоходного налога) или около 0,65% ВВП.

Существующая в настоящее время плоская шкала НДФЛ оказывает негативное влияние на уклонение от уплаты подоходного налога в двух направлениях. С одной стороны, имеется значительное уклонение от уплаты налога низкодоходными группами, поскольку плоская шкала НДФЛ в совокупности с взносами в социальные фонды является неподъемной для данной группы налогоплательщиков.

С другой стороны, плоская шкала подоходного налога с низкими ставками автоматически не обеспечивает полную уплату налогов высокодоходными агентами. Опыт перехода России в 2001 г. на пропорциональную шкалу НДФЛ в 13% с прогрессивной (ставки НДФЛ составляли 12%, 20%, 30%) показал, что роста поступлений подоходного налога, а, следовательно, снижения масштабов уклонения от уплаты налогов не произошло. Напротив, по оценкам, прирост поступлений НДФЛ стал ниже по сравнению с приростом доходов как по отдельным налогам, так и налоговым доходам в совокупности, в результате чего его доля в доходах консолидированного бюджета с 2003 по 2015 гг. сократилась на 5,5%. Более того, с введением пропорциональной шкалы НДФЛ доля скрытой оплаты труда в ВВП за 15 пореформенных лет не только не снизилась, но и увеличилась с 11,1% до 13,1% ВВП [105]. Подобную зависимость подтверждают и другие исследования, которые выявляют как прямую, так и обратную зависимость между снижением налоговой нагрузки и масштабами уклонения от уплаты налогов [268, 272].

Ключевым фактором, определяющим возникновение уклонения от уплаты налогов в России, является слабое налоговое администрирование, главным образом высоких доходов, в частности отсутствие действенной системы контроля за сверхдоходами. Это связано, в первую очередь, с тем, что властные структуры слабо ориентированы на формирование налоговых и других механизмов, обеспечивающих социально-экономическую эффективность процессов, поскольку такие налоги затрагивают состоятельные группы, обладающие большим политическим влиянием [40]. В результате такого распределения переговорной силы правительство проявляет большое нежелание облагать налогом личные доходы граждан высокодоходной группы, а также крупные накопления капиталов [251, 253]. С этим связана и политика невмешательства властей в бесконтрольный вывоз капитала из России, снижающий

аккумуляцию налоговых доходов и возможности реализации социальной политики.

Плоская шкала подоходного налогообложения в России также оказывает негативное влияние на состояние финансовой системы, в плане формирования условий возникновения экономического и финансового кризисов. Непропорциональная налоговая нагрузка обуславливает, с одной стороны, высокую закредитованность низкодоходных слоев населения, что может привести в дальнейшем к кризису неплатежей. Несмотря на то, что отношение долга домохозяйств к ВВП в России невелико: по данным Центрального банка РФ на начало 2023 г. эта доля составила около 17,5% [134], значительный рост кредитной задолженности идет наряду с низкими темпами роста реальных доходов населения или их сокращением. Так, в 2022 г., по расчетам, рост задолженности населения банкам составил 9,8%, при этом реальные доходы населения сократились и составили 99% к соответствующему периоду прошлого года. Это обуславливает рост закредитованности низкодоходных слоев населения с высоким риском невозврата кредитов. Наряду с этим низкий уровень налогообложения высокодоходных агентов обуславливает излишки свободных финансовых ресурсов, что приводит к спекуляциям на рынках ценных бумаг и раздутию финансового «пузыря».

Таким образом, делая вывод из проведенного анализа, можно констатировать наличие системного негативного влияния существующего в России механизма подоходного налогообложения, в частности пропорциональной шкалы налога, на динамику социально-экономического национального и регионального развития.

Особенности подоходного налогообложения на региональном уровне (на примере Республики Башкортостан)

Региональная специфика подоходного налогообложения характеризуется аналогичными общероссийским проблемами: недостаточной ролью подоходного налога в пополнении бюджетов субъектов РФ, повышенным налогообложением низкодоходных групп населения, скрыто-регрессивным характером налога, низким уровнем налогообложения рентных доходов, различными объемами аккумуляции налога в консолидированные бюджеты субъектов РФ.

Начисление и уплата налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в Российской Федерации осуществляется в консолидированные бюджеты субъектов по ставке 13%, на суммы свыше 5 млн рублей по

ставке 15% в целевые фонды РФ и в консолидированные бюджеты субъектов РФ. Поскольку регионы России имеют разный уровень социально-экономического развития и доходов, это определяет различный уровень и объем аккумуляции НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов РФ. Так, если рассматривать проблемы подоходного налогообложения на региональном уровне на примере Республики Башкортостан, то следует отметить, что около 1,9% поступлений по налогу в условиях 2023 г. обеспечивают трудовые доходы ниже прожиточного минимума (12600 руб.), 5,8% совокупных сборов по налогу – группы населения, заработная плата которых не достигает величины минимального потребительского бюджета (два прожиточных минимума по методологии Министерства труда и социальной защиты РФ и ФНПР). При этом около 38% сборов по НДФЛ в республике обеспечивает оплата труда ниже величины средней заработной платы (54070 руб.). 10% группа с самыми высокими трудовыми доходами обеспечивает лишь около 28% поступлений по НДФЛ (рисунок 1.7). По совокупным поступлениям НДФЛ в консолидированный бюджет Республика Башкортостан занимает 15-ое место в РФ.

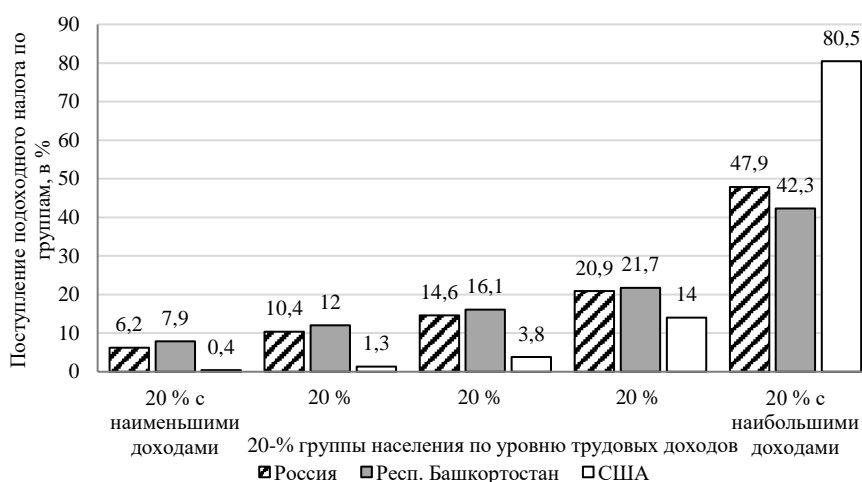

Рисунок 1.7. Поступление подоходного налога по 20% группам (США данные за 2020 г.), в %

Значительные проблемы связаны с подходящим налогообложением доходов в рентных отраслях. Аналогично российской структуре доходов, в Республике Башкортостан значительный объем доходов формируется в рентных секторах, где средняя заработная плата по этим отраслям намного выше, чем в остальных секторах (таблица 1.9).

Таблица 1.9

Соотношение средней заработной платы в отрасли и средней заработной платы по Республике Башкортостан в 2022 г.

Виды экономической деятельности	Средняя заработная плата в отрасли от средней по республике, в %
Добыча полезных ископаемых	161,5
Производство пищевых продуктов	78,0
Производство одежды	55,7
Производство мебели	51,4
Производство кокса и нефтепродуктов	175,6
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство	71,3
Строительство	93,8
Торговля	78,2

Таким образом, налогообложение рентных отраслей в республике также идет по ставке в 13-15%, которая не соответствует величине получаемой здесь ренты. Поэтому пропорциональная шкала НДФЛ определяет недостаточную роль налога в пополнении бюджета: в 2022 г. доля НДФЛ в консолидированном бюджете Республики Башкортостан составила около 23%, в ВРП – 3,36% (доля НДФЛ в консолидированном бюджете РФ – 3,73%).

Незначительные объемы поступлений НДФЛ по ставке 15% также связаны с более низким уровнем доходов, чем в целом по стране. При этом различие уровней оплаты труда в Республике Башкортостан относительно среднероссийского уровня увеличивается с ростом доходов (таблица 1.10).

В структуре НДФЛ в Республике Башкортостан по поступлениям в консолидированный бюджет республики лидирующую позицию занимает отрасль добычи полезных ископаемых с долей в 8,61% (рисунок 1.8).

Таблица 1.10

Соотношение средней заработной платы в России к средней заработной плате в Республике Башкортостан по десятипроцентным группам

Десятипроцентные группы работников				
первая	вторая	третья	четвертая	пятая
0,98	1,08	1,11	1,14	1,16
Десятипроцентные группы работников				
шестая	седьмая	восьмая	девятая	десятая
1,18	1,22	1,26	1,32	1,54

Рассчитано автором по [160, 161].

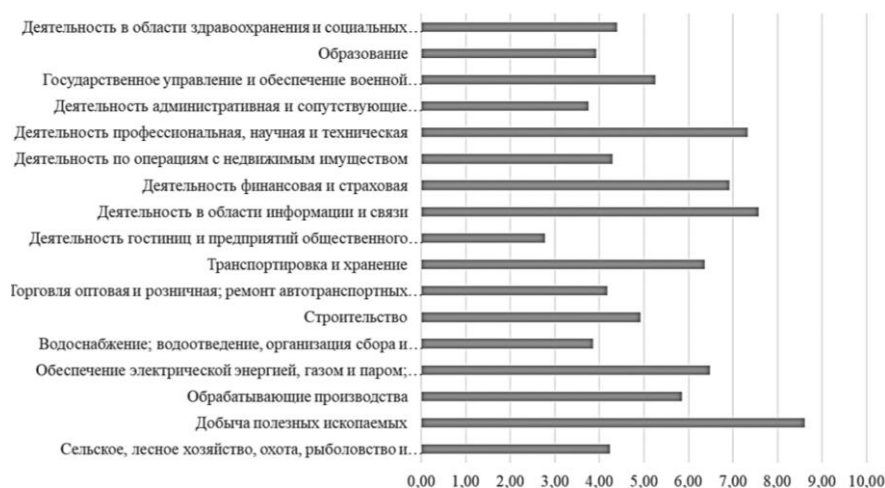

Рисунок 1.8. Доля НДС по видам экономической деятельности в Республике Башкортостан

Противоречия реализации налоговых механизмов в системах национального и регионального уровней требует повышения их результативности путем активизации ключевых потенциалов развития регионов посредством их трансформации в новые ресурсы через использование соответствующих технологий и компетенций [35], интенсификации инвестиционной, инновационной политики регионов с целью увеличения экономической активности, рабочих мест и доходов.

Выявленные проблемы существующей системы подоходного налогообложения в России требуют, на наш взгляд, реализации следующих принципов и направлений совершенствования его механизмов.

1. Формирование прогрессивной шкалы налогообложения и, в частности, введение минимального необлагаемого порога подоходного налога. Это позволит увеличить потребление низкодоходных групп, увеличить сбережения среднедоходных групп и, в результате, доходы предприятий, финансовых организаций, торговых сетей и, следовательно, доходы региональных бюджетов. При этом введение необлагаемого минимума не будет оказывать влияния на высокодоходные группы, поскольку с ростом дохода необлагаемая доля дохода сокращается [39].

2. Снижение ставки НДФЛ на среднедоходные группы населения в России может активизировать эти группы в качестве индивидуальных предпринимателей, организаторов предпринимательской деятельности и т.д., что будет способствовать развитию экономики.

3. Централизованная аккумуляция полученных доходов по НДФЛ и равное их распределение по бюджетам субъектов РФ с учетом специфики развития региона может способствовать сокращению дифференциации российских регионов по уровню финансовых возможностей развития.

4. Формирование плоской, а не регрессивной шкалы страховых взносов на обязательное социальное страхование, обеспечивающих равную нагрузку на группы населения.

5. Высокий уровень налогообложения высокодоходных групп может стать одним из механизмов удержки капитала в стране и через его перераспределение улучшить социальную ситуацию.

6. Усиление налоговой нагрузки на личные доходы от рентных отраслей и налогообложение природной и финансовой ренты, превышающей общий уровень налоговой нагрузки.

7. Существенное увеличение штрафов за уклонение от уплаты налогов для высокодоходных групп до величины большей, чем налог.

8. Усиление мер налогового администрирования, поскольку уклонение от уплаты налогов в большей степени не зависит от ставок и степени прогрессивности налогообложения, а связано с механизмами сбора и контроля за уплатой налогов.

Таким образом, система подоходного налогообложения в современных российских условиях характеризуется наличием серьезных проблем: повышенным налогообложением низкодоходных групп населения, низким уровнем налогообложения рентных доходов, скрыто-регрессивным характером подоходного налога, диспропорциями в аккумуляции подоходного налога в региональном разрезе, слабым налоговым администрированием, значительными масштабами уклонения от уплаты налогов, особенно высокодоходных агентов. Это определяет необходимость совершенствования существующих механизмов и реализацию новых направлений и принципов подоходного налогообложения: совершенствование механизма прогрессивного налогообложения, усиление налоговой нагрузки на доходы от рентных отраслей, усиление мер налогового администрирования.

Возможности роста доходного потенциала региона и муниципалитетов за счет имущественных налогов.

Проведен анализ взаимосвязи темпов роста имущественных налогов с темпами роста валового регионального продукта (ВРП), а также с темпами реально располагаемых денежных доходов населения. Делается вывод о том, что темпы объема налоговых поступлений в бюджет опережают темпы роста ВРП и существенно опережают темпы реально располагаемых доходов населения, имеющие тенденцию к спаду, что свидетельствует об увеличении налогового бремени для населения и нарастании социально-экономического неравенства в обществе.

В условиях необходимости повышения качества государственного управления общественными финансами на первый план выходят способы оценки их результативности. Нестабильная экономическая ситуация, вызванная международным финансовым кризисом и усугубленная воздействием внешних санкционных мер, заставляет искать возможности более эффективного управления и хозяйствования.

Результативность в современной экономической теории рассматривается как степень реализации намеченной деятельности и достижения запланированных результатов [153], то есть направленность на достижение определенных целей. Д.В. Тютин [157] предлагает оценивать результативность по соотношению категорий «затраты – результат» в составе четырех групп: 1) низкие результаты

при низких затратах – отсутствие постановки задачи улучшения деятельности; 2) низкие результаты при высоких затратах – бюрократический механизм, сосредоточенный на самом процессе деятельности; 3) высокие результаты при высоких затратах – мощная финансовая поддержка проектов с высокими общественными и социальными эффектами; 4) высокие результаты при низких затратах – тиражирование лучших практик, реализующих управленческие инновации. А.В. Глазунов [47] считает, что «любое вновь принятое решение и соответственно изменение множества реализуемых действий находит отражение в динамике соответствующих показателей результативности. Именно поэтому предлагается в качестве признака упорядочения показателей использовать меры их динамики, т.е. темпы роста». Система сбалансированных показателей [70, 175] дает возможность провести анализ результативности через сбалансированный набор параметров и факторов, позволяющих объединить процессы планирования, формирования задач и разработку стратегических инициатив для дальнейшего развития экономического процесса. Однако, несмотря на повышенный интерес к данной теме, эти работы редко касались проблемы результативности общественных финансов, направленных на повышение доходного потенциала бюджета регионов. Результаты данных исследований были отражены в работах [53, 220], а также в трудах ученых ИСЭИ УФИЦ РАН [7, 39, 56, 73].

Проблема оценки результативности общественных финансов заключается в том, что отсутствует единый показатель, который позволил бы объективно проанализировать управленческие действия в данной области. По сути единый показатель представляет собой отношение результата к затратам на достижение результата. Традиционно результативность общественных финансов, а также налоговых доходов бюджетов регионального и муниципального уровня определяется как соотношение фактического результата налоговых доходов региона к плановым показателям или сопоставление значений показателей результативности региона с показателями результативности территорий-аналогов и территорий-лидеров. В современных условиях перспективным направлением оценки результативности становится необходимость достижения целевых показателей, характеризующих стратегические приоритеты социально-экономического развития территорий.

Целью данного исследования является анализ способов оценки результативности общественных финансов на примере налогообложения физических лиц по Приволжскому федеральному округу. Для расчетов использовались статистические данные Федеральной налоговой службы (ФНС) по следующей отчетности: форма №1-НМ «Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ», форма 5-МН по разделу 21 «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по земельному налогу по физическим лицам» и по разделу 31 «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на имущество физических лиц», а также официальные данные Федеральной службы государственной статистики.

Наполняемость бюджета является одной из главных задач бюджетной системы, поэтому возникает необходимость совершенствования налоговой политики, позволяющей увеличить налоговые доходы. В работе рассматриваются методические особенности оценки результативности поступления региональных и местных налогов на материале изучения специфики формирования налоговой базы по объектам налогообложения, выполнения налоговых обязательств лиц, обладающих имущественным правом на собственность, а также изучаются условия и обоснованность применения налоговых льгот при налогообложении.

Для достижения поставленной цели были изучены следующие виды оценки результативности налогообложения на примере налоговых начислений на имущество физических лиц:

1. *Бюджетная результативность* оценивает текущее финансовое положение, определяемое через статистические показатели объема налоговых поступлений в бюджет, а также соотношение начисленных и уплаченных имущественных налогов. При оценке используются данные ФНС РФ отчетов по форме № 1-НМ.

Распределение налогов осуществляется по трем уровням бюджетной системы (федеральной, региональной и местной) и по кругу налогоплательщиков (юридических и физических лиц).

Рассмотрим налоги, взимаемые с имущества физических лиц: земельный налог и налог на имущество физических лиц зачисляются в местный бюджет, транспортный налог входит в состав регионального бюджета. Из всей суммы налогов, поступающих в региональные и местные бюджеты по ПФО на долю муниципальных образований в

2021 г. приходилось 14,8% (от 12,8% в Самарской области до 22,5% в Кировской области). Оценим данный показатель в динамике. В 2010 г. на долю налогов муниципальных образований приходилось 22,4%, на начало действий санкций в 2014 и 2015 гг. – 17,7% и 17,3% соответственно, в пандемийный 2020 г. – 17,4%. Как видим, наблюдается явная тенденция к снижению доли собственных финансовых ресурсов у муниципалитетов.

Анализ уровня и динамики поступления налогов с имущества физических лиц проведем за период 2015–2021 гг. (таблица 1.11), так как с 2015 г. налоговая база на недвижимое имущество рассчитывается иначе, а именно от ее кадастровой стоимости.

Таблица 1.11

**Отклонения между начисленными и уплаченными налогами,
в текущих ценах**

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Абсолютное отклонение, млн руб.							
Налог на имущество физлиц	-28,6	-1186,4	-752,5	-1469,4	-254	-197,6	-873,4
Транспортный налог с физлиц	-2081,3	-4230,4	-1189,6	-3630,1	-1008,8	-826,2	-841,4
Земельный налог с физлиц	-838,4	-1224,5	-717,5	-972,2	7,9	-81,2	-227,8
Относительное отклонение, %							
Налог на имущество физлиц	-0,6	-18,0	-7,9	-12,6	-2,2	-1,5	-5,6
Транспортный налог с физлиц	-9,2	-17,2	-4,9	-13,2	-3,8	-2,9	-2,9
Земельный налог с физлиц	-12,2	-17,3	-8,6	-11,8	0,1	-1,1	-3,1

Из таблицы 1.11 видно, какая сумма и доля налогов были недополучены в результате предоставления налоговых льгот. Данные налоги являются прямыми налогами и отражают фактическую платежеспособность налогоплательщиков. Они выполняют к тому же распределительную функцию в обществе, что определяет социальную ориентированность этих налогов и связанность с решением проблемы справедливого налогообложения, которая достигается предоставлением льгот и налоговых вычетов, а также увеличением количества и доли физических лиц, применяющих налоговые льготы.

2. *Социальная результативность* отражает свойства социальной справедливости и направлена на снижение напряженности в обществе, которая достигается путем внедрения следующих финансовых инструментов при налогообложении имущества физических лиц:

- освобождение от уплаты налогов льготных категорий граждан;
- внедрение прогрессивного налогообложения (дифференцированные ставки);
- введение социальных вычетов и льгот (по статусу плательщика);
- адресный характер налоговых льгот.

Для исследования использовались данные ФНС России отчет по форме № 5-НМ. Рассмотрим объем и долю предоставленных налоговых льгот, а также проследим динамику налогообложения имущества и соответствие динамике ее налоговой базы (таблица 1.12).

Таблица 1.12

Соответствие налогов на имущество физических лиц и ее налоговой базы, %

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Земельный налог с физических лиц							
Доля налоговых начислений к кадастровой стоимости земель, %	0,25	0,27	0,24	0,24	0,24	0,23	0,22
Доля физлиц, получивших льготы по налогам, %	8,2	9,2	44,6	47,0	47,5	55,4	56,5
Отношение суммы представленных льгот по налогам к сумме налогов, подлежащих уплате в бюджет, доли ед.	0,056	0,05	0,21	0,20	0,21	0,24	0,24
Налог на имущество физических лиц							
Доля налоговых начислений к кадастровой стоимости имущества, %	0,15	0,18	0,18	0,16	0,18	0,19	0,20
Доля физлиц, получивших льготы по налогам, %	49,8	46,7	46,6	48,8	51,2	56,5	59,5
Отношение суммы представленных льгот по налогам к сумме налогов, подлежащих уплате в бюджет, доли ед.	0,45	0,41	0,39	0,34	0,33	0,37	0,35

Из таблицы 1.12 видно, что прирост налоговой базы по земельному налогу увеличился на 28,2%, при этом прирост объема налоговых начислений увеличился всего на 12,2%, что свидетельствует о небольшой налоговой нагрузке. Указанный факт подтверждается также снижением доли налоговых начислений в налоговой базе с 0,25% (2015 г.) до 0,22% (2021 г.). Наблюдается рост количества налогоплательщиков, получающих льготы с 8,2% до 56,5%. Налоговая нагрузка на землю хоть и невысокая, но в динамике имеет тенденцию к росту. Так, за период с 2015–2021 гг. темп роста составил 112,2%.

Темп увеличения налоговой базы по налогу на имущество (182,5%) был ниже темпа роста налоговых начислений и составил 239,1%

(перевод показателей в сопоставимый вид был осуществлен через индекс цен на вторичное жилье). Доля налоговых начислений в налоговой базе выросла с 0,15% до 0,20%, что свидетельствует об увеличении налоговой нагрузки, которому способствовал также переход исчисления налоговой базы от инвентаризационной стоимости к кадастровой.

Следующим показателем социальной результативности является соотношение доли физических лиц, имеющих льготы по данным налогам к числу физических лиц, которым был начислен налог. Статистика показала рост данного показателя с 49,8% (2015 г.) до 59,5% (2021 г.), но при этом коэффициент, показывающий соотношение суммы налоговых льгот к сумме налогов, начисленных к уплате в бюджет, снизился с 0,45 (2015 г.) до 0,35 (2021 г.), что также свидетельствует об увеличении налоговой нагрузки.

3. *Динамическая результативность* раскрывает динамику роста налогов во времени и позволяет сравнивать ее с другими экономическими показателями. На основании данных ФНС России, представленных в форме 1-НМ, приведем динамику поступлений налогов на недвижимое имущество физических лиц по ПФО с учетом инфляции (таблица 1.13).

Таблица 1.13

Темпы роста налогов на имущество физических лиц по ПФО

Вид налога	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
К предыдущему году с учетом инфляции, %							
Налог на имущество физлиц	-	109,8	158,2	112,4	108,6	108,2	103,6
Транспортный налог с физлиц	-	95,1	111,3	99,3	104,4	103,3	92,9
Земельный налог с физлиц	-	92,7	126,9	92,2	97,3	95,2	88,5
К 2015 г. с учетом инфляции, %							
Налог на имущество физлиц	100	109,8	173,7	195,2	212,0	229,4	237,5
Транспортный налог с физлиц	100	95,1	105,8	105,0	109,7	113,3	105,3
Земельный налог с физлиц	100	92,7	117,6	108,3	105,4	100,3	88,8

Анализ базовых индексов (к уровню 2015 г.) показал постепенный рост темпов изменения налоговых доходов. При этом необходимо учитывать негативное влияние внешней среды (неопределенность общеэкономической и финансовой ситуации, воздействие санкций), которое привело к снижению сбора налогов в 2021 г.

Сопоставление темпов роста ВРП с темпами роста налоговых сборов (рисунок 1.9) определяет способность имущественных налогов

стимулировать экономический рост. Наблюдается значительное опережение темпов роста по налогам. Анализ указанных темпов роста налоговых сборов (см. таблицу 1.13) демонстрирует отставание темпов роста поступлений по земельному налогу с физических лиц за последние два года по сравнению с показателями роста ВРП, что свидетельствует о низком уровне собираемости данного налога.

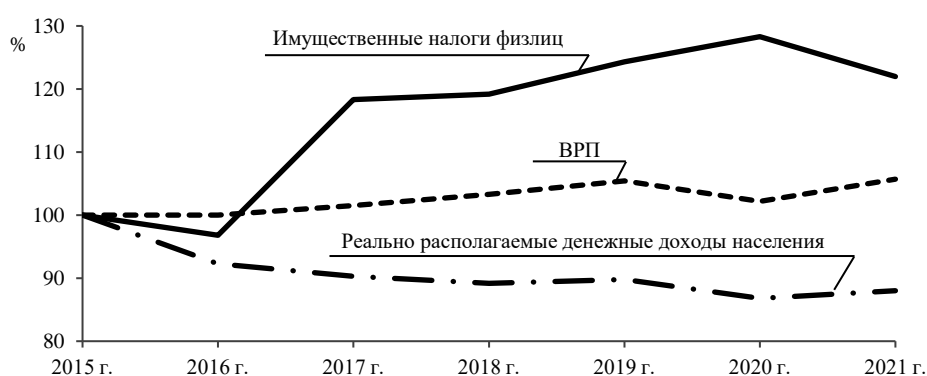

Рисунок 1.9. Взаимосвязь темпов роста имущественных налогов физлиц с темпами роста ВРП и реально располагаемыми доходами населения по ПФО к 2015 г., %

При этом по двум остальным налогам наблюдаются значительное опережение темпов роста ВРП. Принятые изменения в налоговом законодательстве путем перевода расчета налоговой базы с инвентаризационной на кадастровую стоимость имущества способствовали резкому повышению налоговых сборов в 2017 г., так как кадастровая стоимость выше инвентаризационной стоимости.

Хотя объектом налогообложения и является кадастровая стоимость имущества, фактическим финансовым источником при уплате налогов являются денежные доходы населения, 57% из которых приходится на оплату труда. Анализ взаимосвязи между темпами роста объема налоговых поступлений в бюджет и реальными располагаемыми доходами населения (рисунок 1.9) показал, что прирост реальных располагаемых денежных доходов населения за весь рассматриваемый период оставался отрицательным при росте объема поступлений имущественных налогов. Данные тенденции свидетельствуют об усилении налоговой нагрузки и увеличении доходного неравенства. Так, 29,5% общего объема денежных доходов приходится на долю 10%

наиболее обеспеченного населения, и лишь 2,1% – на долю 10% наименее обеспеченного населения [89, С. 10]. Эту дифференциацию сдерживают только социальные и компенсационные выплаты. Повышение благосостояния граждан может быть достигнуто за счет перехода к социально-ориентированной налоговой политике, что позволит увеличить средства накопления населения и использовать их в качестве инвестиционного ресурса.

4. *Инвестиционная результативность.* Налоги на имущество могут стать инвестиционным ресурсом, если финансовые средства от сбора налогов будут использоваться по назначению. Средства, собранные региональными и местными бюджетами от данных видов налогов, должны использоваться на строительство и реконструкцию социально-значимых объектов (школы, больницы, дома культуры). Анализ показал, что объем поступлений в бюджет имущественных налогов с физических лиц из года в год растет (исключение составляет земельный налог), при этом сбережения населения снижаются (таблица 1.14). Небольшой рост произошел в 2020 г. за счет единовременной финансовой помощи населению в период пандемии.

Таблица 1.14

Инвестиционный ресурс

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Прирост сбережений населения, млрд руб. [55]	1280,6	956,3	650,4	368,3	385,9	774,4	374,1
Поступило налогов в текущих ценах, млрд руб.							
Налог на имущество физлиц	4,7	5,4	8,7	10,2	11,4	13,0	14,6
Транспортный налог с физлиц	20,6	20,4	23,2	24,0	25,7	27,9	28,2
Земельный налог с физлиц	6,0	5,9	7,5	7,3	7,2	7,3	7,0
Всего	1311,9	988,0	689,8	409,8	430,2	822,6	423,9

Наряду с применением налоговых льгот существуют программы расходования бюджетных средств. Так, физическим лицам для осуществления социально-экономических задач из местного бюджета для развития бизнеса могут выделяться средства в виде грантов или контрактов, что является более гибким инструментом финансирования. В рамках программ расходования бюджетных средств становится возможным более адресно предоставлять финансовые средства и точно определять объекты финансирования. При этом надо отметить, что использование инструмента налоговых

льгот позволяет охватить большее число лиц, чем количество выделяемых грантов, так как получение последних затрудняется исполнением избыточных требований.

Имущественные налоги с физических лиц представляют собой существенный потенциал собственных источников наполнения местных бюджетов муниципальных образований, в то же время реальная доля их не столь велика. Так, за период 2015–2021 гг. доля налога на имущество физлиц в структуре местного бюджета составляет 2,6÷5,3%, земельного налога с физлиц – 2,6÷3,7%, транспортного налога с физлиц в составе регионального бюджета 1,5÷2,0%. Доля имущественных налогов физлиц в консолидированном бюджете ПФО составляет 2,0÷2,5%, что является небольшой долей в общей структуре бюджета, но существенной суммой для населения. В этой связи усиление долговой нагрузки не приведет к существенному притоку финансовых средств, но может привести к нарушению стабильности в обществе. Сопоставление темпов роста налоговых сборов с темпами роста ВРП показывает способность налогов стимулировать экономический рост. Для иллюстрации указанного положения рассчитаем коэффициент эластичности [13, 53, 187], который показывает степень количественного изменения одного фактора при изменении другого на 1% (формула 1.8):

$$E_i = \frac{\Delta H_i / H_i}{\Delta \text{ВРП} / \text{ВРП}}, \quad (1.8)$$

где E_i – эластичность налогообложения по ВРП, ΔH_i и $\Delta \text{ВРП}$ – прирост налоговых поступлений от рассматриваемых налогов и ВРП за определенный период времени (в текущих ценах).

Наблюдается резкое снижение коэффициента эластичности в 2020 г. (таблица 1.15), показывающего, как прирост ВРП на 1% влияет на аккумуляцию имущественных налогов, также наблюдается высокая волатильность по годам.

Таблица 1.15

Эластичность имущественных налогов с физических лиц по ВВП, ед.

Коэффициент эластичности	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
По налогу на имущество физлиц	1,425	6,030	1,288	1,891	-3,718	0,581
По транспортному налогу с физлиц	-0,058	1,880	0,291	1,239	-2,450	0,047
По земельному налогу с физлиц	-0,344	3,597	-0,367	-0,007	-0,051	-0,209

На наш взгляд, представляется актуальным также исследовать взаимосвязь между финансовыми источниками уплаты налогов физическими лицами и объемами налоговых отчислений в бюджет. Учитывая, что налоги уплачиваются населением из финансовых средств, полученных в виде заработной платы, пенсий, социальных пособий и т.д., которые образуют денежные доходы населения, представляется целесообразным рассчитать коэффициент эластичности через процент изменения денежных доходов населения (формула 1.9):

$$E_i = \frac{\Delta H_i / H_i}{\Delta \text{ДДН}_i / \text{ДДН}_i}, \quad (1.9)$$

где E_i – эластичность налогообложения по доходам населения, ΔH_i и $\Delta \text{ДДН}_i$ – прирост налоговых поступлений от рассматриваемых имущественных налогов и денежные доходы населения за определенный период времени (в текущих ценах). Показатель позволяет оценить, как прирост денежных доходов населения на 1% влияет на аккумуляцию бюджетных доходов.

Показатель эластичности (таблица 1.16) демонстрирует разнонаправленный характер зависимости, что свидетельствует о нестабильном развитии этих показателей во времени. Расчет коэффициента детерминации ($R^2 = 0,379$) также выявил отсутствие связи между этими показателями. Снижение реально располагаемых доходов и одновременный рост темпов налогообложения населения свидетельствует об усилении налогового бремени, что может привести к росту напряженности в обществе.

Таблица 1.16

Эластичность имущественных налогов с физических лиц по денежным доходам населения, ед.

Коэффициент эластичности	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
По налогу на имущество физлиц	-6,40	31,32	6,44	1,98	20,05	1,41
По транспортному налогу с физлиц	0,26	9,77	1,46	1,30	13,21	0,11
По земельному налогу с физлиц	1,55	18,68	-1,83	-0,01	0,28	-0,51

Выводы. Несмотря на то, что в России произошел переход от затратной модели управления общественными финансами к бюджетированию, ориентированному на результат, данная модель управления до сих пор остается недостаточно проработанной. Для

получения комплексной картины требуется оценка результативности общественных финансов, основанная на следующих ее видах:

- бюджетная результативность, определяющая наполняемость бюджета за счет налоговых поступлений. Так, доля имущественных налогов физических лиц в консолидированном бюджете ПФО невелика и составляет $2,0 \div 2,5\%$, при этом доля в ВРП колеблется от $0,29\%$ до $0,35\%$ за период 2015–2021 гг.;

- динамическая результативность, характеризующая скорость и тенденции развития процессов налогообложения. Темпы роста по налогам выше, чем темпы роста по ВРП, кроме темпов по земельному налогу за последние два года. Этому способствовал перевод налоговой базы от инвентаризационной к кадастровой стоимости имущества;

- социальная результативность, позволяющая оценить эффективность перераспределительного механизма, направленного на снижение уровня социально-экономического неравенства в обществе на основе соблюдения принципов социальной справедливости. Доля физических лиц, получающих льготы по земельному налогу, увеличилась с $8,2\%$ в 2015 г. до $56,5\%$ в 2021 г.; по налогу на имущество – с $46,7\%$ в 2016 г. до $59,5\%$ в 2021 г. Отношение суммы льгот, предоставленных налогоплательщикам к сумме подлежащих к уплате налогов, выросло по земельному налогу с $0,056$ до $0,241$, по налогу на имущество снизилось с $0,448$ до $0,353$. Уровень налогового бремени по последнему налогу усилился;

- инвестиционная результативность, показывающая упущенный потенциал для развития бюджетного процесса. Показатель прироста сбережений населения снизился в 2021 г. на $70,8\%$ по сравнению с 2015 г., в то время как налоговая нагрузка выросла.

Поскольку любой доход является производным общественной экономики и результатом совокупного труда, то и результат распределения должен соответствовать ключевым нормативным критериям социальной справедливости. Следовательно, необходима комплексная оценка результативности общественных финансов с использованием всех предложенных методов, позволяющих получать полную картину взаимосвязи между результативностью общественных финансов и показателями социально-экономического развития региона.

ГЛАВА 2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

2.1. Развитие принципа результативности использования бюджетных ресурсов регионов в целях обеспечения их резилиентного развития при достижении стратегических приоритетов

Оценка результативности использования общественных финансов регионов на основе подхода DEA

При исследовании вопросов оценки результативности общественных финансов в качестве инструментальных средств используются различные подходы, включая динамический анализ показателей состояния экономики региона, методы многокритериальной оценки и т.д. Одним из активно развивающихся направлений по данной проблематике является подход DEA (Data Envelopment Analysis, Анализ среды функционирования), позволяющий провести оценку границ результативности общественных финансов региона (определяемых на основе достижения максимально возможного результата при заданных затратах ресурсов, что полностью соответствует трактовке результативности использования бюджетных средств, изложенной в ст. 34 Бюджетного кодекса РФ). Это относительно новый, «ориентированный на данные» и весьма универсальный подход к оценке эффективности функционирования объектов управления, примеры применения которого можно найти в самых различных областях. Основными преимуществами данного подхода являются возможность включения в анализ нескольких показателей, а также отсутствие необходимости априорно определять их относительную значимость.

Этот подход относится к методам бэнчмаркетинга, т.к. основан на сравнении характеристик объекта исследования с аналогичными показателями однородных объектов, представляющих собой своего рода «контрольную группу». Иногда метод DEA называют «взвешенным» бэнчмаркетингом, т.к. эталонный объект в нем формируется как взвешенная сумма объектов, входящих в контрольную группу. Фундаментальной работой по DEA является

опубликованная в 1978 г. статья американских ученых А. Charnes, W.W. Cooper, E. Rhodes [205], в которой была предложена оптимизационная математическая модель оценки эффективности объекта управления, относящаяся к классу обыкновенных задач дробного программирования. Эта модель включает в рассмотрение несколько характеристик объекта управления, одна группа которых идентифицируется как входы (ресурсы), вторая часть – как выходы (результаты). Соответственно, чем меньше входы и больше выходы, тем более эффективно функционирует объект управления. Математическая запись модели имеет вид (формула 2.1).

$$h_0 = \frac{\sum_{r=1}^s u_r \cdot y_{r0}}{\sum_{i=1}^m v_i \cdot x_{i0}} \rightarrow \max \quad (2.1)$$

при следующих ограничениях:

$$\frac{\sum_{r=1}^s u_r \cdot y_{rj}}{\sum_{i=1}^m v_i \cdot x_{ij}} \leq 1$$

$$u_r, v_i \geq 0; j = 1..n; r = 1..s; i = 1..m.$$

В формулах (2.1) y_{rj} – r -й выход у j -го объекта, x_{ij} – i -й вход у j -го объекта, s – количество выходов, m – количество входов, u_r, v_i – искомые весовые коэффициенты.

В работе [205] авторы показали, что вышеприведенную задачу можно преобразовать таким образом, чтобы свести ее к задаче линейного программирования (формула 2.2).

$$z_0 \rightarrow \max, \quad (2.2)$$

при следующих ограничениях:

$$\begin{aligned} Y_0 \cdot z_0 - \sum_{j=1}^n Y_j \cdot \lambda_j &\leq 0; \\ \sum_{j=1}^n X_j \cdot \lambda_j &\leq X_0; \\ \lambda_j &\geq 0. \end{aligned}$$

В формулах (2.2) $Y_0 = (y_{10}, \dots, y_{s0})'$ – вектор выходов исследуемого объекта размерности $s \times 1$; $X_0 = (x_{10}, \dots, x_{m0})'$ – вектор входов исследуемого объекта контрольной группы размерности $m \times 1$;

$Y_j = (y_{1j}, \dots, y_{sj})'$ – вектор выходов j -го объекта контрольной группы размерности $s \times 1$; $X_j = (x_{1j}, \dots, x_{mj})'$ – вектор входов j -го объекта контрольной группы размерности $m \times 1$; z_0, λ_j – искомые параметры.

Решение задачи (2.2) позволяет получить следующие величины: $z_0^*, \lambda_j^*, S_{In}^* = X_0 - \sum_{j=1}^n X_j \cdot \lambda_j^*, S_{Out}^* = \sum_{j=1}^n Y_j \cdot \lambda_j^* - Y_0 \cdot z_0^*$, используя которые можно получить следующие результаты:

1) оценить эффективность объекта исследования. Объект является эффективным, если выполняются следующие условия: $z_0^* = 1; S_{In}^* = 0; S_{Out}^* = 0$. Более того, доступны оценки эффективности не только объекта исследования, но и всех объектов контрольной группы z_j^* ;

2) оценить избыточность потребления каждого из видов ресурсов. Положительные компоненты вектора S_{In}^* показывают, насколько меньше можно было потратить соответствующего ресурса при сохранении того же уровня эффективности;

3) оценить «недополучение» выходов. Положительные компоненты вектора S_{Out}^* показывают, насколько можно увеличить соответствующие результаты при сохранении того же уровня эффективности;

4) описать объект, являющийся «эталонном» для исследуемого объекта. Те объекты контрольной группы, у которых $\lambda_j^* > 0$, используются для конструирования «эталона». Соответственно, их взвешенная сумма и представляет собой искомый эталонный объект.

Апробация данного подхода на примере оценки результативности использования общественных финансов в различных сферах социально-экономического развития субъектов РФ будет рассмотрена в 3 главе монографии.

Совершенствование инструментов оценки влияния прогрессивности подоходного налогообложения на экономику территории

Помимо DEA другим немаловажным инструментом оценки результативности общественных финансов может быть использование инструментария оценки влияния прогрессивности подоходного налогообложения на экономику территории, отражающего процессы формирования и повышения потенциала налоговой системы как основного источника доходов бюджетов всех уровней. Это позволяет обеспечить в конечном итоге экономическую и социальную

эффективность и результативность функционирования национальных и региональных систем. При этом достижение социальных параметров развития общества посредством значительного перераспределения доходов с помощью налоговых механизмов ставит вопросы его влияния на эффективность и результативность экономических процессов. Это определяет актуальность направлений исследований оптимальной структуры налогообложения, степени ее прогрессивности в рамках ее воздействия на ключевые макроэкономические параметры: объем и динамику валового внутреннего продукта (ВВП), налоговых доходов и другие. Особую значимость данные вопросы имеют в совершенствовании подоходного налогообложения.

Один из основных проблемных аспектов исследования влияния степени прогрессивности налоговой системы на экономику связан с ее измерением. Хотя в научных исследованиях предлагаются различные показатели оценки прогрессивности налогообложения, каждый из них при учете одних аспектов может упускать из виду другие.

К. Сабирьянова Питер, С. Баттрик, Д. Данкан (Klara Sabirianova Peter, Steve Buttrick, Denvil Duncan) отражают общую прогрессивность налогообложения в одной оценке [270]. Они оценивают прогрессивность для широкого круга стран, вычисляя прогрессию средней налоговой ставки по 100 точкам данных в диапазоне от 4 до 400 (также от 100 до 300) процентов ВВП на душу населения (рассчитывается как наклон регрессии средней налоговой ставки на доход). Однако этот показатель сильно зависит от распределения доходов до вычета налогов, что в итоге сказывается на конечном результате.

Таким образом, данные показатели зависят от величины выбранного дохода, при котором они получены, поскольку прогрессивность большинства налоговых систем сильно различается в зависимости от дохода. К тому же даже очень прогрессивные налоговые системы не приведут к значительному перераспределению, если распределение до вычета налогов уже очень равномерное. В данном случае высокая степень прогрессивности налогообложения выступает в качестве обеспечения равномерного распределения в случае роста дифференциации доходов.

Несколько иной подход к оценке прогрессивности шкалы налогообложения предлагают К. Гербер, А. Клемм, Л. Лиу, В. Милонас

(Claudia Gerber, Alexander D. Klemm, Li Liu, Victor Mylonas) [225]. Ими предлагается показатель прогрессивности, на который не влияет распределение доходов до налогообложения. Этот показатель рассчитывается ими по фиксированному диапазону доходов, каждому из которых придается равный вес (то есть доход рассматривается так, как если бы он был распределен равномерно). Для оценки прогрессивности налогообложения, они используют информацию о налоговых ставках для расчета налога, подлежащего уплате для каждого из 500 пунктов дохода в выбранном диапазоне доходов. Для страны с простой налоговой шкалой данный показатель можно было бы рассчитать, интегрировав налоговую функцию.

Если анализировать все рассмотренные показатели, можно отметить, что они носят в определенной степени избыточный и технически сложный характер. Это связано с тем, что они включают не только оценку прогрессивности шкалы налогообложения, но и величины полученных доходов. Кроме того, при расчете рассмотренных показателей возникает проблемный момент – это выбор того, какие доходы и отчисления включать.

Главным образом, это касается взносов на социальное обеспечение. Во многих случаях разница между социальным взносом и налогом часто является просто обозначением, в том смысле, что большинство социальных взносов являются обязательными платежами, часто определяемыми доходом.

Типичным исключением во многих странах являются пенсионные взносы, поскольку они демонстрируют черты вынужденных сбережений в отличие от безвозмездных взносов. Это, в свою очередь, показывает, что высокие выплаты не обязательно означают прогрессивность, потому что они не перераспределяются и не используются для общего потребления.

Поэтому многими авторами предпринимается попытка оценки прогрессивности налогообложения, которая бы нивелировала рассмотренные выше проблемные аспекты. Такой подход предлагается в исследованиях Дж. Арнольда, М. Аттинаси, К. Вестфал, М. Рейт (Jens Arnold, Maria-Grazia Attinasi, Cristina Checherita-Westphal, Malte Rieth) [193]. Ими предлагается показатель прогрессивности налогообложения, или индекс прогрессивности (I_{pr}), который определяется следующим образом (формула 2.3):

$$I_{pr} = 1 - \frac{(100 - MTR)}{(100 - ATR)}, \quad (2.3)$$

где MTR – предельная налоговая ставка, ATR – средняя налоговая ставка. Для прогрессивных налоговых систем индекс лежит в пределах 0 и 1. Если MTR равна 100% (при условии, что ATR не равна MTR), то индекс равен 1. При $ATR = MTR$ или при пропорциональной системе налогообложения $I_{pr} = 0$. Таким образом, большая величина индекса означает большую прогрессивность шкалы подоходного налогообложения. Для расчета индекса берется доход рабочего средней производительности, который устанавливается по методологии ОЭСР. Однако необходимо отметить, что этот показатель абсолютно не учитывает уровень налогооблагаемого дохода и шкалу налогообложения, что не отражает степень налогообложения низкодходных слоев населения.

Для определения степени прогрессивности шкалы подоходного налогообложения предлагается интегральный показатель налогообложения – индекс прогрессивности I_{pr} (формула 2.4), в рамках которого нами введен коэффициент, учитывающий налогообложение низкодходных групп k (формула 2.5):

$$I_{pr} = k \times \left(1 - \frac{1 - MTR}{1 - ATR}\right), \quad (2.4)$$

где MTR – предельная налоговая ставка в долях; ATR – средняя налоговая ставка в долях; k – коэффициент, учитывающий степень налогообложения низкодходных групп населения.

$$k = 1 - r_{min} \times \frac{D_{min} - DT_{min}}{D_{min}}, \quad (2.5)$$

где D_{min} – минимальный доход, соответствующий черте бедности, установленной Всемирным банком, в 6,85 долл в день; DT_{min} – минимальный уровень налогооблагаемого дохода; r_{min} – налоговая ставка в долях на доход ниже границы бедности.

Данный коэффициент будет равен 1, если доход ниже черты бедности не облагается налогом ($r_{min} = 0$). Чем меньше будет значение коэффициента, тем в большей степени облагается подоходным налогом низкодходные группы населения.

Таким образом, предложенный индекс позволяет:

- учитывать степень прогрессивности шкалы налогообложения;
- оценивать ставки налоговой системы по налогообложению низкодоходных групп населения;
- элиминировать влияние степени неравенства распределения доходов до вычета налогов.

Для расчета индекса прогрессивности были использованы данные по ставкам подоходного налога и интервалам налогооблагаемого дохода для 39 стран (страны ОЭСР и Россия) [259] по данным за 2021 г. (таблица 2.1).

Таблица 2.1

Показатели индекса прогрессивности

Страна	I_{pr}	Страна	I_{pr}
Нидерланды	0,34	Литва	0,18
Израиль	0,33	Исландия	0,17
Словения	0,31	Дания	0,16
Австрия	0,30	Канада	0,16
Япония	0,29	Колумбия	0,16
Чили	0,26	Новая Зеландия	0,16
Бельгия	0,26	США	0,16
Франция	0,26	Латвия	0,15
Австралия	0,25	Турция	0,15
Великобритания	0,25	Коста-Рика	0,13
Ирландия	0,25	Норвегия	0,13
Корея	0,24	Испания	0,12
Германия	0,23	Словакия	0,12
Люксембург	0,22	Чехия	0,12
Греция	0,20	Швеция	0,11
Италия	0,20	Эстония	0,11
Мексика	0,20	Швейцария	0,08
Польша	0,19	Россия	0,01
Португалия	0,19	Венгрия	0,00
Финляндия	0,19		

На основании полученных индексов определим влияние степени прогрессивности подоходного налогообложения на динамику социально-экономических показателей с помощью корреляционного анализа.

Рассмотрим зависимость степени прогрессивности налогообложения и четырех индикаторов: совокупных налоговых доходов в процентах от ВВП (2021 г.), доли налога на доходы

физических лиц в общем объеме налоговых поступлений (2020 г.), величины ВВП на душу населения (2021 г.) и коэффициента неравенства доходов Джини (2020 г.).

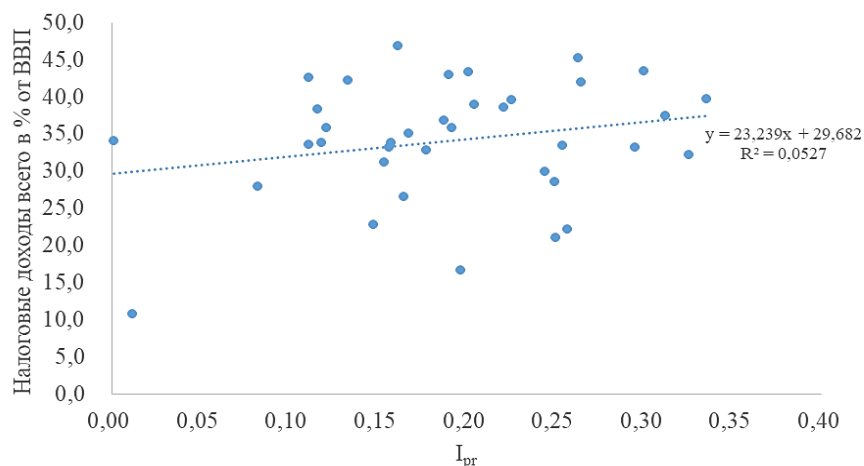

Рисунок 2.1. Корреляционное поле индекса прогрессивности и величины налоговых доходов в 2021 г., % от ВВП

Составлено автором по расчетным данным и OECD Statistics [259].

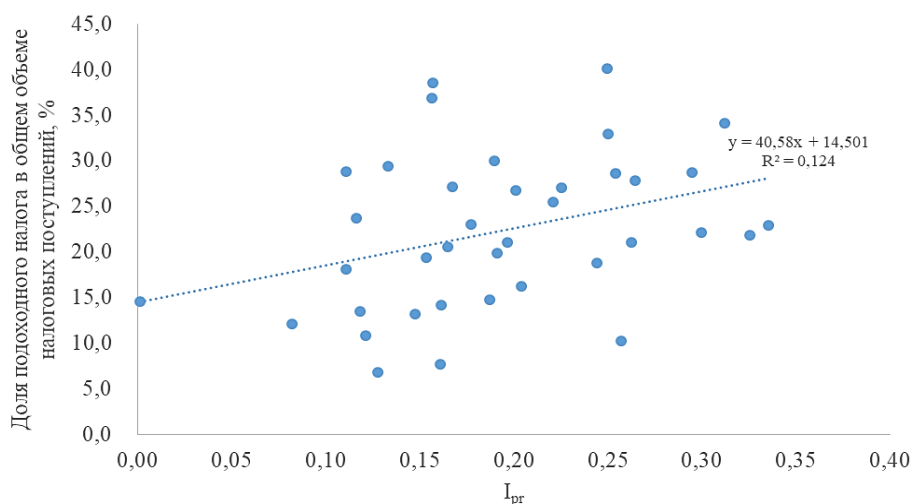

Рисунок 2.2. Корреляционное поле индекса прогрессивности и доли подоходного налога в общем объеме налоговых поступлений в 2020 г., %

Составлено автором по расчетным данным и OECD Statistics [259].

На рисунках 2.1-2.2 показана корреляция индекса прогрессивности с показателями налоговых доходов. В обоих случаях связь прямая, что означает, что с ростом степени прогрессивности шкалы подоходного налогообложения как доля совокупных налоговых доходов в ВВП, так и доля подоходного налога в общем объеме налоговых поступлений растет. Хотя теснота связи невелика, корреляция показывает, что рост прогрессивности налоговой системы не является ограничителем в пополнении государственного бюджета. Это можно объяснить с помощью нескольких факторов.

Во-первых, поступления от налогообложения высоких доходов может быть выше, чем сокращение объема налога от ухода в «тень» и снижения экономической активности. Во-вторых, налогообложение может быть менее прогрессивным, чем предполагают ставки налогов, поскольку более высокодоходные группы налогоплательщиков имеют больший доступ к налоговым льготам и больше возможностей избежать уплаты налогов.

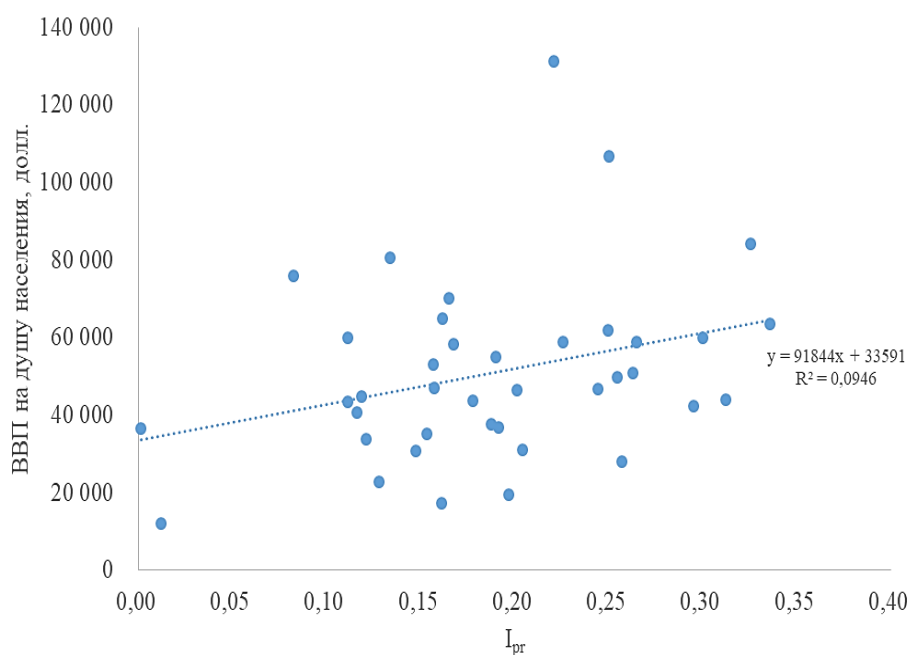

Рисунок 2.3. Корреляционное поле индекса прогрессивности и валового внутреннего продукта на душу населения, долл.

Составлено автором по расчетным данным и OECD Statistics [259].

Как следует из рисунка 2.3, связь между рассматриваемыми показателями прямая, что означает однонаправленное изменение показателя выпуска и показателя прогрессивности налогообложения. При этом анализ выявил слабую связь между данными показателями. Это подтверждает исследования зависимости прогрессивности налогообложения и экономического роста на основе регрессионного анализа другими авторами. Так, например, результаты регрессий Дж.Д. Остри, Ф. Берга, К. Тсангаридеса (J.D. Ostry, A. Berg, C.G. Tsangarides) [260] не показали никакого положительного влияния прогрессивности на экономический рост. Ключевым выводом данной зависимости является то, что существуют большие возможности по увеличению прогрессивности шкалы налогообложения без риска для экономического роста. Это особенно актуально для стран в которых существует значительное неравенство доходов.

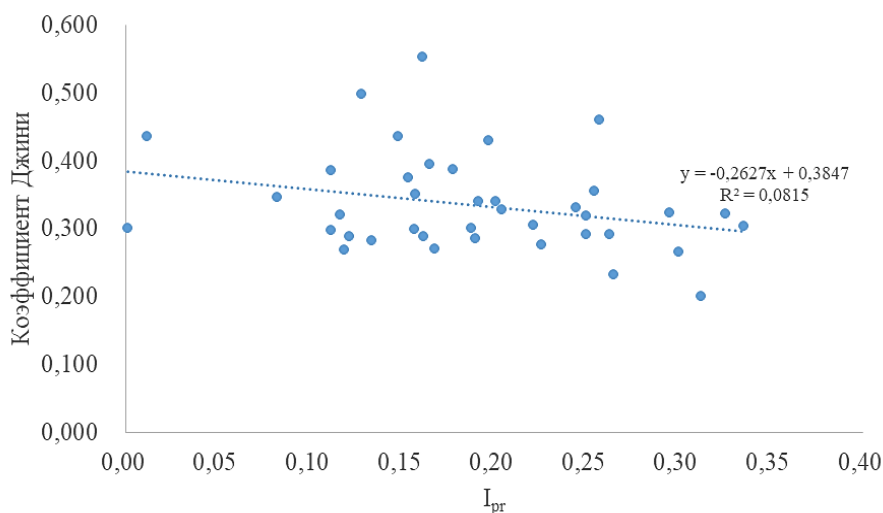

Рисунок 2.4. Корреляционное поле индекса прогрессивности и коэффициента Джини

Составлено автором по расчетным данным и OECD Statistics [259], Statista [276].

На рисунке 2.4 показана корреляция индекса прогрессивности с коэффициентом Джини после перераспределения доходов. Несмотря на то, что анализ выявил слабую связь между показателями, существенной является обратная связь между показателями, подтверждающая снижение неравенства доходов с ростом степени прогрессивности шкалы подоходного налогообложения. Здесь также

следует отметить, что такая явная обратная связь между прогрессивностью налогов и неравенством и, в частности, влиянием на функциональное распределение доходов, характерна главным образом для стран с более развитыми демократическими институтами [45]. Так, например, согласно исследованиям Д. Данкан, К. Питер (D. Duncan, K. Peter) [211], прогрессивность имеет значительно меньшее влияние на неравенство доходов в развивающихся странах со слабыми законами и порядком, где имеется большая вероятность уклонения от уплаты налогов.

Л. Джексон, К. Отрок, М.Т. Овианг (Laura Jackson, Christopher Otrok, Michael T. Owyang [235]) рассматривают другие факторы, влияющие на корреляцию прогрессивности налогообложения и неравенства доходов. По их мнению, неравенство может расти, если агенты с низким доходом работают за относительно фиксированную заработную плату, а агенты с высоким доходом владеют магазинами и капиталом. По логике их исследования меньшее налогообложение низкодоходных групп населения приводит к росту их спроса, при этом свой доход они тратят на товары и услуги фирм, которые принадлежат высокодоходным агентам. Несмотря на то, что располагаемый доход агентов с высоким доходом снижается из-за налогового шока, они получают компенсирующий рост дохода от новых расходов агентов с низким доходом. Результатом является мультипликативный эффект, который имеет место только для агентов с высоким доходом, и однократное разовое увеличение, которое происходит для агентов с низким доходом. Чистый эффект заключается в том, что объем производства увеличивается, но увеличение дохода может коснуться только высокодоходных агентов и главным образом доходов на капитал. Однако можно отметить, что такая зависимость скорее всего характерна для высокомонополизированных экономик и в том случае, когда спрос превышает предложение.

Таким образом, высокая степень прогрессивности подоходного налогообложения оказывает системный положительный эффект на социально-экономическую результативность. Корреляционный анализ показал, что повышение прогрессивности шкалы подоходного налогообложения оказывает положительное влияние на результаты рыночной экономики за счет сокращения неравенства, но, тем не менее, не оказывает негативного влияния на экономический рост и пополнение государственного бюджета.

2.2. Алгоритмизация моделирования деятельности региональных органов управления в процессе управления общественными финансами в целях повышения ее результативности в условиях неопределенности

Наличие серьезных социальных и экономических проблем функционирования российского общества, таких как чрезвычайные масштабы неравенства доходов, растущая проблема бедности, отсутствие эффективного платежеспособного спроса ставят вопросы усиления роли налоговых механизмов в решении данных проблем и повышении результативности общественных финансов. В российских исследованиях рассматриваются предлагаемые основные параметры налоговой системы: налоговые ставки, границы налогообложения, дается расчет эффекта их введения. При этом подобные исследования требуют дополнения анализа проблемы математическим обоснованием и учетом не только социальных, но связанных с ними экономических проблем, для достижения системного социально-экономического эффекта.

Особую роль для обеспечения результативности общественных финансов и повышения доходов бюджетов всех уровней играет совершенствование системы подоходного налогообложения, обеспечивающей значительный перераспределительный эффект. В этой связи значимым является обоснование ставок предлагаемой прогрессивной шкалы налога на доходы физических лиц (НДФЛ), учитывающей социально-экономические факторы и условия российской экономики. Выполнение этой задачи предполагает обоснование с использованием методов математического моделирования минимальной необлагаемой границы подоходного налога, а также ставок шкалы подоходного налога, соответствующих основным критериям и приоритетам развития.

Разработка прогрессивной шкалы подоходного налогообложения базируется на результатах исследований, включающих регрессионный анализ влияния степени прогрессивности шкалы налога на динамику социо-экономических процессов: динамику ВВП, объем налоговых доходов, уровень неравенства доходов. Согласно исследованиям Дж. Д. Остри, Ф. Берга, К. Тсангаридеса, прогрессивность шкалы подоходного налога не оказывает какого-либо влияния на экономический рост. Другие авторы, например, К. Гербер, А. Клемм,

Л. Лиу, В. Милонас, выявляют незначительное положительное влияние прогрессивности [225, 260]. Это обуславливает существование больших возможностей по увеличению прогрессивности шкалы подоходного налогообложения без риска для экономического роста.

К. Сабирьянова Питер, С. Баттрик, Д. Данкан проанализировав взаимосвязь между ставками подоходного налога и объемом аккумулируемого дохода от налога, выявили существенное отличие этой взаимосвязи в странах разного уровня развития. В частности, существует статистически значимая положительная связь между налоговыми ставками и сбором подоходного налога в странах с высоким уровнем дохода. С другой стороны, страны с низким уровнем дохода демонстрируют очень слабую связь между налоговыми ставками и отношением доли подоходного налога к объему ВВП, что определяется размером неформального сектора экономики [270]. Также авторами выявлено, что прогрессивность уменьшает неравенство в доходах, при этом прогрессивность шкалы подоходного налога оказывает большее выравнивающее воздействие в условиях, поддерживающих перераспределение в пользу низкодходных слоев населения. Другие авторы выделяют дополнительные факторы, определяющие зависимость между степенью прогрессивности подоходного налогообложения и неравенством доходов, в частности мультипликативный эффект от сокращения налогов [43, 235].

Согласно исследованиям Д. Бенедик, Х. Бенитеса, Ч. Веллутини изменение минимальной ставки подоходного налогообложения оказывает положительное влияние на объем поступлений подоходного налога в государственный бюджет, изменение максимальной ставки подоходного налога вызывает однонаправленное влияние на объем поступлений в развитых странах и обратно пропорционально поступлениям подоходного налога в странах с низким уровнем дохода [197].

Переход от пропорциональной к прогрессивной системе налогообложения при не снижении уровня поступлений подоходного налога в государственный бюджет рассматривается О.В. Калининой [69]. Ею предлагается метод трансформации – математическое обоснование количественных значений прогрессивной шкалы, который позволяет рассчитать прогрессивные ставки подоходного налогообложения физических лиц с учетом различных факторов.

Переход от плоской к прогрессивной шкале обосновывается с учетом социального характера перераспределения налогового бремени среди населения, главным образом его сокращении на низкодоходные слои, при возможности увеличения поступлений в государственный бюджет.

Современные исследования основных закономерностей влияния уровня доходов на сбережения показывают, что темпы роста реального располагаемого частного дохода на душу населения оказывают положительное и значительное влияние на норму частных сбережений – по мере того, как частные агенты становятся богаче или их доходы растут быстрее, норма их сбережений увеличивается. Согласно оценочным коэффициентам, увеличение дохода на 10% повышает норму частных сбережений на 0,47 п.п. В свою очередь расчетный коэффициент показывает, что увеличение темпов роста доходов на 1 п.п. приводит к увеличению нормы частных сбережений на 0,45 п.п. в краткосрочной перспективе [249].

Анализ российских условий, в частности региональной специфики, выявил противоречивые результаты влияния доходов на норму сбережения. Согласно исследованиям М.Ю. Малкиной, И.Ю. Храмовой, Т.А. Поповой, высокая норма сбережения наблюдается как в более развитых регионах, так и в регионах с низкими среднедушевыми доходами [83, 110].

Для обоснования ставок прогрессивной шкалы подоходного налогообложения в российских условиях, в данном исследовании выделим следующие этапы:

1. Определение границы необлагаемого минимума. Выполнение данной задачи обеспечим с помощью реализации двух взаимосвязанных принципов.

Во-первых, минимальная необлагаемая граница должна быть не меньше основных количественных минимальных социальных гарантий [44]. В качестве такого критерия принимается минимальный потребительский бюджет (28750 руб. в месяц) равный двум величинам прожиточного минимума (по методологии Министерства труда и социальной защиты РФ и ФНПР), с 1 января 2023 г., установленного в размере 14375 руб. в месяц.

Во-вторых, в соответствии с вышерассмотренными принципами, из-под подоходного налогообложения должен выводиться доход, обеспечивающий полный объем расходов на потребительские блага, поскольку повышенное налогообложение групп населения с доходами

ниже средних, являющихся потенциальными потребителями продукции отечественных производителей, приводит к снижению спроса. Большая часть в структуре потребительских расходов этой группы населения составляют расходы потенциально ориентированные на отечественные отрасли экономики. Поэтому в данном исследовании при определении величины необлагаемого минимума НДС предлагается использовать принцип на основе анализа сбережений населения как избытка денежных ресурсов над потреблением. При этом данная граница дохода должна быть не меньше величины определяемого минимального потребительского бюджета.

Анализ сбережений населения в данном исследовании проводится в региональном разрезе во взаимосвязи с среднедушевыми доходами в субъектах РФ за 2021 г. методом регрессионного анализа. Согласно проведенному анализу, была получена регрессионная модель, описываемая квадратичной функцией (рисунок 2.5).

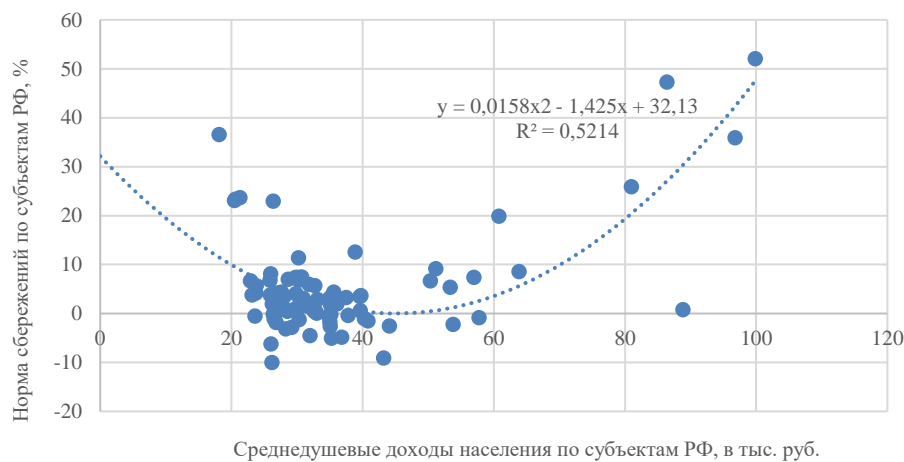

Рисунок 2.5. Зависимость нормы сбережений и среднедушевых доходов по субъектам РФ, 2021 г.

Источник: расчеты автора по данным [161].

Проведем оценку адекватности модели по следующим статистическим характеристикам:

индекс детерминации: $R^2 = 0,722^2 = 0,5214$;

F-критерии Фишера:

- критический (табличный) $F_{табл} = F(0,05, 2, 84) = 3,1052$;
- фактический $F_{факт} = 39,5323$;

Поскольку $F_{факт} > F_{табл}$, то уравнение регрессии статистически значимо.

Критерии Дарбина-Уотсона:

- критические (табличные) $d_1 = 1,62, d_2 = 1,67$;
- фактический $d = 1,922$;

$d_2 < d < 2$ отсутствие автокорреляции остатков.

Полученная модель является значимой по критерию Фишера, однако значение индекса детерминации составляет 0,5214, что говорит о недостаточной объясняющей силе модели. Однако, учитывая результаты оценки, примем полученную функциональную зависимость в качестве рекомендательной модели.

Анализ полученной функциональной зависимости средней нормы сбережений от среднего уровня доходов по регионам показывает, что, во-первых, регионы, с низким уровнем денежных доходов демонстрируют высокую склонность к сбережениям. Это можно объяснить фактором вынужденных сбережений, поскольку низкий уровень доходов и риск потери имеющегося низкого дохода приводит к снижению спроса и потребления, а также росту сбережений (в интервале среднедушевого дохода примерно до 25000 руб. в месяц).

С ростом доходов происходит увеличение объемов потребления, что приводит к отрицательным сбережениям: сокращению накопленных сбережений и росту получения кредитных ресурсов (от 25000 до примерно 45000 руб.). Дальнейший рост доходов приводит к росту сбережений, которое можно объяснить превышением денежных ресурсов над потреблением (по кейнсианской теории сбережений). Данная переломная точка является оптимальной для определения необлагаемого минимума подоходного налога.

Для определения этой границы найдем экстремум полученной квадратичной функциональной зависимости нормы сбережений от среднедушевого дохода. По расчетам он составляет 45220 руб. Поскольку в анализе использовались средние величины, для определения необлагаемого минимума используем медианный уровень среднедушевого дохода. Медианный доход составляет по расчетам 74,7% от среднедушевого дохода. В итоге примем за границу рекомендуемого необлагаемого минимума НДФЛ округленную

величину дохода в 35000 руб. в месяц (в целях снижения издержек администрирования).

2. На следующем этапе определим конкретные величины налоговых ставок НДФЛ прогрессивной шкалы для других интервалов доходов. Основным параметром формирования налоговых ставок разрабатываемой прогрессивной шкалы является социально значимый критерий – величина налоговой ставки для самой низкодоходной группы населения, которая в нашем случае равна нулю. Учет данного базового социально значимого критерия лежит в основе метода линейной трансформации [69], который позволяет перевести исходную плоскую шкалу подоходного налогообложения в прогрессивную с равным итоговым налоговым доходом.

Преимуществом данного метода является учет распределения доходов по группам населения и возможность повышения налоговых ставок на доходы для обеспеченных слоев населения пропорционально их доходам. Однако значительный рост налоговой нагрузки (в данном случае на высокодоходные группы) может привести к увеличению уклонения от уплаты налогов. При этом современные исследования показывают, что прямой зависимости между ростом налоговых ставок и уклонением от уплаты налогов не наблюдается. Так, например, согласно исследованиям Д. Бенедик, Х. Бенитеса, Ч. Веллутини изменение минимальной ненулевой ставки подоходного налога приводит к одностороннему изменению доли подоходного налога в ВВП как в развитых странах (РС), так и в развивающихся странах (РВС) и странах с формирующимся рынком (СФР). Аналогично, снижение налогооблагаемого порога подоходного налога приводит к уменьшению доли подоходного налога [197]. Рост максимальной ставки подоходного налога на высокодоходные группы населения приводит к росту доли подоходного налога в ВВП в странах с низким уровнем доходов и к незначительному ее снижению в развитых странах (таблица 2.2).

Согласно исследованиям Ф. Шойера и Д. Слемрода, наиболее богатые группы меньше реагируют на увеличение налоговой ставки в том случае, если больше налоговая база и чем эффективнее ведется борьба с уклонением от уплаты налогов. Это предполагает, что направления политики по повышению ставок должны сопровождаться расширением налоговой базы и улучшением налогового правоприменения [272].

Таблица 2.2

**Влияние параметров налоговой политики на изменение доли
походного налога в ВВП**

Параметр налоговой политики	Изменение за 2006–2018 гг. (в п.п.)			Изменение доли подоходного налога в ВВП под влиянием показателя (в п.п.)		
	РС	СФР	РВС	РС	СФР	РВС
Общий объем подоходного налога	3,6	24,3	46,5			
Граница необлагаемого минимума	- 0,2	- 24,1	- 1,5	0,00	- 0,06	0,00
Минимальная ненулевая ставка	1,9	4,7	- 17,3	0,01	0,25	- 0,19
Максимальная ставка	1,0	- 13,1	- 15,6	- 0,01	- 1,50	- 0,12

Источник: Benedek D., Benítez J.C., Vellutini C. Progress of the personal income tax in emerging and developing countries // IMF Working Papers. January 28, 2022. <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2022/01/28/Progress-of-the-Personal-Income-Tax-in-Emerging-and-Developing-Countries-512234>.

Аналогичные результаты были получены в исследованиях российской специфики налогообложения. Так, согласно оценке В.Г. Панскова, переход России в 2001 г. на плоскую шкалу НДФЛ в 13% с прогрессивной шкалы показал, что роста поступлений подоходного налога, а, следовательно, снижения масштабов уклонения от уплаты налогов не произошло. Напротив, по оценкам, прирост поступлений НДФЛ стал ниже по сравнению с приростом доходов как по отдельным налогам, так и налоговым доходам в совокупности [105].

При выборе метода формирования прогрессивной шкалы подоходного налога в рамках совершенствования направлений налоговой политики необходимо учитывать специфику существующих параметров системы налогообложения, степень уклонения от уплаты налогов, уровень налогового администрирования и правоприменения, степень неравенства в распределении доходов [249]. В совершенствовании направлений налоговой политики и управления финансовым потенциалом региона является перспективным применение методов экономико-математического моделирования [36]. Учитывая данные аспекты, при переходе к прогрессивной шкале подоходного налогообложения в российских условиях на первоначальном этапе является целесообразным использование метода линейной трансформации, который дает возможность постепенного градуального перехода от пропорциональной системы налогообложения к прогрессивной.

Таким образом, определение налоговых ставок прогрессивной шкалы подоходного налогообложения произведем с помощью метода линейной трансформации, непосредственно учитывая основной социально значимый критерий. Базовым условием перехода к прогрессивной шкале налогообложения в рамках метода линейной трансформации является равенство налогооблагаемой базы и величины суммарного налога на доходы физических лиц до (C_0) и после (C) введения прогрессивной шкалы налогообложения (формула 2.6):

$$C = C_0 = S_0 n_0, \quad (2.6)$$

где S_0 – существующая налогооблагаемая база; n_0 – единая ставка налога при плоской шкале налогообложения.

Однако метод трансформации плоской шкалы в прогрессивную не учитывает то, что при прогрессивном налогообложении налоговая ставка интервала дохода и средняя налоговая ставка данного интервала не равны: в каждом налогооблагаемом интервале по заданной ставке облагается не весь доход, а только прирост интервального дохода.

Поэтому введем в базовое условие (формула 2.6) учет дифференцированного налогообложения дохода в рамках отдельных интервалов налогообложения (формула 2.7):

$$\begin{aligned} & w_1 l_1 n_1 + (w_2 - g_1) l_2 n_2 + g_1 l_2 n_1 + \\ & (w_3 - g_2) l_3 n_3 + (g_2 - g_1) l_3 n_2 + g_1 l_3 n_1 + \dots \\ & + (w_i - g_{i-1}) l_i n_i + (g_{i-1} - g_{i-2}) l_i n_{i-1} + \dots \\ & + (g_2 - g_1) l_i n_{i-2} + g_1 l_i n_1 = S_0 n_0, \end{aligned} \quad (2.7)$$

$$\Delta = n_{i+1} - n_i = \text{const},$$

а ставка в группе будет

$$n_i = n_1 + \Delta \cdot (i - 1), \quad (2.8)$$

трансформируем формулу 2.7 и подставим Δ . В результате получаем:

$$\Delta = \frac{S_0 n_0}{\sum_{j=2}^n (j-1) w_j l_j - \sum_{i=1}^{n-1} g_i (\sum_{i=1}^{n-1} l_{i+1})}. \quad (2.9)$$

Подставив формулу 2.9 в формулу 2.8, в итоге получаем предлагаемое формализованное выражение:

$$n_i = n_1 + \frac{S_0 n_0 (i - 1)}{\sum_{j=2}^n (j - 1) w_j l_j - \sum_{i=1}^{n-1} g_i (\sum_{i=1}^{n-1} l_{i+1})}. \quad (2.10)$$

Для определения налоговых ставок прогрессивной шкалы налогообложения по разработанному формализованному методу (формула 2.10) используем данные Росстата по средней заработной плате по десятипроцентным (децильным) группам работников в Российской Федерации на апрель 2023 г. (таблица 2.3).

Таблица 2.3

**Распределение средней заработной платы в России
по десятипроцентным (децильным) группам работников**

Группы	1 (с наименьшими доходами)	2	3	4	5
Средняя заработная плата, руб.	18145,5	27165,4	34322,6	41200,5	48496,5
Доля оплаты труда, в %	2,5	3,7	4,7	5,7	6,7
Группы	6	7	8	9	10 (с наибольшим и доходами)
Средняя заработная плата, руб.	57007,6	67962,1	83130,5	109194,4	238277,9
Доля оплаты труда, в %	7,9	9,4	11,5	15,1	32,8

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>.

На основе произведенных расчетов получили следующие ставки прогрессивной шкалы НДФЛ, которые дают равные величины суммарного подоходного налога до и после введения прогрессивной шкалы (таблица 2.4).

Таблица 2.4

Расчетные ставки прогрессивной шкалы НДФЛ

Границы шкалы, в месяц	Ставка налога (расчетная), в %	Ставка налога (округление), в %	Доля в общей численности населения, в %
До 35000 руб.	0	0	25,5
От 35000 руб. до 140000 руб.	9,8	10	62
От 140000 руб. до 400000 руб.	22,4	23	12
От 400000 руб.	35,3	36	0,5

Источник: разработано и рассчитано автором.

Округление рассчитанных ставок налога дает увеличение общего объема аккумулируемых посредством прогрессивного налога доходов. Таким образом, переход на прогрессивную линейную шкалу подоходного налогообложения при нулевой ставке для первой низкодоходной группы населения, вызвал снижение налоговой ставки с 13% до 10% для второй группы и рост налоговой ставки для высокодоходных групп. Для нахождения ставок прогрессивного налога можно также использовать более дробную шкалу налогообложения, с учетом того, что в практическом плане данное направление может вызвать рост издержек по администрированию налога.

Поскольку уровень дохода и его дифференциация различается по регионам, в каждом отдельном регионе определение совокупного дохода по НДФЛ (по расчетным ставкам прогрессивной шкалы) будет давать величину подоходного налога, отклоняющуюся от среднерегionalного значения.

Рассчитаем совокупный налоговый доход по НДФЛ по полученным расчетным ставкам на примере Республики Башкортостан. Для сравнения налогового дохода до и после введения прогрессивной шкалы подоходного налога рассмотрим данные по распределению общей суммы средств, направленных на оплату труда, по десятипроцентным (децильным) группам работников по республике в апреле 2023 г. (таблица 2.5).

Таблица 2.5

Распределение средней заработной платы по десятипроцентным (децильным) группам работников по Республике Башкортостан (в %)

Децильные группы	1 (с наименьшими доходами)	2	3	4	5
Средняя заработная плата	18865,1	25163,8	30862,3	36215,8	41883,8
Доля оплаты труда, в %	3,4	4,5	5,5	6,5	7,5
Децильные группы	6	7	8	9	10 (с наибольшими доходами)
Средняя заработная плата	48239,8	55596,9	66062,5	82888,8	155197,1
Доля оплаты труда, в %	8,6	9,9	11,8	14,8	27,5

Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26137>.

Расчет налогового дохода по предложенным ставкам дает следующие величины долей оплаты труда и численности населения республики каждой группы налогообложения (таблица 2.6).

Расчет по полученным ставкам показал, что получаемая совокупная величина подоходного налога по Республике Башкортостан составляет 86,6% от среднероссийской величины подоходного налога. Это связано с тем, что средний уровень доходов, и в частности средней заработной платы, в республике ниже среднероссийского уровня. Низкий уровень доходов в Республике Башкортостан также связан с высокой долей сельского населения, низкой долей предприятий с иностранным капиталом, доходов, полученных по банковским вкладам [99].

Таблица 2.6

Доли заработной платы и численности населения по каждой группе налогообложения по Республике Башкортостан

Границы шкалы, в месяц	Ставка подоходного налога, %	Доля от общего объема оплаты труда, %	Доля в общей численности населения, %
До 35000 руб.	0	16,4	34,2
От 35000 руб. до 140000 руб.	10	57,6	61,5
От 140000 руб. до 400000 руб.	23	22,9	4,12
От 400000 руб.	36	3,1	0,18

Источник: рассчитано и составлено автором.

Перспективным направлением дальнейших исследований в рамках данной проблемы является ввод нелинейной зависимости при формировании прогрессивной шкалы налогообложения, использование методов моделирования, а также совершенствование ставок и интервалов налогообложения с учетом региональных аспектов: дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития и доходов [30, 31], различных природно-климатических условий, рыночной конъюнктуры.

Таким образом, разработка математического инструментария совершенствования налоговых механизмов в системе управления общественными финансами позволяет повысить ее социально-экономическую результативность в современных российских условиях. Системный учет социальных и экономических аспектов при разработке основных параметров шкалы подоходного налогообложения, используя методы математического, регрессионного анализа, позволил предложить шкалу налога,

определяющую базовые социальные гарантии для низкодоходных групп населения и рациональную налоговую нагрузку для средне и высокодоходных групп. Обоснована величина необлагаемого минимума шкалы подоходного налога, которая позволяет решить две задачи: реализацию основных количественных минимальных социальных гарантий и обеспечение полного объема потребительских расходов низкодоходных групп населения, потенциально ориентированных на отечественные отрасли экономики. Предлагаемая прогрессивная шкала подоходного налога позволяет снизить налоговую нагрузку на низкодоходные группы населения; обеспечить неснижающийся уровень налоговых поступлений в государственный бюджет до и после введения прогрессивной шкалы; снижение ставки на среднедоходные группы населения может активизировать эти группы в качестве индивидуальных предпринимателей, организаторов предпринимательской деятельности.

На основании разработанных инструментов налогового механизма в следующей главе монографии представлен расчет и оценка системного социально-экономического и бюджетного эффектов от его введения на национальном и региональном уровне с учетом влияния различных факторов: уровня бедности, социально-экономической дифференциации доходов, изменения объемов поступлений подоходного налога, аккумуляции других налоговых доходов и др.

ГЛАВА 3. АПРОБАЦИЯ ОБНОВЛЕННОГО С ПОЗИЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ ОСНОВНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ РЕГИОНОВ

3.1. Оценка результативности ответственного бюджетного инвестирования в регионе в условиях неопределенности

В настоящее время все большую актуальность приобретает ответственное инвестирование, предполагающее согласование направлений инвестиционных вложений с целями устойчивого развития территории на которой планируется реализация инвестиционных проектов. Устойчивое развитие территорий в современном понимании – это такое развитие, при котором за счет текущего экономического роста обеспечивается удовлетворение жизненно важных потребностей нынешнего населения и обуславливаются возможности будущего экономического роста и удовлетворения потребностей будущих поколений. Нужно подчеркнуть, что устойчивое развитие возможно только при равновесном сочетании трех основных составляющих: экономический рост (прогресс) территории, социальная ответственность бизнеса и населения и экологический баланс. Таким образом, концепция устойчивого развития основывается на оптимальном использовании ограниченных ресурсов территории на основе высокоэкологичных ресурсосберегающих технологий, предусматривающих полную переработку и уничтожение отходов. Экологические и социальные аспекты устойчивого развития территорий будут рассмотрены в разделах 3.3 и 3.4. Данный раздел монографии посвящен анализу экономических основ обеспечения устойчивого (резилиентного) развития территорий в контексте оценки результативности общественных финансов регионов.

Переход в РФ на проектный принцип управления государственными финансами подразумевает проведение оценки результативности использования общественных финансов с позиции их влияния на достижение конечных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития территорий и качество жизни населения. В тоже время результативность общественных финансов в какой-либо отдельной сфере в определенной мере зависит

от уровня развития социально-экономической системы региона в целом, которая формирует необходимые условия (предпосылки, резервы) для повышения результативности.

Представленные в данной главе на базе апробации метода DEA результаты оценки результативности использования общественных финансов регионов ПФО на поддержку социальной сферы [195] и промышленности (с учетом Свердловской области как одного из наиболее промышленно развитых регионов страны) показывают, что в субъектах РФ с относительно высоким уровнем результативности использования общественных финансов (Республика Татарстан, Свердловская область и др.) наблюдается более высокий уровень бюджетной обеспеченности и удельной валовой добавленной стоимости. Наличие относительно высокого уровня бюджетной обеспеченности (объема налоговых и неналоговых доходов на душу населения) позволяет таким регионам оказывать более существенную финансовую поддержку местному бизнесу [9], реализовывать на территории в дополнительных объемах социальные программы, что влияет на степень достижения конечных показателей социально-экономического развития.

3.1.1. Промышленность

В настоящее время в условиях трансформации существующего мироустройства усиливаются тренды на проведение политики укрепления технологического суверенитета государств (данная тематика актуальна и для современных европейских исследований [215]) на базе поддержки собственного (внутреннего) промышленного производства, развития передовых инновационных технологий. Для России повышение значимости промышленного сектора экономики дополнительно обусловлена переходом к контрсанкционной политике, направленной на решение задач обеспечения технологического суверенитета и устойчивости социально-экономического развития. На прошедшем в сентябре 2023 г. Московском финансовом форуме Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин отметил, что «история с санкциями окончательно дала понять многим странам, что без собственного технологического задела они легко могут ... оказаться за бортом» [88]. Вопросы протекционизма поднимаются в Европейском союзе [217] и США [216], где каждая из сторон пытается использовать свои преимущества (более низкие энергозатраты и налоговые льготы в США, близость потребителей и выделение

субсидий в ЕС) для привлечения ресурсов в развитие промышленности на своей территории.

Активное внедрение в различные сферы деятельности цифровых технологий, увеличение затрат на научные исследования и разработки, повышение инновационной активности предприятий обеспечивают формирование «окон возможностей» для перехода к Индустрии 5.0, что стимулирует вложение средств в развитие современных высокотехнологичных промышленных производств по всему миру, в т.ч. и в России.

Вопросам эффективного использования «окон возможностей» в экономике посвящено значительное количество публикаций как отечественных [271, 283, 291], так и зарубежных авторов [209, 226, 246]. Окна возможностей рассматриваются как способ нивелирования технологического отставания [244, 262], повышения конкурентоспособности предприятий на основе своего инновационного [212, 230], цифрового [228, 290] развития, использования международного опыта [223].

В условиях изоляции экономики РФ от западных рынков, влекущей существенные ограничения в пользовании экономическими преимуществами глобализации и страновой специализации труда, возрастает актуальность использования концепции «окон возможностей» в сфере привлечения инвестиций в промышленность субъектов РФ. Например, А. Митрофанов рассматривает окна возможностей как потенциалы возможных событий [252]. «Окно возможностей» или «критическое окно» можно трактовать как междисциплинарное понятие, специфика которого во многом определяется конкретной сферой экономической деятельности. Так, в сфере бизнеса это относительно короткий период времени, в течении которого инвестиции в определенные технологии и виды инновационной продукции будут особенно продуктивны и значимы.

Алгоритм оценки новых «окон возможностей» для предприятий региона включает следующие этапы. На первом этапе выявляются насущные потребности региона в импортозамещении продукции крупными, средними и малыми предприятиями и эти потребности сопоставляются с имеющимися в «инвестиционном портфеле» региона техническими проектами, формируя список проектов, готовых для инвестирования. Следующий этап состоит в исследовании оперативной возможности и готовности предприятий региона к

внедрению проектов импортозамещения, в частности на основе анализа их инновационной активности. На последнем, заключительном этапе, посредством сопоставления потребностей региона в импортозамещении продукции и технологий (1 этап) и готовности его предприятий к инвестированию в них (2 этап) определяются оптимальные сроки и продолжительность открытия «окон возможностей» для реализации отвечающих запросам региона инвестиционных проектов [229].

В условиях нового миропорядка способность промышленных предприятий всех размерных форм воспользоваться открывающимся «окном возможностей» в связи с массовым уходом иностранных брендов с российского рынка обуславливается потенциальной допустимостью улавливания ими конкретного промежутка времени, благоприятного для внесения инвестиций в производство импортозамещающих видов продукции и промышленных технологий, организационных нововведений и т.д. при элиминировании рисков возможных осложнений [176, 263].

Методологически определение момента открытия «окна возможностей» базируется на определении наиболее благоприятных соотношений стартовых позиций для технологического прорыва промышленных предприятий, во-первых, с «длинноволновыми» закономерностями технологического развития (в рамках концепции Индустрия 5.0) и во-вторых, с увеличивающейся степенью разрыва международных логистических цепочек, дефицита импортного сырья, комплектующих и ингредиентов [50, 54].

Возрастает актуальность исследования вопросов достаточности существующих мер и инструментов поддержки промышленности с точки зрения повышения инвестиционной активности в современных условиях. Поскольку промышленность любой страны складывается из региональных производств важно исследовать инвестиционную инфраструктуру поддержки промышленности в регионах. Учитывая общую недофинансированность социально-экономического развития большинства регионов важное значение для повышения результативности общественных финансов в целом имеет стимулирование производственной и предпринимательской активности в регионах, поскольку основными статьями доходов консолидированного бюджета субъектов РФ являются налоговые поступления от организаций (прежде всего налог на прибыль) и

населения (налог на доходы физических лиц – НДФЛ, который, в свою очередь, взаимосвязан с возможностями бизнеса по предоставлению высокооплачиваемых рабочих мест). Данные о динамике налоговых поступлений от организаций на душу населения в 2021–2022 гг. во взаимосвязке с бюджетной обеспеченностью и уровнем ВРП регионов ПФО и Свердловской области представлены в таблице 3.1.

Таблица 3.1

Динамика удельных объемов ВРП, бюджетной обеспеченности и налоговых поступлений от организаций* в консолидированные бюджеты регионов ПФО и Свердловской области в 2021–2022 гг., тыс. руб. на 1 жителя

Субъект РФ	Налоговые поступления от организаций			Уровень бюджетной обеспеченности			ВРП на душу населения
	2021 г.	2022 г.	Изм. в %	2021 г.	2022 г.	Изм. в %	2021 г.
Республика Татарстан	40,6	52,3	29	86,4	107,3	24	888,0
Пермский край	38,8	33,3	-14	77,4	81,4	5	677,8
Свердловская область	36,3	32,9	-9	84,5	90,3	7	710,4
Нижегородская область	25,5	31,0	22	70,1	85,8	22	597,4
Самарская область	33,2	28,5	-14	75,4	77,4	3	675,3
Оренбургская область	30,2	28,2	-7	61,7	66,8	8	721,0
Республика Башкортостан	19,0	19,0	0	50,5	56,5	12	499,0
Удмуртская Республика	21,2	17,5	-17	54,3	57,1	5	565,5
Саратовская область	16,3	17,3	6	46,0	50,7	10	423,0
Ульяновская область	12,8	14,4	13	52,3	59,6	14	411,8
Республика Мордовия	12,1	14,3	18	46,6	53,3	14	384,6
Пензенская область	12,2	14,1	16	43,6	52,4	20	418,9
Кировская область	13,5	13,4	-1	48,0	55,9	16	387,5
Чувашская Республика	11,1	13,1	18	38,3	46,9	22	326,6
Республика Марий Эл	9,8	11,7	19	41,1	48,4	18	329,7

Источник: расчеты автора по данным Росстата [161], «Электронный бюджет» [103].

* рассчитано как отношение суммы налоговых поступлений от организаций в консолидированный бюджет региона (по налогу на прибыль, налогу на имущество, транспортному и земельному налогу) к среднегодовой численности населения

Введение санкций в 2022 г. оказало негативное влияние на налоговые поступления от организаций в региональные и местные бюджеты наиболее развитых субъектов РФ. В то же время благодаря росту поступлений по НДФЛ и доходам от использования государственного имущества (увеличение вызвано окончанием отсрочек по выплатам бизнеса, отложенным из-за ковидных

ограничений) в целом бюджетная обеспеченность имела положительную динамику. Однако в регионах, где наблюдалось снижение объемов налоговых поступлений от организаций темпы были недостаточны для покрытия инфляции (11,9% по РФ и 10,8%÷13,0% по рассматриваемым регионам).

Исключением являются Республика Татарстан и Нижегородская область, в которых рост налогов от организаций составил 29% и 22% соответственно. В Республике Татарстан основной вклад внесли предприятия добывающего сектора и торговли (в меньшей степени нефтеперерабатывающие производства, строительство, профессиональная, научная и техническая деятельность). Рост налоговых поступлений от организаций в Нижегородской области в 2022 г. был обусловлен активизацией хозяйственной деятельности предприятий обрабатывающих производств (химическая и металлургическая промышленность, производство летательных аппаратов), профессиональная, научная и техническая деятельность, оптовая и розничная торговля.

Наибольший объем налоговых поступлений предприятий формирует налог на прибыль. За январь-октябрь 2023 г. объем поступлений по налогу на прибыль в региональные бюджеты от промышленных предприятий по сравнению с аналогичным периодом прошлого года вырос почти на 40% или 646,8 млрд руб., что составляет большую часть всех поступлений по данному налогу по экономике в целом (57,5%). Основной вклад внесли обрабатывающие производства (407,4 млрд руб.). Данные по регионам ПФО и Свердловской области представлены в таблице 3.2.

Важное значение для обеспечения технологического суверенитета имеет состояние сектора обрабатывающих производств, который за анализируемый период рос опережающими темпами, чем другие сектора промышленности (51,2% против 26,2% в секторе добычи полезных ископаемых, 42,3% в секторе обеспечения электроэнергией, газом и паром, -1,8% в секторе водоснабжения). Снижение доли поступлений от обрабатывающих предприятий отмечено только в Республике Мордовия (-10,1%) и Пензенской (-6,7%), Кировской (-1,0%) и Самарской (-0,4%) областях.

Таблица 3.2

Налоговые поступления по налогу на прибыль организаций в бюджеты субъектов РФ за период 2022–2023 гг. (за январь-октябрь)

Регион	Объем поступлений по налогу на прибыль по экономике в целом, млн руб.		Доля в поступлениях по налогу на прибыль по экономике в целом, %			
	2022 г.	2023 г.	Промышленности, в т.ч.		Обрабатывающих производств	
			2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
Республика Башкортостан	57 636,3	66 513,4	42,8	68,6	18,9	29,6
Республика Марий Эл	4 951,4	6 076,4	48,0	53,2	42,7	46,2
Республика Мордовия	6 593,0	6 608,0	61,4	52,4	58,8	48,7
Республика Татарстан	143 571,4	156 392,3	64,0	61,7	22,8	27,6
Удмуртская Республика	15 995,6	21 860,5	52,8	57,0	27,3	39,5
Чувашская Республика	9 456,9	15 612,0	49,7	59,0	44,0	56,0
Кировская область	9 599,3	12 705,8	54,8	54,9	49,2	48,2
Нижегородская область	65 915,1	114 289,9	42,4	42,3	37,6	38,9
Оренбургская область	34 445,1	35 524,5	45,6	70,6	17,3	40,1
Пензенская область	10 593,7	12 011,8	50,1	45,5	47,3	40,6
Пермский край	55 712,4	79 687,2	57,6	67,0	35,4	49,2
Самарская область	63 208,0	78 287,3	50,8	47,8	37,0	36,6
Саратовская область	27 839,3	33 332,7	35,9	50,3	27,8	36,2
Ульяновская область	11 051,3	16 442,3	36,2	45,2	31,1	39,1
Свердловская область	97 371,1	158 970,5	39,7	52,6	33,8	42,8

Источник: расчеты автора по данным ФНС [101].

Оценка взаимосвязи между уровнем ВРП и налоговой активностью бизнеса в расчете на душу населения свидетельствует об очень высокой силе связи между данными индикаторами. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена по рассматриваемым регионам за 2021 г. составил 0,957.

Другим немаловажным аспектом устойчивого развития промышленности является достаточное обеспечение кредитными ресурсами (таблица 3.3).

Несмотря на рост практически во всех рассматриваемых регионах за 9 месяцев 2023 г. объема кредитной задолженности в абсолютном выражении (кроме Республики Башкортостан и Саратовской области) доля кредитов, выданных промышленным предприятиям по сравнению с аналогичным периодом прошлого года снизилась с 53,6% до 52,9% (в секторе обрабатывающих производств с 46,0% до 44,2%).

Таблица 3.3

Задолженность по кредитам, предоставленным юридическим лицам (ЮЛ) в регионах ПФО и Свердловской области за период 2022–2023 гг. (январь-сентябрь)

Регион	Объем кредитной задолженности ЮЛ по экономике в целом, млн руб.		Доля в кредитной задолженности ЮЛ по экономике в целом, %			
	2022 г.	2023 г.	Промышленности, в т.ч.		Обрабатывающих производств	
			2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
Республика Башкортостан	410 873	408 952	49,3	41,2	43,4	36,0
Республика Марий Эл	82 655	83 549	20,6	22,3	20,5	22,0
Республика Мордовия	65 509	68 214	35,0	39,0	34,0	37,9
Республика Татарстан	701 472	879 575	40,5	33,5	36,1	31,2
Удмуртская Республика	368 883	592 629	77,5	78,8	15,3	15,6
Чувашская Республика	73 568	84 232	33,6	34,6	32,4	33,6
Кировская область	67 073	70 970	32,3	32,7	31,5	31,9
Нижегородская область	554 860	698 627	52,2	44,6	48,4	39,9
Оренбургская область	260 549	370 573	66,7	75,0	47,1	56,2
Пензенская область	186 809	190 637	17,5	15,5	17,0	14,9
Пермский край	597 674	841 564	41,0	53,3	40,2	52,1
Самарская область	454 783	505 879	57,9	55,4	56,8	50,3
Саратовская область	230 959	226 175	62,7	54,0	53,9	45,7
Ульяновская область	70 430	74 712	34,6	40,6	33,7	39,7
Свердловская область	1 328 296	1 840 864	67,1	62,0	65,2	60,7

Источник: расчеты автора по данным ЦБ РФ [63].

При этом основной спад кредитной активности наблюдается в крупных промышленно развитых регионах (кроме Пермского края, где выросли кредитные вложения в химическое производство и Оренбургской области – в производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов). Тенденция снижения доли промышленных кредитов (с 35,2% до 33,2%), в т.ч. для обрабатывающих производств (с 24,4% до 24,1%), характерна для РФ в целом, что свидетельствует о необходимости донастройки инструментов денежно-кредитной политики в целях повышения доступности кредитных ресурсов для промышленных предприятий.

Тем более, что при общем достаточно низком уровне просроченной задолженности по экономике РФ (4,5% на 01.10.2023 г.) в промышленности она находится на еще более низком уровне (2,6%). Кроме того, около 80% инвестиций в обрабатывающей промышленности осуществляется за счет собственных средств предприятий, а на долю кредитов банков приходится только 12%

(в странах-лидерах 50-70% [49]). Все это говорит как о высокой финансовой дисциплине предприятий, так и о наличии резервов по увеличению кредитования промышленного сектора с учетом поставленных задач по укреплению технологического суверенитета страны.

Таким образом, бюджетно-финансовые аспекты развития промышленности в значительной мере оказывают влияние на формирование инвестиционных возможностей регионов в данной сфере. В свою очередь, более высокий уровень инвестиционной активности, как правило, способствует достижению более высоких конечных результатов развития (коэффициент корреляции с ВРП 0,67), что оказывает влияние на оценку результативности участвующих в обеспечении их достижения общественных финансов регионов. Рассмотрим данное положение более подробно на примере результатов исследований состояния инвестиционной инфраструктуры крупнейших промышленно развитых регионов ПФО, а также Свердловской области.

Первый результат. Проведен анализ динамики и структуры инвестиций и добавленной стоимости промышленных предприятий исследуемых регионов в целях оценки инвестиционного обеспечения в них промышленных видов экономической деятельности (таблица 3.4).

Таблица 3.4

Доля промышленного сектора экономики в инвестициях в основной капитал (Инв) и валовом региональном продукте (ВРП) регионов России, %

Регион	2010 г.		2015г.		2020 г.		2021 г.	
	Инв	ВРП	Инв	ВРП	Инв	ВРП	Инв	ВРП
Российская Федерация, в т.ч.	39,2	32,7	41,0	31,9	44,6	30,9	42,3	34,7
Пермский край	63,1	47,1	73,8	49,1	68,8	50,8	70,8	56,1
Республика Татарстан	50,0	41,7	64,3	43,2	56,3	40,4	52,9	50,7
Нижегородская область	48,2	35,5	40,5	34,7	59,1	31,8	51,3	30,2
Самарская область	57,9	42,0	65,4	44,0	51,5	38,2	50,9	45,5
Республика Башкортостан	41,8	40,4	58,0	35,8	48,6	32,2	49,1	37,8
Свердловская область	51,7	38,2	53,3	36,0	35,8	38,7	36,7	38,9

Источник: расчеты авторов по данным Росстата [161].

За период 2010–2021 гг. в России в целом доля инвестиций, направляемых в промышленное производство увеличилась на 3,1 п.п.

Это положительно сказалось на динамике доли отраслей промышленности в ВРП, которая выросла на 2,0 п.п. до 34,7% в конце периода. В то же время внутри промышленности изменение структуры инвестиционных вложений и валовой добавленной стоимости складывается в пользу добывающего сектора (Инв 15,1%÷19,3%, ВРП 10,4%÷14,4%), а не сектора обрабатывающих производств (Инв 14,2%÷17,2%, ВРП 17,1%÷17,7%), имеющего более высокую добавленную стоимость. В региональном разрезе наблюдается довольно значительная дифференциация: в 2 раза по доле в инвестициях и в 1,5 раза по доле в ВРП. В результате, объем инвестиций в расчете на 1 занятого в промышленности (без учета субъектов малого предпринимательства) в 2021 г. колебался от 224 тыс. руб. в Свердловской области до 605 тыс. руб. в Пермском крае, что соотносится с данными по показателю инвестиций (Инв), представленными в таблице 3.4.

В современных условиях главным двигателем инвестиций в российскую экономику является крупный бизнес [10]. Инвестиционная активность малого и среднего предпринимательства (МСП) в промышленности более низка как в силу пока еще недостаточной развитости самого сектора МСП в целом в России (доля МСП в ВВП страны в 2021 г. составляла 20,3% при 50-70% в развитых странах), так и доминирования в нем видов деятельности с высокой скоростью оборачиваемости активов (в 2020 г. доля малых предприятий оптовой и розничной торговли в общей выручке малых предприятий составила 47,6%) и более стабильным спросом (например, инвестиции в строительство и операции с недвижимостью составляют более 1/3 всех инвестиций малых предприятий). Кроме того, инвестиции МСП ограничиваются в силу его недостаточной вовлеченности в цепь поставок крупных холдинговых структур. По сравнению с крупными и средними предприятиями субъекты МСП в среднем по России вкладывают в развитие промышленности инвестиций в расчете на 1 занятого (604 тыс. руб. против 188 тыс. руб.) в 3 раза меньше (таблица 3.5).

Если в структуре инвестиций в основной капитал у крупных и средних предприятий промышленный сектор занимает 44,6%, то у малых предприятий – 15,8%. По регионам разброс этой доли составляет от 9,2% в Республике Башкортостан до 20,1% – в Нижегородской области.

Таблица 3.5

Инвестиции крупных, средних и малых предприятий в промышленность в расчете на 1 занятого в 2020 г., тыс. руб.

Регион	Крупные и средние предприятия	Малые предприятия
Республика Башкортостан	372	169
Республика Татарстан	585	206
Пермский край	616	106
Нижегородская область	517	132
Самарская область	317	199
Свердловская область	258	93

Источник: расчеты авторов по данным Росстата [161].

Это свидетельствует о недоинвестированности промышленных субъектов МСП (прежде всего в виде быстрорастущих инновационных компаний и малых технологических компаний) как перспективного направления реализации открывающихся «окон возможностей» в условиях санкционного давления. Согласно опросу аналитического центра НАФИ (NAFI Research Center), проведенном в июне 2022 г., 62% российских предпринимателей рассматривают санкции как «хорошие возможности» [183, С. 20].

Второй результат. Определены регионы лучшей практики (из числа исследуемых) в области отдачи от инвестиций в промышленность методом DEA. Для оценки эффективности инвестиций в промышленность регионов использовалась ориентированная на выход (output-oriented) модель DEA (Data Envelopment Analysis) [292, С. 21], позволяющая оценить наличие потенциала роста результата при текущем уровне использования ресурсов (формула 3.1):

$$z_0 = \max z + \varepsilon \left(\sum_{i=1}^m s_i^- + \sum_{r=1}^s s_r^+ \right), \quad (3.1)$$

при следующих ограничениях:

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^n \lambda_j x_{ij} + s_i^- &= x_{io}, \\ \sum_{j=1}^n \lambda_j y_{rj} - s_r^+ &= z y_{ro}, \\ \lambda_j &\geq 0; \quad j = 1..n; \quad r = 1..s; \quad i = 1..m. \end{aligned}$$

где y_{rj} – r -й выход у j -го объекта; x_{ij} – i -й вход у j -го объекта; s – количество выходов; m – количество входов; s_i^-, s_r^+ – слэки (остатки); z_0, λ_j – искомые параметры.

При значении $z_0^* = 1$ и нулевых остатках (слеках) объект считается эффективным. В случае $z_0^* > 1$ объект не эффективен, т.е. есть решение, когда при том же уровне потребления ресурсов можно достичь более высокий результат. Модель DEA позволяет сформировать «эталонный» регион для конкретного региона, посредством расчета взвешенной суммы положительных λ_j^* . В качестве входных показателей были предложены степень износа основных фондов в промышленности, в % (X_1) и объем инвестиций в основной капитал в расчете на 1 занятого, млн руб. (X_2). Результирующим показателем выступил оборот промышленных предприятий в расчете на 1 занятого, млн руб. (Y). В предположении временного лага в один год при получении эффекта от капвложений объемы инвестиций по регионам взяты за 2020 г. (остальные показатели за 2021 г.). Показатели учитывают данные по крупным, средним и малым предприятиям (таблица 3.6).

Таблица 3.6

Исходные и расчетные данные для метода DEA

Регион	X_1	X_2	Y	Коэффициент результативности DMU	Целевое значение Y
Республика Башкортостан	53,2	0,35	6,7	1,265	8,5
Республика Татарстан	52,4	0,54	9,9	1,000	9,9
Пермский край	55,2	0,56	5,9	1,765	10,4
Нижегородская область	54,8	0,46	5,2	1,839	9,5
Самарская область	60,3	0,30	5,9	1,495	8,8
Свердловская область	47,8	0,24	7,0	1,000	7,0

Источник: расчеты авторов по данным Росстата [161].

Согласно результатам расчетов по модели DEA при принятых для расчета исходных данных из исследуемых регионов эффективными субъектами РФ можно признать только Республику Татарстан и Свердловскую область (эффективность равна 1). Значения DMU (Decision Making Units – единиц, принимающих решения) по остальным регионам более 1, что при ориентированном на выход методе DEA, означает их неэффективность. При этом все регионы имеют нулевые значения слэков (zero slack values), что говорит об

отсутствии остатков и полном распределении ресурсов для получения целевых значений смоделированного результата. Эталонным регионом для Республики Башкортостан выступает гипотетический регион, полученный на основе взвешенной суммы из Республики Татарстан (с весом 0,31) и Свердловской области (с весом 0,77). Реализация лучшей практики данных регионов в Республике Башкортостан позволила бы при текущем уровне изношенности основных фондов и объема инвестиционных вложений обеспечить рост оборота промышленных предприятий на 1 занятого на 27% (до 8,5 млн руб.).

С одной стороны, данные значения скорее можно рассматривать как ориентир, потенциальные возможности («окна возможностей»), чем прямое руководство к действию, поскольку результат модели складывается из наилучшего сочетания взвешенных сумм значений по различным регионам. С другой стороны, полученные результаты позволяют обратить более пристальное внимание на опыт регионов, продемонстрировавших более эффективное использование инвестиционных ресурсов как перспективных направлений для реализации «окон возможностей».

Третий результат. Исследованы программы развития, реализуемые ключевыми федеральными институтами в области государственной поддержки промышленных предприятий. В их числе:

– Фонд развития промышленности – является ключевым институтом развития промышленности в Российской Федерации, поддержка которого включает в себя 9 основных программ (проекты развития, комплектующие изделия, производительность труда, автокомпоненты, лизинг, маркировка товаров, формирование компонентной и ресурсной базы, приоритетные проекты в обрабатывающих производствах и экологические проекты) и 4 совместные программы, реализуемые с региональными фондами развития промышленности (проекты развития, комплектующие изделия, производительность труда, проекты в области развития лесной промышленности). Объемы поддержки составляют по основным программам от 5 млн руб. до 5 млрд руб. под ставку в 1-5% на срок 2-10 лет, по совместным программам – от 20 до 200 млн руб. под 1-3% на срок 3-5 лет.

– Государственная корпорация «ВЭБ.РФ» в рамках проекта «Фабрика проектного финансирования» осуществляет поддержку отраслей высоких переделов посредством выдачи кредитов, гарантий

и поручительств, участия в уставных капиталах, финансовой и гарантийной поддержки экспорта.

– Министерство промышленности и торговли РФ с 2022 г. осуществляет программу промышленной ипотеки для МСП (выдача займов на приобретение или модернизацию производственных площадей под залог недвижимости). О ее востребованности говорят такие цифры: при начале реализации программы Правительство РФ выделило 300 млн руб., но уже через полгода объем заявок на участие от бизнеса составил 17 млрд руб. В силу ограниченности бюджетных средств Правительство РФ направило дополнительное финансирование в размере только 1 млрд руб. Еще один инструмент – специальная программа льготного кредитования для производителей приоритетной промышленной продукции – реализуется с февраля 2023 г., но тоже в ограниченных масштабах (1 млрд руб. на субсидирование процентных ставок по кредитам). Кроме данных инструментов поддержка промышленности осуществляется через различные бюджетные субсидии, особые экономические зоны и территории опережающего социально-экономического развития (в них применяются налоговые и таможенные льготы, предоставление земельных участков в аренду без торгов, пониженные ставки социальных отчислений и др.), индустриальные парки, специальные инвестиционные контракты (возможность получения для предприятий статуса единственного поставщика в рамках государственных закупок), государственно-частное партнерство (концессии) и т.д. Для удобства выбора наиболее подходящих для конкретного предприятия мер поддержки министерством сформирован специальный навигатор, в котором систематизировано более 2000 мер поддержки [92].

– Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства (Корпорация МСП) оказывает поддержку инновационным субъектам МСП, быстрорастущим высокотехнологичным компаниям («газелям»). С 2019 г. Корпорация МСП совместно с Министерством экономического развития РФ и Банком России реализует льготную программу инвестиционного кредитования (Программа «1764», в 2022 г. выдано 633,2 млрд руб.). Банк России также проводит программу стимулирования кредитования (сокращенно ПСК, в 2022 г. выдано 232,2 млрд руб.). Участвовать в данных программах могут в том числе субъекты МСП, занятые в

обрабатывающих производствах (в рамках программы ПСК в 2022 г. по данному направлению выдан каждый четвертый кредит). В связи с санкциями большая часть кредитов в 2022 г. выдавалась как оборотные (срок до 3 лет). Однако в 2023 г. основной акцент будет сделан на кредитовании (на срок до 10 лет) инвестиционных проектов для реализации «окон возможностей» по импортозамещению.

Для этого поддержка будет осуществляться в формате «1764» + ПСК. Кроме того, Корпорация МСП оказывает гарантийную поддержку субъектам МСП и выдает зонтичные поручительства (215 млрд руб. в 2022 г.). На платформе МСП.РФ создан «Центр поддержки инвестиционного кредитования» в целях упрощенного получения кредитов субъектами МСП [171].

– Фонд содействия инновациям – в рамках программы «Развитие» оказывает грантовую поддержку (15-30 млн руб. на 1-2 года, необходимо софинансирование за счет собственных средств в размере не менее 15% от суммы гранта) малым технологическим компаниям на проведение НИОКР по производству инновационной продукции. Также выделяются гранты (до 50 млн руб.) на решение задач в области искусственного интеллекта. Фонд является участником механизма бесшовной интеграции мер поддержки, обеспечивающий обмен информацией между институтами развития для снижения временных затрат по сбору сведений для принятия решений о финансировании.

Помимо федеральной поддержки в различных субъектах РФ действуют региональные институты развития: региональные фонды развития промышленности, корпорации развития, инновационные фонды, агентства по развитию малого и среднего предпринимательства и др.

Четвертый результат. Выявлены факторы, обеспечившие лидерство Республики Татарстан и Свердловской в части инвестиционной активности в промышленности. Лидирующие позиции Республики Татарстан и Свердловской области как эффективных регионов в области привлечения инвестиций в промышленность в определенной мере связаны со сложившимися фундаментальными экономическими условиями, формирующими возможности для поддержки промышленности (таблица 3.7).

Таблица 3.7

Финансово-бюджетные факторы поддержки промышленного сектора регионов в 2021 г., тыс. руб.

Регион	Бюджетная обеспеченность на душу населения	Объем кредитов, выданных предприятиям промышленности на 1 занятого	ВРП на душу населения
Республика Башкортостан	50,5	589,9	499,0
Республика Татарстан	86,4	796,8	888,0
Пермский край	77,4	592,4	677,8
Нижегородская область	70,1	1 043,7	597,4
Самарская область	75,4	312,2	675,3
Свердловская область	84,5	868,3	710,4

Источник: расчеты авторов по данным Росстата [161], Банка России [134].

Сдерживающими факторами роста для большинства регионов является более низкие по сравнению с регионами-лидерами значения бюджетной обеспеченности (объема налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета региона на душу населения) территорий в целом, что снижает потенциальные возможности региональных властей по формированию благоприятных условий для привлечения инвестиций [65], выделению бюджетных средств на субсидирование процентных ставок по приоритетным инвестиционным проектам, сказывающееся на объемах кредитования бизнеса.

Таким образом, по результатам анализа состояния инвестиционной инфраструктуры в промышленности российских регионов можно сделать следующие выводы:

1. Экономические санкции против России, переход мировой экономики к Индустрии 5.0 открыли «окна возможностей» для российских промышленных предприятий в области импортозамещения, развития цифровых и инновационных технологий как перспективных направлений повышения конкурентоспособности своего бизнеса. По мнению авторов, для Республики Башкортостан наиболее перспективными направлениями реализации «окон возможностей» являются инвестирование в: для крупных и средних предприятий – беспилотную авиацию, химическую промышленность, производство сжиженного природного газа и др., для малых компаний (в кооперации с крупным бизнесом) – производство электронной и радиоэлектронной продукции, фармацевтическое производство,

разработка цифровых решений на базе искусственного интеллекта (в частности, в области компьютерного зрения).

2. Стоп-факторами инвестирования в перспективные направления промышленного развития являются общая экономическая неопределенность, относительно высокие ставки кредитования (ограниченность бюджетных средств на субсидирование процентных ставок), дефицит производственных кадров, недостаточный объем государственной поддержки, в особенности для малых промышленных предприятий, слабые кооперационные связи между крупными корпорациями и малыми и средними предприятиями.

3. В качестве перспективных инструментов привлечения инвестиций, которые еще не нашли своего широкого применения, необходимо отметить:

- офсетные контракты (государственный заказ), которые позволяют промышленным предприятиям получить гарантированный спрос под свою будущую продукцию в обмен на инвестиционные обязательства перед государством по производству продукции с заданными свойствами, объемами и сроками поставок, для государства – это привлечение инвестиций в регион, развитие внутреннего производства, создание новых рабочих мест, налоговые отчисления в бюджет;

- соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), обеспечивающие через стабилизационные оговорки неухудшение для инвестора условий по налогообложению на срок реализации проекта;

- специальные инвестиционные контракты позволяют предприятию помимо налоговых льгот получить упрощенный доступ к госзаказу, арендовать земельные участки без проведения торгов, а также проводить ускоренную амортизацию основных средств;

- возврат в Бюджетный кодекс РФ нормы о безотзывности государственных гарантий субъектов РФ поскольку в настоящее время данный вид привлечения капитала не рассматривается кредитными организациями как надежный инструмент для обеспечения кредита.

3.1.2. Развитие АПК и государственное регулирование рынков продукции Республики Башкортостан

Продовольственная защищенность страны представляется одним из важных критериев гарантии государственной безопасности России в перспективе среднесрочного и долгосрочного прогнозирования. Обеспечение продовольственной безопасности входит в перечень

глобальных проблем, приоритетность решения которых фиксируется большинством стран мира. В России данный процесс регулируется Доктриной продовольственной безопасности РФ, где определен ряд важных задач, выполнение которых будет способствовать сохранению продуктовой надежности в условиях внешних и внутренних факторов нестабильности. Госпрограмма АПК предусматривает комплексное формирование всех отраслей и подотраслей, а также сфер деятельности АПК с учетом членства России в ВТО, а также участия в ЕЭС и других региональных объединениях на экономическом пространстве СНГ. В данном разделе приведены результаты исследования по развитию сельского хозяйства и регулированию рынков продукции Республики Башкортостан в условиях мирового финансового кризиса.

Общеизвестно, что стихийное открытие внутреннего продовольственного рынка в начале 1990-х гг. привело к росту импорта во многих отраслях АПК. Место отечественных производителей в структуре товарооборота заняла импортная продукция. Необходимо отметить, что в развитии сельского хозяйства важную роль играет государство, вследствие которого была создана «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» [112, 163].

Наравне с федеральной программой в Республике Башкортостан действует региональная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Башкортостан» [64, 111]. В рамках данной программы в 2022 г. проводилась реализация мероприятий, предусматривающих поддержку инвестиционного кредитования, создания и модернизации объектов АПК. Республикой в этом направлении было привлечено порядка 615 млн руб. федеральной господдержки.

В 2022 г. в субъекты РФ на реализацию Госпрограммы АПК направлены субсидии из федерального бюджета в объеме 113951,5 млн руб., доведены до получателей – 113867,6 млн руб. (99,9% от указанных лимитов), в т.ч. на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства («компенсирующая субсидия») – 32578,7 млн руб., или 99,8% от лимитов 32640,5 млн руб.

Следует констатировать тот факт, что объем финансового обеспечения на 2013–2025 гг. составляет по РФ – 8102,9 млрд руб., в т.ч. из внебюджетных источников – 4365,6 млрд руб. (53,9%), федерального бюджета – 3292,4 млрд руб. (40,6%), бюджета субъектов РФ – 444,9 млрд руб. (5,5%). В Башкирии же, объем финансирования составляет – 462,4 млрд руб., в т.ч. из внебюджетных источников – 367,9 млрд руб. (79,6%), федерального бюджета – 47,8 млрд руб. (10,3%), бюджета республики – 46,7 млрд руб. (10,1%).

Определены следующие основные задачи государственной программы республики в разрезе сельскохозяйственной продукции:

- обеспечить выполнение Доктрины продовольственной безопасности РФ по производству продукции;
- создать благоприятные условия для развития экспорта продукции АПК в республике;
- обеспечить устойчивое развитие скотоводства;
- повысить эффективность АПК за счет внедрения инновационных и наукоемких технологий и др.

В 2022 г. индекс производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) составил 110,2% к уровню 2021 г., к уровню 2020 г. – 109,8% (в 2021 г. – 99,6% к уровню 2020 г.). Полученный урожай позволил обеспечить значительную долю внутренних нужд РФ в продовольствии, повысить экспортный потенциал, а также внести большой вклад в обеспечение продовольственной независимости страны.

Индекс производства продукции растениеводства составил в 2022 г. – 115,9% к уровню 2021 г., к 2020 г. – 115,1% (план на 2022 г. – 98,0% к 2020 г.). Индекс производства продукции животноводства в 2022 г. составил 102,4% к 2021 г., к уровню 2020 г. – 102,4% (план на 2022 г. – 100,4% к 2020 г.).

По результатам деятельности сельскохозяйственных организаций РФ за 2022 г. рентабельность (с учетом субсидий) составила – 20,9%.

На основании проведенных исследований и обработки аналитической информации можно сказать, что ожидаемые результаты реализации Госпрограммы АПК по сельскохозяйственной продукции следующие:

- рост удельного веса продукции РФ в совокупных их ресурсах к 2023–2024 гг.: зерно – 99,7%, мясо скота и птицы – 91,5%, молоко и продукты его переработки – 90,2%, картофель – 98,7% и др.;

- увеличение производства продукции в организациях сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) в 2023–2024 гг. по сравнению с 2012 г. – на 27,8%;

- гарантия инвестиционного прироста за год в основной капитал сельскохозяйственных предприятий в размере – 3,1%;

- увеличение рентабельности по производственной деятельности до 10-15% (с учетом субсидий);

- повышение товарности КРС с 73% до 78,5%, птицы – с 90,2% до 95,2%; молока с 90% до 92,5%;

- повышение количества выполненных проектов по инвестициям до 104 и др.

К окончанию этапа реализации Госпрограммы АПК (2030 г.) Минсельхозом РФ прогнозируется достижение следующих целей:

- достижение значения индекса производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) в 2030 г. в объеме 114,6% по сопоставлению с 2020 г.;

- достижение величины индекса производства пищевых продуктов (в сопоставимых ценах) в 2030 г. в объеме 114,7% по сравнению с 2020 г.;

- достижение среднемесячной начисленной заработной платы работников в сельском хозяйстве в 2030 г. в размере 60857 руб.;

- увеличение экспорта продукции АПК (в сопоставимых ценах) до 47,1 млрд дол. к 2030 г.

Стратегией формирования агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов России до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 2567-р [122], выявлены главные приоритеты государственной политики, которые также являются важными составляющими реализации Госпрограммы АПК. Согласно стратегии, к 2030 г. реализация государственной политики в АПК будет осуществляться на базе единой цифровой платформы учета предоставления данных, услуг и сервисов, что в комплексе позволит прогнозировать развитие и риски в сельском хозяйстве, в т.ч. климатического, социального и экономического характера.

Сельскохозяйственное производство в Башкирии в период 2007–2022 гг. осуществлялось в неблагоприятных климатических условиях, поскольку в регионе четырежды (2009, 2010, 2012 и 2021 гг.) была отмечена засуха.

Анализ привлечения кредитных ресурсов за 11 лет показывает, что принятие решений по реализации инвестиционных проектов напрямую зависит от макроэкономической ситуации. Учитывая положение дел в сельхозпроизводстве из-за засухи, которая негативно отразилась на финансово-экономическом состоянии сельхозтоваропроизводителей республики, а также общеэкономического кризиса 2009, 2010, 2014, 2021–2023 гг., показатели инвестиционного кредитования по отношению к 2007 г. имели резко отрицательную динамику.

Анализ ситуации выявил жесткую необходимость повышения уровня технической оснащенности сельхозтоваропроизводителей республики, в связи с чем было продолжено субсидирование приобретаемой техники в рамках государственной программы. При этом объем финансирования из бюджета Республики Башкортостан был увеличен.

В целом агропромышленный комплекс Республики Башкортостан, на наш взгляд, является инвестиционно-привлекательным, о чем свидетельствует появление новых крупных инвесторов, в том числе иностранных, заинтересованных осуществлять крупные финансовые вложения. В 2022 г. был достигнут максимальный объем инвестиций в АПК республики – 17,2 млрд руб. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал отрасли составил 121,3%. В 2022 г. в АПК республики активно реализовывалось 64 приоритетных инвестиционных проекта на общую сумму 111,3 млрд руб.

В отрасли животноводства решение проблемы оперативного увеличения производства мяса и молока будет способствовать повышению степени потребления народонаселением этих продуктов. Более оптимистические прогнозы связаны с развитием свиноводства и птицеводства.

Растениеводство является основной отраслью агропромышленного комплекса, от состояния которой зависят перспективы развития всех других подотраслей сельского хозяйства и переработки. Следовательно, одним из приоритетов развития АПК является дальнейшее повышение эффективности растениеводства. При этом отрасль не может развиваться без должного уровня инфраструктурного обеспечения соответствующих видов переработки, регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, механизма кредитования и страхования.

В настоящее время низкий уровень селекции и семеноводства используемых методик и технических фондов, неполная обеспеченность удобрениями и средствами защиты растений, ослабленность материально-технической базы производства и переработки не дают возможность организациям приобретать, а переработчикам производить конкурентоспособную продукцию. Мероприятия подпрограммы должны улучшить ситуацию в данной сфере и способствовать решению этой задачи в рамках государственной программы в целом.

Технологическое обновление отрасли молочного скотоводства стало возможным благодаря привлечению крупных капиталовложений, направленных на внедрение и восстановление 25 молочных комплексов и ферм, которые были переоснащены согласно установленным параметрам технологической реконструкции.

Внедрение инновационных технических достижений вкупе с применением животных с большими генетическими возможностями стало частью комплексного подхода по решению поставленных перед отраслью задач. Результатом проведения модернизации послужило увеличение производства молока и молочной продукции. Важным фактором обеспечения рынка молочной продукцией является его товарность. Ежегодно, в целом по Башкирии, перерабатывается более 750 тыс. тонн молока.

Развитие мясного скотоводства республики основано на обеспечении населения республики высококачественной говядиной. Необходимо создание условий для обеспечения положительной динамики устойчивого развития производства крупного рогатого скота специализированных мясных пород. Без развития специализированного мясного скотоводства республика будет оставаться регионом, импортирующим говядину.

Подпрограммой «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие сельскохозяйственного производства» (далее – подпрограмма) охватывается широкий круг вопросов: обновление научно-информационной, технической и технологической базы АПК, внедрение биотехнологий и биотехнологических продуктов, обеспечение сельского хозяйства высококвалифицированными кадрами и государственными услугами. Все это будет способствовать развитию в республике институциональной среды инновационного развития АПК.

Научно-технический прогресс (НТП) выражается не только лишь в совершенствовании производства, но и в новейших организационно-финансовых приемах управления, современных методах ведения предпринимательства, разнообразных направлениях бизнеса, в различных механизмах государственного регулирования, необходимых даже в условиях рынка. В основе ускорения НТП лежат инновации, которые обеспечивают доведение научных разработок до конкретного вида экономической деятельности, производства продукции, пользующейся спросом на рынке [123, 124].

В этой связи, в числе основных сдерживающих факторов развития АПК в республике необходимо отметить следующие: низкие объемы финансирования научно-технических разработок (за девятилетний период 2013–2021 гг. региональные субсидии составили 31,6 млрд руб. или 0,8% от всех источников финансирования) и низкая производительность труда, что в совокупности приводит к сокращению объемов выпуска инновационной сельскохозяйственной продукции [67]. На наш взгляд, при разработке и реализации документов стратегического планирования АПК необходимо более пристальное внимание уделять учету роли институциональных изменений в модернизации региональной экономики [37, 124].

Важными формами финансовой помощи от государства являются безвозмездные субсидии сельскохозяйственным предприятиям на проведение научно-исследовательских работ и другие задачи, связанные с инновационной деятельностью. С нашей точки зрения, к перспективным направлениям повышения результативности в сфере АПК можно отнести формирование и развитие кооперации и специализации в сельскохозяйственных организациях.

В системе государственного регулирования и поддержки сельского хозяйства еще одной из нерешенных научных проблем является обеспечение результативности использования бюджетных средств с учетом их влияния на социально-экономическое развитие территорий, в т.ч. АПК. Разнообразие форм помощи сельскому хозяйству и не совсем прозрачные приемы и расчеты государственной поддержки образуют ситуации для коррупции и неэффективного применения выделяемых финансовых ресурсов.

Контроль эффективности бюджетных финансовых средств, выделенных на агропромышленный комплекс республики в 2007–2013 гг. показал низкую бюджетную экономическую

эффективность поддержки животноводческой отрасли несмотря на увеличение объёма финансовой помощи на развитие АПК в целом за 5 лет из федерального бюджета в 2,2 раза, из бюджета Республики Башкортостан – в 4,5 раза [125].

Подводя итог проведенного анализа, необходимо определить следующие ключевые положения. Устранение или уменьшение воздействия негативных сценариев развития различных отраслей сельскохозяйственного производства, возникающих по причине вступления страны в ВТО и в качестве последствий от наложенных экономических санкций, требует выполнения ряда указанных ниже задач, способствующих достижению положительных результатов для АПК Российской Федерации и Республики Башкортостан:

1. Выпускать на базе аграрных университетов квалифицированных специалистов в сфере АПК с учетом прогрессивного мирового опыта и интегрированного развития в сельском хозяйстве.

2. Создавать финансово привлекательные инвестиционные условия по увеличению заинтересованности бизнеса к производству в сельском хозяйстве, улучшать и изучать новые виды хозяйственных отношений в обусловленности от местности (с участием банковских кредитов организовывать кооперирование предприятий: небольшие хозяйства на ограниченных производственных участках, агрохолдинги на значительных территориях).

3. Организовать равнозначные условия производственной деятельности в сельском хозяйстве на всей территории республики, совершенствовать механизм ценообразования на рынке продаж с позиции минимизации торговых посреднических услуг по сбыту продукции сельхозтоваропроизводителей.

4. Расширить доступ хозяйств к различным видам поддержки, в первую очередь, направленные на снижение затрат на: минеральные удобрения, транспортировку сельхозпродукции для участия в мировых, общероссийских, республиканских ярмарках и других мероприятиях.

5. Содействовать нацеленности производственной деятельности сельскохозяйственной отрасли на удовлетворение товарных нужд регионального рынка и на обеспечение населения республики экологически чистой продовольственной продукцией.

Подводя итоги, необходимо отметить, что одним из важнейших условий повышения результативности общественных финансов в целом как инструмента финансового обеспечения устойчивого социально-экономического развития является стимулирование производственной и предпринимательской деятельности, которое позволит укрепить бюджетную обеспеченность региона и сформировать прочную внутреннюю финансовую основу для достижения его стратегических приоритетов. Помимо промышленности и АПК значимую роль в решении данных задач играет сектор малого и среднего предпринимательства.

3.2. Исследование результативности государственной поддержки субъектов МСП в республике в условиях неопределенности

Перед оценкой реакции малого и среднего предпринимательства (МСП) на шоковые воздействия нужно отметить, что отношение к малому и среднему предпринимательству среди исследователей всего мира, в отличие от других хозяйствующих субъектов, менялось в соответствии с его практическими достижениями. До начала 70-х годов XX века малому и среднему предпринимательству ни в развитых странах, ни в нашей стране не придавалось серьезного значения. Малые предприятия повсеместно считались рудиментами предыдущих этапов социально-экономического развития, которые следует либо ликвидировать, либо как можно быстрее укрупнять [85, С. 377; 234]. Однако возникший в 1970–1980 гг. предпринимательский бум диаметрально изменил такую позицию: за МСП была признана важная, а в высокотехнологичных отраслях, таких как электроника, информационные технологии, инновации – даже лидирующая роль в экономическом развитии. Хотя справедливости ради нужно отметить, что и в настоящее время отдельные исследователи считают, что для увеличения вклада МСП в экономику РФ, особенно в кризисных условиях, необходимо стимулировать акселерацию микро- и малых предприятий до уровня средних [182, С. 135].

Понятие «резилиентность» или «упругость» (resilience) появилось в экономической литературе в начале 1970-х гг. [194] и рассматривается как способность экономической системы или отдельных ее составляющих отвечать на внезапные шоковые воздействия и с той или иной степенью быстроты возвращаться в

исходное состояние. Анализ состояния МСП регионов ПФО в условиях шоковых условий позволил получить следующие результаты.

1. *Объективность влияния сектора МСП на уровень социально-экономического развития субъектов РФ*, проявляющаяся в виде:

а) масштаба влияния МСП на экономику, составляющим в развитых странах 50-60% объема валового внутреннего продукта и 50-70% занятого населения [114], а в РФ – чуть более 20% производимого в стране ВВП и около 40 % численности занятого населения (таблица 3.8).

Таблица 3.8

**Показатели состояния сектора МСП (по итогам 2022 г.)
в регионах ПФО**

Регион	Оборот СМСП в расчете на 1 занятого, млн руб.	Количество СМСП на 1000 жителей, ед.	Доля МСП в ВРП, % (2021 г.)	Доля занятых в МСП, %
РФ	2,53	40,8	21,6	39,1
ПФО	2,34	36,3	24,4	35,7
Нижегородская область	2,94	39,9	27,6	37,3
Республика Татарстан	2,79	41,4	21,8	41,8
Самарская область	2,66	40,7	24,0	39,8
Пермский край	2,24	38,2	19,1	40,4
Республика Башкортостан	2,09	31,3	26,6	30,4
Республика Марий Эл	2,08	29,3	26,9	31,6
Удмуртская Республика	2,04	39,8	24,7	40,0
Пензенская область	2,03	34,9	34,0	34,1
Оренбургская область	2,00	30,7	16,0	28,8
Саратовская область	2,00	30,1	30,7	31,1
Республика Мордовия	1,94	26,6	23,8	23,8
Ульяновская область	1,92	35,8	28,8	34,1
Кировская область	1,85	39,3	28,7	36,1
Чувашская Республика	1,64	37,0	32,8	33,6

Источник: составлено по материалам [160, 161].

Относительно субъектов РФ с развитым сектором МСП (г. Москва и г. Санкт-Петербург, где количество СМСП на 1000 жителей в 2022 г. достигло равной величины и составило 63,8 ед., а удельный оборот – 3,28 и 3,26 млн руб. соответственно) среди регионов ПФО можно выделить Республику Татарстан, Нижегородскую и Самарскую области как регионы с приближающимися к их уровню параметрами развития МСП;

б) возможности данного сектора способствовать социально-экономической стабилизации ситуации в регионе путем сохранения и создания новых рабочих мест, формирования конкурентной среды, удовлетворения узко дифференцированного и кастомизированного спроса на локальных рынках и т.д. Это подтверждается исследованиями взаимосвязи между состоянием сектора МСП и уровнем социально-экономического развития территорий (табл. 3.9).

Таблица 3.9

Классификация регионов ПФО по уровню развития экономики в целом и сектора МСП в 2021 г.

Наименование субъектов	ВРП на душу населения, тыс. руб./чел.	СМСП на 1000 чел., ед./чел.
Республика Татарстан	888,0	41
Оренбургская область	721,0	29
Пермский край	677,7	37
Самарская область	675,3	41
Нижегородская область	597,4	39
Удмуртская Республика	565,5	38
Республика Башкортостан	499,1	31
Саратовская область	423,0	31
Пензенская область	418,9	34
Ульяновская область	411,9	34
Кировская область	387,5	36
Республика Мордовия	384,7	26
Республика Марий Эл	329,7	29
Чувашская Республика	326,6	36

Источник: рассчитано авторами по данным [60, 126].

Для подтверждения этой тенденции были проведены расчеты коэффициента эластичности ВРП на душу населения по плотности распространения МСП в регионе по формуле 3.2:

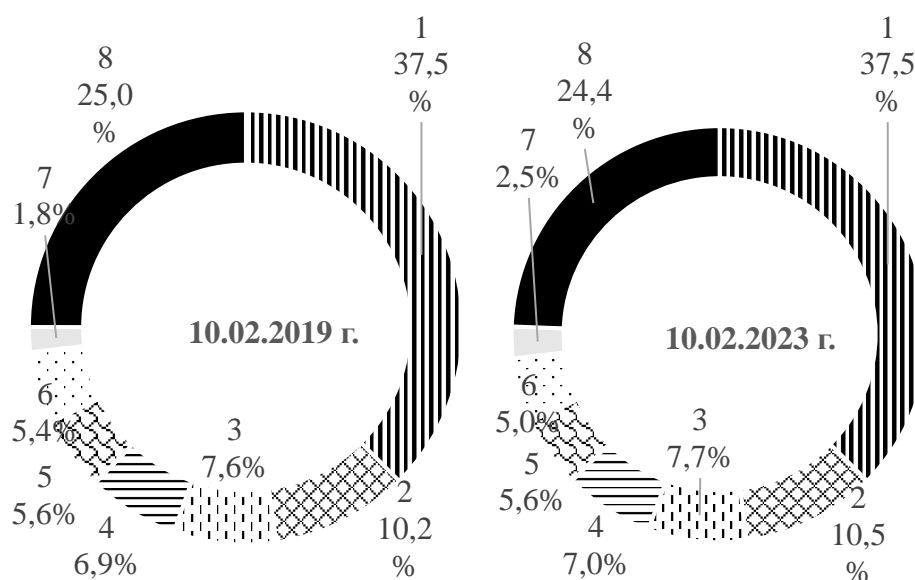
$$K_э = \frac{\Delta Q}{\Delta P}, \quad (3.2)$$

где ΔQ – изменение ВРП на душу населения в регионе; ΔP – изменение плотности распространения МСП в регионе.

Так, в результате было установлено, что увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства на 1000 жителей в

Республике Башкортостан на 1% обуславливает рост ВРП на душу населения на 0,8-1,2%.

2. Структурная трансформация сектора МСП РБ за 2019–2022 гг. как реакция на шоковые воздействия. Нужно отметить, что в отличие от восточноевропейской модели развития сектора МСП (Польша, Чехия, Словакия), отличающейся значительной долей производственных предприятий в структуре малых и средних, в регионах ПФО, и в частности, в Республике Башкортостан такая тенденция не наблюдается [100].

Виды экономической деятельности в порядке убывания доли в общем количестве субъектов МСП (с кодами по ОКВЭД):

1 – торговля оптовая и розничная (45, 46, 47); 2 – строительство (41, 42, 43); 3 – обрабатывающие производства (10-33); 4 – деятельность профессиональная, научная и техническая (69-75); 5 – транспортировка и хранение (49); 6 – сельское хозяйство, лесоводство и рыбоводство (01-03); 7 – разработка компьютерного программного обеспечения, деятельность в области информационных технологий; 8 – прочие виды деятельности

Рисунок 3.1. Динамика количественной структуры МСП в РБ по видам экономической деятельности с 2019 г. по 2023 г., %

Источник: построено авторами по данным [5].

Например, в Республике Башкортостан за период с 10.02.2019 г. по 10.02.2023 г. доля малых и средних обрабатывающих промышленных предприятий выросла всего на 0,1 п.п.; субъектов, занятых разработкой

компьютерного программного обеспечения и IT-технологий – на 0,7 п.п. (рисунок 3.1).

По наблюдениям авторов, в рассматриваемый период более высокая концентрация промышленных предприятий фиксируется в секторе средних предприятий Республики Башкортостан. Так, на 10.02.2023 г. в республике функционировало 110 субъектов среднего предпринимательства, в числе которых 108 юридических лиц и 2 индивидуальных предпринимателя.

Из них в обрабатывающих производствах функционировало 82 средних предприятия (75%) и все индивидуальные предприниматели (рисунок 3.2).

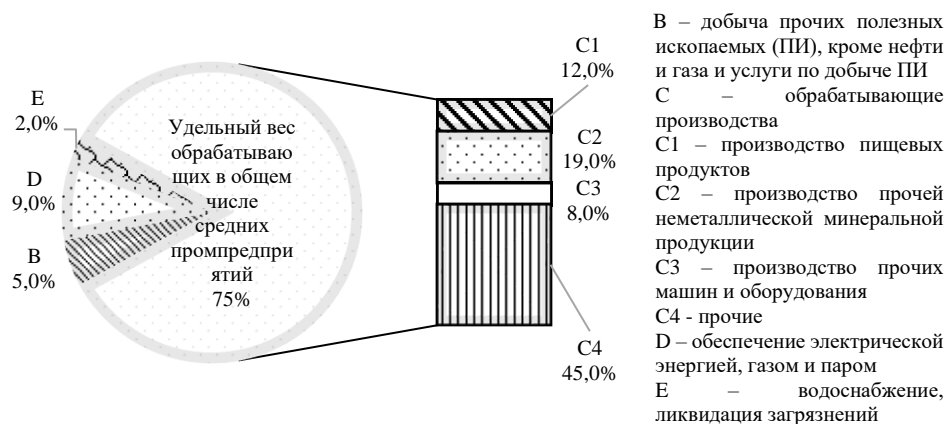

Рисунок 3.2. Количественная структура средних промышленных предприятий РБ в 2022 г.

Источник: построено авторами по данным [60].

При этом в период с 2018 г. по 2022 г. доля средних обрабатывающих предприятий в показателях отгруженной продукции промышленности РБ оставалась сравнительно низкой и составляла около 2% вследствие существования в республике крупных промышленных бизнес-структур.

3. Оценка резилентности сектора МСП, ключевые проблемы развития в субъектах РФ в условиях шоковых воздействий и направления их решения. Анализ авторами структурной трансформации МСП в субъектах РФ и результатов социологических опросов общественных организаций предпринимательства позволил

сделать вывод о достаточно высокой степени резилиентности российского МСП в условиях шоковых воздействий последних лет.

По результатам совместного исследования, проведенного в I и II кварталах 2023 г. Фондом «Общественное мнение», СберБанком и Министерством экономического развития РФ, в последнее время бизнес в целом адаптировался к работе в санкционных условиях. Основной проблемой, по мнению большинства опрошенных предпринимателей (61%), является высокая инфляционная составляющая в виде роста цен у поставщиков МСП [114].

В соответствии с данными доклада уполномоченного по защите прав предпринимателей Президенту РФ в 2023 г. в числе ключевых проблем развития МСП в санкционных условиях отмечается недостаточный уровень поддержки малых и средних промышленных предприятий (в качестве системообразующей проблемы отмечена низкая доля обрабатывающих предприятий в структуре МСП); необходимость введения дополнительных мер стимулирования спроса на продукцию отечественных малых и средних предприятий; развитие логистической инфраструктуры в связи с необходимостью перестроения логистических цепочек; упрощение доступа малого бизнеса к гособоронзаказу, повышение несырьевого экспортного потенциала МСП и др. [146].

В целях повышения степени резилиентности сектора МСП Республики Башкортостан в ближайшее время следует уделить внимание решению следующих задач.

1. Повышению доли занятых в МСП до среднероссийского уровня. Согласно данным Росстата и Федеральной налоговой службы в Республике Башкортостан за 2020–2022 гг. доля занятых в малом и среднем предпринимательстве (с учетом индивидуальных предпринимателей и самозанятых) выросла с 26,1% до 30,4%. Однако данные значения являются ниже средних как по ПФО (30,9% в 2020 г. и 35,7% в 2022 г. соответственно), так и по стране в целом (32,6% и 39,1% соответственно). Для достижения РБ среднего по РФ уровня занятости в МСП, а в перспективе – значений развитых стран, где доля занятых в секторе МСП составляет 50-70% [22], потребуются разработка дополнительных мер поддержки содействия занятости в данной сфере, в том числе посредством стимулирования открытия новых производств.

2. Увеличению общего количества субъектов малого предпринимательства, прежде всего, за счет роста доли производственных малых предприятий, что позволит повысить качественные параметры структуры численности субъектов малого предпринимательства по видам деятельности. Авторские расчеты по данным Евростата, Росстата и ЦБ РФ показывают, что в 2019 г. Россия почти вдвое уступала ЕС в торговой сфере по таким показателям как оборот оптово-розничных предприятий на душу населения и количество торговых предприятий в расчете на 1 жителя. В то же время среднедушевые доходы населения по паритету покупательной способности в России также были более чем в 2 раза ниже, что говорит о нахождении России и ЕС на примерно одном и том же уровне насыщенности рынка торговыми предприятиями в целом. Если исходить из допущения о достаточности количества малых предприятий, занятых в торговой сфере РБ (с точки зрения насыщенности рынка при текущем уровне платежеспособного спроса), то для приведения к соотношению субъектов малого предпринимательства различных видов экономической деятельности по международным стандартам (производство – 30%, услуги – 45%, торговля – 25%) необходимо увеличение количества малых предприятий в сфере производства товаров в 1,57 раза от значения 2018 г. (в сфере услуг в 1,44 раза). Это требует повышения уровня соответствующей финансовой поддержки и улучшения условий кредитования субъектов МСП, особенно занятых в промышленных видах деятельности.

3. Повышению уровня финансовой поддержки субъектов МСП, в том числе в промышленности. В 2020 г. по объему господдержки на 1 субъект МСП, выделенной в рамках реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», Республика Башкортостан занимала 6 место в ПФО. При этом в последние годы наблюдается снижение удельного финансирования субъектов МСП в РБ в рамках нацпроекта: с 10,7 тыс. руб. в 2020 г. до 5,0 тыс. руб. в 2022 г. (на 2023 г. запланировано выделение средств в размере 5,3 тыс. руб. на 1 субъект МСП). По данным Росстата, среди регионов ПФО, получивших в 2019–2021 гг. наибольшую поддержку из федерального бюджета в расчете на 1 субъект МСП были регионы с относительно низким уровнем развития сектора МСП (Республика

Мордовия, Пензенская область), что свидетельствует о направленности мер поддержки на реализацию принципа выравнивания развития территорий, в том числе в области развития сектора МСП [10] (таблица 3.10).

Таблица 3.10

**Объем федеральной поддержки и уровень кредитования сектора МСП
г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и регионов ПФО**

Регион	Средний объем поддержки МСП из федерального бюджета на 1 субъект в 2019–2021 гг., тыс. руб.	Доля кредитов МСП в общем объеме кредитов ЮЛ и ИП, %		Выдано кредитов МСП в расчете на 1 субъект, млн руб.	
		2019 г.	2022 г.	2019 г.	2022 г.
г. Москва	0,0	7,3	8,6	3,03	3,38
г. Санкт-Петербург	0,6	14,3	18,1	1,46	2,44
Самарская область	2,1	35,1	45,6	1,05	1,54
Саратовская область	3,4	49,5	32,5	1,06	1,24
Оренбургская область	3,8	40,2	31,3	1,26	1,16
Республика Татарстан	3,9	22,4	36,3	1,29	2,32
Нижегородская область	4,6	20,7	22,4	1,51	2,11
Республика Башкортостан	5,0	17,5	36,0	0,86	1,37
Пермский край	5,1	30,2	32,6	1,03	1,48
Кировская область	6,5	56,8	48,1	0,89	1,06
Чувашская Республика	7,5	45,7	59,7	0,75	1,27
Ульяновская область	8,3	42,4	44,5	1,23	1,44
Удмуртская Республика	9,1	46,1	45,8	1,01	1,59
Республика Марий Эл	9,8	44,9	41,7	0,79	1,17
Пензенская область	14,8	31,5	35,1	0,97	1,74
Республика Мордовия	15,7	28,6	31,0	0,98	1,11

Источник: рассчитано авторами по данным с офиц. сайтов Росстата, Банка России, Федеральной налоговой службы [60, 118, 134].

В то же время наблюдается долговременная тенденция компенсации меньшего уровня государственной поддержки субъектов МСП (до 5 тыс. руб. на одно СМСП) в регионах и городах федерального значения с относительно развитым предпринимательским сектором более высоким удельным уровнем кредитования юридических (ЮЛ) и физических лиц (ИЛ) сектора МСП [8]. В целом объем кредитования сектора МСП в абсолютных значениях за рассматриваемый период вырос во всех регионах (кроме Оренбургской области) и в большинстве из них опережающими темпами относительно кредитования крупного бизнеса, что

стимулировало увеличение доли кредитов, выданных СМСП в общем кредитном портфеле. Вместе с тем в Республике Башкортостан структурный рост доли кредитов МСП произошел наряду с другими факторами вследствие снижения общего объема кредитования экономики региона (за период 2019–2022 гг. на 131,6 млрд руб.).

В расчете на 1 получателя в 2022 г. финансовая поддержка субъектов МСП имела следующий вид (таблица 3.11).

Таблица 3.11

Финансовая поддержка сектора МСП в регионах ПФО в 2022 г.²

Регион	Объем общей финансовой поддержки из бюджетов всех уровней в расчете на 1 получателя, млн руб.	Объем федеральных субсидий на поддержку СМСП в расчете на 1 получателя ¹ , тыс. руб. (план)	Объем кредитов, выданных СМСП в расчете на 1 СМСП, имеющего кредитную задолженность, млн руб.
РФ	0,85	20,1	23,7
ПФО	1,00	24,6	18,3
Республика Мордовия	1,82	66,4	12,6
Пензенская область	1,56	27,6	20,9
Ульяновская область	1,40	16,0	17,1
Пермский край	1,15	14,1	13,0
Оренбургская область	1,15	17,8	11,6
Чувашская Республика	1,13	197,9	14,0
Нижегородская область	1,11	15,0	24,3
Республика Татарстан	0,98	12,7	28,6
Удмуртская Республика	0,96	20,7	15,3
Республика Башкортостан	0,92	17,8	16,2
Самарская область	0,87	11,1	21,4
Республика Марий Эл	0,70	23,9	12,2
Саратовская область	0,66	21,0	14,6
Кировская область	0,52	13,7	10,4

¹ Включая получателей поддержки из бюджетов всех уровней

² Составлено по материалам [115, 116, 134, 160]

Несмотря на рост в целом по РФ и ПФО объемов финансовой поддержки СМСП из бюджетов различного уровня (по сравнению с 2021 г. рост в 1,5 раза) основным источником финансирования их деятельности остается банковское кредитование (средний объем кредита в ПФО 18,3 млн руб., для сравнения в Москве – 61,5 млн руб., в Санкт-Петербурге – 39,3 млн руб.) [6]. Доля финансовой господдержки относительно общего объема выданных кредитов

СМСП в 2022 г. составила в РФ 5,5%, в ПФО от 4,8% в Республике Татарстан до 20,8% в Республике Мордовия. В то же время доступность кредитных ресурсов для СМСП все еще находится на недостаточно высоком уровне. По данным ЦБ РФ и ФНС РФ только 8,0% СМСП России в 2022 г. имели кредиты (в ПФО от 7,2% в Самарской области до 11,4% в Пермском крае). Финансовая поддержка от государства за тот же период имела несколько более широкий охват – ее получали 12,3% СМСП (в ПФО от 9,9% в Пензенской области до 20,1% в Кировской области).

Анализ структурной декомпозиции кредитных потоков по ПФО показывает более низкую долю кредитов, выданных на реализацию программ развития субъектов МСП, занятых в промышленном секторе (по состоянию на 01.08.2023 г. 15,3% от всего объема задолженности по кредитам МСП) по сравнению с кредитованием производственных предприятий по экономике в целом (49,9% от всех кредитов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). Таким образом, необходимо увеличение доли «промышленных» кредитов в структуре кредитования МСП как важнейшего направления повышения уровня его вклада в экономику регионов.

В то же время необходимо отметить, что несмотря на выявленную достаточно высокую степень резилентности сектора малого и среднего предпринимательства субъектов РФ, и в частности, Республики Башкортостан, в условиях продолжающихся шоковых воздействий следует не полагаться только на повышение обеспеченности МСП кредитами, даже и льготными, а продолжать государственную поддержку. В регионах с высоким уровнем развития МСП для повышения его роли в качестве драйвера экономического развития и обеспечения промышленного суверенитета государственная поддержка должна быть направлена на развитие быстрорастущих, инновационных, экспортно-ориентированных МСП и МСП+ из приоритетных отраслей. В регионах с низким уровнем развития сектора МСП необходима более значительная государственная поддержка начинающих предпринимателей и растущего малого и среднего бизнеса.

4. Результативность государственной поддержки МСП РБ.

В современных геополитических условиях, обусловленных санкциями западных стран, МСП все больше превращается в драйвер социально-экономического развития субъектов РФ в части

обеспечения их суверенитета (продовольственного, промышленного) [9]. В этой связи исследования вопросов оценки и повышения результативности государственной поддержки МСП в особенности на региональном уровне безусловно актуальны и значимы.

Республика Башкортостан (РБ) по состоянию на 10.10.2023 г. по количеству субъектов МСП занимает второе место среди регионов ПФО и десятое место – по России (таблица 3.12). При этом по численности занятых в субъектах МСП, помимо Республики Татарстан (РТ), РБ уступает также Нижегородской обл. и Самарской обл. Почти та же картина наблюдается и по общему количеству видов производимой субъектами МСП РБ продукции (оказываемых услуг), за исключением преобладания по этой позиции над РТ. Нужно отметить, что наибольший ассортимент производимой продукции (услуг) отмечается в Нижегородской обл. (почти половина от общего количества продукции (услуг) субъектов МСП ПФО), а наименьший – в Республике Мордовия.

Таблица 3.12

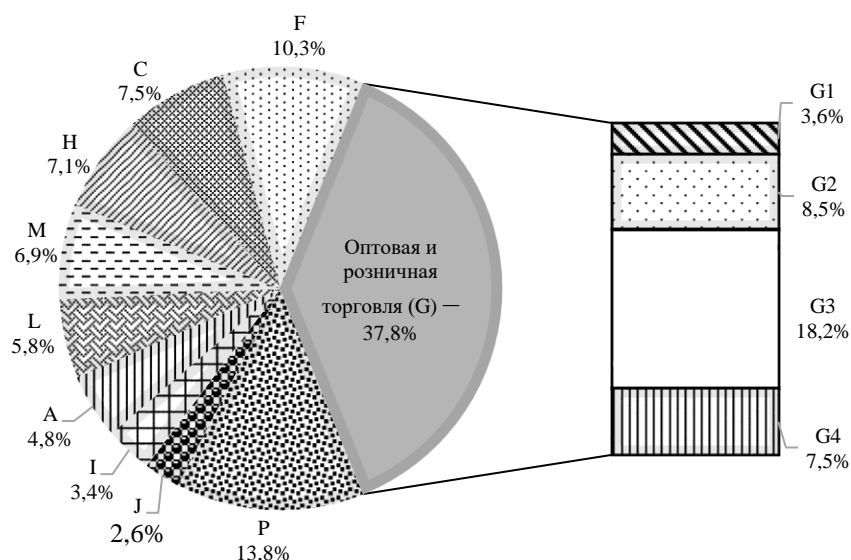
Основные показатели развития субъектов МСП в регионах ПФО по состоянию на 10.10.2023

Наименование субъекта	Количество субъектов МСП, ед.	Численность занятых, чел.	Общее количество продукции и услуг, ед.
Республика Татарстан	168352	435282	100
Республика Башкортостан	132140	317798	143
Самарская обл.	127713	359012	311
Нижегородская обл.	124476	385435	1001
Пермский край	98091	268231	170
Саратовская обл.	74193	202046	78
Удмуртская Республика	59321	174078	111
Оренбургская обл.	58491	137623	97
Кировская обл.	45478	132326	57
Чувашская обл.	44990	116670	21
Пензенская обл.	44870	124999	39
Ульяновская обл.	43049	116940	13
Республика Мордовия	22390	64638	6
Республика Марий Эл	20549	59893	43

Источник: составлено по данным [60].

Наиболее развитой сферой МСП в Республике Башкортостан продолжает оставаться оптовая и розничная торговля – 37,8% общего числа субъектов (рисунок 3.2). Причем в условиях COVID и закрытия

границ с недружественными странами, обусловленного экономическими санкциями, наиболее быстрыми темпами в РБ развивалась такая ее сфера как электронная торговля. Расчеты показывают, что в республике количество субъектов МСП, бизнес которых зарегистрирован в сфере «Торговля розничная по почте или по информационно-коммуникационной сети Интернет» (код по ОКВЭД – общероссийскому классификатору видов экономической деятельности – 47.91), с 10.10.2019 г. по 10.10.2023 г. увеличилось почти в 16 раз и составило почти 8% всех малых и средних предприятий оптовой и розничной торговли (рисунок 3.3).

А – сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство,
С – обрабатывающие производства,
F – строительство,
Н – транспортировка и хранение,
G – торговля оптовая и розничная,
G1 – автомобилотранспортными средствами и мотоциклами и их ремонт (АМ),
G2 – оптовая (без АМ),
G3 – розничная (без АМ и по Интернету),
G4 – розничная по почте или по Интернету,
И – деятельность гостиниц и предприятий общепита,
Ж – разработка компьютерного программного обеспечения, деятельность в области коммуникационных и информационных технологий,
Л – операции с недвижимым имуществом,,
М – деятельность профессиональная, научная и техническая,
Р – прочие виды деятельности.

Рисунок 3.3. Структура субъектов МСП РБ по видам экономической деятельности по состоянию на 10.10.2023 г.

Источник: построено по данным [60].

Несмотря на предпринимаемые в РБ меры по повышению технологического суверенитета и цифровизации экономики, участие МСП в решении этих проблем ограничивается невысокими долями обрабатывающих производств (7,5%) и разработки компьютерного программного обеспечения и деятельностью в области коммуникационных и информационных технологий (2,6%) в структуре субъектов МСП [32].

Нужно отметить, что цифровизация не сводится исключительно к расширению использования в секторе МСП ИТ-технологий [140]. Цифровая трансформация предполагает инициирование процесса превращения в цифровой формат не только аналоговых данных, но и рабочих процессов в малом и среднем предпринимательстве в целях автоматизации бизнес-процессов, улучшения качества продукции и услуг, оптимизации производства и повышения эффективности работы малых и средних предприятий и уровня их государственной поддержки.

В настоящее время по оценке Российского фонда развития информационных технологий (РФРИТ) охват цифровизацией МСП (с программным обеспечением (ПО) российского производства) в 2022 в субъектах РФ не превышает 7,5% (таблица 3.13).

Таблица 3.13

Десять лучших субъектов РФ по охвату цифровизацией субъектов МСП в 2022 г.

№№ п/п	Наименование субъекта РФ	Охват цифровизацией субъектов МСП, %
1	Астраханская обл.	7,5
2	Республика Марий Эл	6,6
3	Республика Хакасия	6,2
4	Курганская обл.	6,2
5	Оренбургская обл.	5,6
6	Костромская обл.	5,5
7	Республика Тыва	5,5
8	Белгородская обл.	5,4
9	Иркутская обл.	5,4
10	Еврейская автономная обл.	5,4

Источник: составлено по данным [136].

Помимо специализированных институтов развития МСП (Корпорация МСП) активное участие в финансовой поддержке малого и среднего бизнеса принимает Банк России, предлагающий различные инструменты поддержки в зависимости от стадии развития МСП (от посевных фондов, краудфандинга и микрокредитования на стадии возникновения до лизинга, факторинга на стадии развития и выпуска ценных бумаг на стадии зрелости). Министерство экономического развития России реализует программы по предоставлению субсидий субъектам РФ из федерального бюджета для оказания государственной поддержки субъектам МСП на условиях софинансирования, на конкурсной основе выделяет гранты предпринимателям на инновационные производства в размере до 30 млн руб.

В целях стимулирования развития приоритетных направлений предпринимательской деятельности в Республике Башкортостан оказывается более 100 различных мер государственной поддержки (таблицы 3.14–3.15).

Таблица 3.14

Приоритетные направления и инструменты развития сектора МСП

№	Приоритетные направления	Инструменты
1.	Поддержка начинающих предпринимателей – повышение их выживаемости до более 2 лет	1. Адресная поддержка повышения компетенций предпринимателей на базе центров «Мой бизнес» и цифровой платформы «МСП.РФ»; 2. Специализированная финансовая поддержка для начинающих предпринимателей из приоритетных отраслей (гарантийная и грантовая поддержка, льготные микрозаймы)
2.	Растущий малый и средний бизнес – стимулирование перехода микропредприятий в категорию малых и средних предприятий	Снижение административной и налоговой нагрузки для МСП, переходящих из микропредприятий в статус малых предприятий
3.	Поддержка растущих малых и средних предприятий из приоритетных отраслей (обрабатывающая промышленность, ИТ, инжиниринговые центры, малые технологические компании, туризм) в целях повышения их доли в экономике	1. Стимулирование спроса на продукцию МСП через развитие офсетных контрактов (долгосрочного спроса на продукцию МСП со стороны государства со встречными инвестиционными обязательствами); 2. Предоставление возможности одновременного участия МСП в нескольких инструментах поддержки с учетом их отраслевой специфики
4.	Введение в систему господдержки категории МСП+	Распространение мер поддержки (зонтные поручительства, субсидирование процентных ставок и др.) на категорию МСП+

Источник: составлено по материалам [135]

Наиболее востребованной мерой поддержки МСП в 2023 г. в РБ является предоставление гарантий и поручительств через АНО «Агентство Республики Башкортостан по развитию малого и среднего предпринимательства» – 47% от всех получивших поддержку предпринимателей.

Таблица 3.15

Объем финансовой поддержки субъектов МСП в РБ (в рамках региональных институтов развития предпринимательства) на 01.09.2023 г.

Наименование мер поддержки	Объем, млн. руб.	Количество получателей, чел.
Гарантийная поддержка посредством предоставления поручительств и независимых гарантий	2628,1	278
Предоставление микро-займов, кредитных каникул	442,4	275
Льготный лизинг оборудования	241,7	38
ВСЕГО	3312,2	591

Источник: составлено по данным [84].

Помимо количества видов предоставляемой государственной поддержки и ее объемов важное значение имеет ее результативность. От правильного подбора инструментов поддержки в регионах во многом зависят реакции предпринимателей на них. На рисунке 3.4 представлена оценка результативности государственной поддержки МСП в регионах ПФО по наиболее оперативному показателю предпринимательской активности – числу вновь созданных субъектов МСП, рассчитанная по формуле 3.3:

$$E_r = \frac{Q_r^{nc}}{V_r^{ss}}, \quad (3.3)$$

где Q_r^{nc} – число вновь созданных субъектов МСП в r -ом регионе; V_r^{ss} – объем государственной поддержки субъектов МСП в r -ом регионе; r – номер региона ПФО, $r = \overline{1,14}$.

Результативность государственной поддержки субъектов МСП выше среднероссийского уровня в 2022 г. наблюдалась в 3 регионах ПФО: Саратовской области, Республике Татарстан и Самарской обл. Значение результативности субъектов МСП в РБ – 1,6 ед. вновь созданных субъекта МСП на 1 млн руб., затраченный на их государственную поддержку, превышает средний уровень по ПФО.

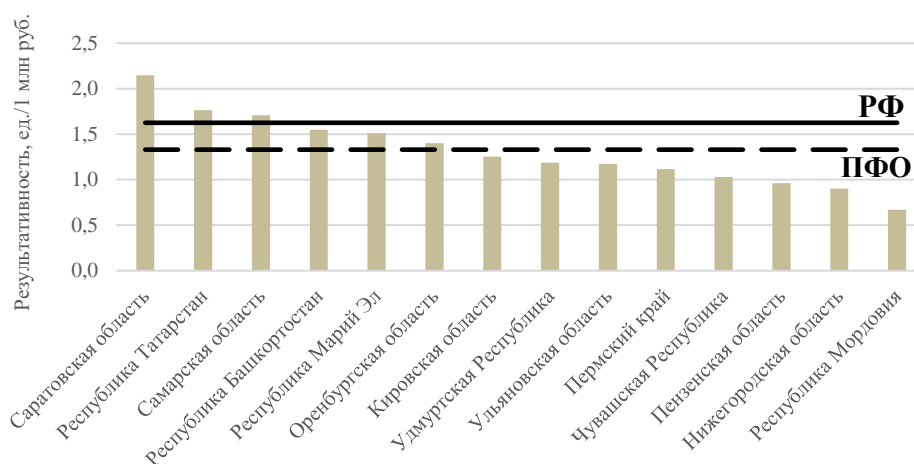

Рисунок 3.4. Результативность господдержки субъектов МСП в регионах ПФО в 2022 г.

Рассчитано по данным [59].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Динамика структуры субъектов МСП показывает, что действенным инструментом их адаптации к пандемии и западным санкциям является онлайн-сектор вследствие широкого распространения торговых интернет-площадок и легализации параллельного импорта.

В сложных современной геополитических условиях МСП не сможет развиваться без значительной государственной поддержки, причем в условиях бюджетных дефицитов первостепенное значение приобретает ее результативность. В целях ее повышения, в частности, целесообразно развернуть систему поддержки быстрорастущих высокотехнологичных промышленных предприятий и малых технологических компаний посредством:

1. В части быстрорастущих компаний:

– формирование в республике оцифрованного реестра потенциальных быстрорастущих компаний (БРК) из числа средних и малых предприятий посредством их стандартизированного отбора (на основе объема затрат на НИОКР, количества имеющихся изобретений, патентов, полезных моделей и прочих научно-технологических достижений, а также предлагаемых претендентами

приоритетных направлений развития для реализации открывшихся в настоящее время «окон возможностей»;

- внедрение в республике механизма «градиентного выращивания» новых технологически ориентированных БРК для разработки ключевых технологий в целях преодоления последствий санкционного давления;

- создание Уфимской зоны экономико-технологического развития, специализированной на выращивании технологически ориентированных БРК на основе конвергенционных процессов интернет-технологий, технологий *big data* и искусственного интеллекта с промышленными технологиями;

- изыскание возможности долгосрочного прямого финансирования из республиканского бюджета отобранной группы предприятий-претендентов на статус БРК, подкрепленное государственным консьерж-сервисом, осуществляемым в интересах и по запросам этих предприятий;

- оказание высокотехнологичным БРК дополнительной поддержки в виде субсидий на технологические инновации (осуществление НИОКР) и бесплатных программ специализированного обучения техперсонала.

2. В части малых технологических компаний:

- разработка инструментов государственной поддержки инновационной деятельности малых технологических компаний;

- создание реестра малых технологических компаний республики;

- соблюдение федеральных и установление региональных льгот по уплате налогов, сборов, страховых взносов, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и по уплате таможенных платежей в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и законодательством РФ о таможенном деле;

- оказание помощи небольшим инновационным, высокотехнологичным компаниям в части внедрения их передовых разработок на площадках крупных промышленных предприятий и на всех стадиях жизненного цикла их продукции.

3.3. Оценка целесообразности и результативности «зеленых» инвестиций в субъектах РФ целях оздоровления окружающей среды

Концептуальные основы «зеленой» экономики

В условиях современной геополитической нестабильности ESG-повестка становится еще более актуальной при выработке принципов устойчивости развития территорий. В настоящее время отсутствуют общепризнанные мировой практикой научно обоснованные социально-экономические критерии оценки степени устойчивости развития территорий. Наибольшее признание в разных странах в современных условиях получила так называемая эко-социально-управленческая система индикаторов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), сформированная на основе совершенствования критериев Комиссии ООН по устойчивому развитию – Комиссии Брундтланн (Brundtland Commission)². В 1987 г. этой Комиссией был сформулирован принцип обеспечения устойчивости функционирования развитых и развивающихся стран мира, основанный на борьбе с бедностью и защите окружающей среды. Первоначально для идентификации устойчивости развития как на глобальном, так и региональном и местном уровнях, были выделены следующие 17 целей: 1) ликвидация нищеты; 2) устранение голода; 3) обеспечение хорошего здоровья и благополучия; 4) доступ к качественному образованию; 5) достижение гендерного равенства; 6) обеспечение чистой воды и санитарии; 7) предоставление дешевой и чистой энергии; 8) гарантирование достойной работы и экономического роста; 9) индустриализация, инновации и инфраструктура; 10) уменьшение неравенства среди людей и стран; 11) устойчивые города и населенные пункты; 12) ответственное потребление и производство; 13) борьба с изменением климата; 14) сохранение морских экосистем; 15) сохранение экосистем суши; 16) мир, правосудие и эффективные институты и 17) мир, правосудие и эффективные институты [170].

В ходе дальнейшего развития вышеперечисленные цели были преобразованы в систему, включающую как применявшиеся ранее, так и новые критерии, с приданием бóльшей значимости экологическим

² Documents officiels de l'Assemblée générale, cinquante-huitième, quarante- secondes session, supplément no 25 (A/42/25). 412 P.

критериям по сравнению с социальными и экономическими. В качестве таковой системы начали использоваться так называемые ESG-критерии (англ. Environmental – экология, Social – социальное развитие, Governance – управление), сформированные на основе трансформации концепции устойчивого развития в концепцию «зеленой» экономики (в практике развитых государств – уже на протяжении более трех десятилетий, в развивающихся – в последние годы). Сформированная система ESG-индикаторов построена на основе учета экономико- и социально-экологических взаимосвязей в социально-экономическом развитии стран. Мировые тенденции, наблюдаемые до 2022 г., свидетельствовали об усиливающемся поступательном движении стран от «коричневой» экономики к так называемому «зеленому» развитию, главным проявлением которого является отказ от использования так называемой «грязной» энергии (из таких ископаемых источников, как уголь, торф, нефть, природный газ и др.) в пользу возобновляемых источников энергии (солнечная энергия, энергия ветра, гидроэнергия и т.д.) [74].

Однако в 2022–2023 гг. сокращение потребления природного газа в Европе из-за уменьшения поставок дешевого топлива из Российской Федерации несколько затормозило процессы отказа от использования «грязной» энергии, в частности уменьшения глобальной зависимости от угля (так, Великобритания, несмотря на протесты экологов, собирается расконсервировать свои угольные шахты и приостанавливает закрытие действующих; Volkswagen объявил о намерении продолжать обеспечивать свои заводы угольной энергией, полученной путем сжигания угля, временно отложив переход на газ и паровые турбины). Досанкционные климатические амбиции европейских стран, базирующиеся на расширении использования возобновляемых источников энергии, росте использования электромобилей и технологий по сокращению выбросов парниковых газов также находятся под угрозой.

В условиях санкционного давления при переориентации экспортных поставок из Российской Федерации на восток возрастает значимость учета ESG-принципов устойчивого развития в практике социально-экономического развития субъектов РФ. Ведь требования целого ряда азиатских бирж и восточных контрагентов, бизнес-структур дружественных для РФ стран достаточно жестко включают в себя ESG-критерии. В связи с этим необходимо усилить

стимулирование ESG-активности российского бизнеса для его более устойчивого и взаимовыгодного взаимодействия с иностранными контрагентами из дружественных стран [5].

Определенные ООН глобальные цели устойчивого развития развитых и развивающихся стран могут и должны быть масштабированы на различные территориальные уровни, начиная от единиц их внутреннего территориального деления и охватывая ее отдельные муниципальные образования и заканчивая их системообразующими предприятиями.

Об актуальности ESG-принципов для развития российских регионов свидетельствуют результаты онлайн-опроса, проведенного ВЦИОМ в 2022 г. Согласно этому опросу, большинство опрошенных считает достижение целей устойчивого развития и продвижение принципов ESG в Российской Федерации задачей органов управления: федеральных (46% респондентов) и региональных (32% респондентов). При этом самыми значимыми целями устойчивого развития опрошенные назвали цель №11 «Устойчивые города и населенные пункты» (62%), №8 «Достойная работа и экономический рост» (61%), №4 «Качественное образование» (45%). Нужно отметить, что цель №13 «Борьба с изменением климата», по мнению, российских респондентов незначительна и оказалась в опросе на предпоследнем месте (9% респондентов) [128].

Согласно ESG-рэнкингу, составленному Национальным Рейтинговым Агентством, регионы ПФО в 2022 г. отличались умеренно высокими результатами устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов РФ, что особенно проявляется в показателях экологического блока всех 14 регионов – *E* и в меньшей степени устойчивости показателей социального блока всех регионов ПФО – *S* (таблица 3.16).

Абсолютным лидером рэнкинга является Республика Татарстан, а еще пять регионов: Самарская, Республики Мордовия и Башкортостан, Нижегородская и Ульяновская области входят в группу «развитых».

Нужно отметить, что Министерство образования и науки РФ включило Республику Башкортостан наряду с 13 другими субъектами РФ – Республикой Татарстан, Чеченской Республикой, Краснодарским краем, Калининградской, Московской, Тюменской, Новосибирской, Сахалинской, Свердловской, Воронежской и Томской областями, Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким округами в число пилотных

регионов для разработки и испытания технологий контроля углеродного баланса. В Республике Башкортостан создадут так называемый карбоновый полигон с внедрением способов улавливания и депонирования парниковых газов.

Таблица 3.16

ESG-рэнкинг регионов Приволжского федерального округа в 2022 г.

Место	Наименование региона	ESG	Е	S	G	ESG-уровень
1	Республика Татарстан	0,769	0,821	0,676	0,808	продвинутый
2	Самарская область	0,581	0,607	0,559	0,577	развитый
3	Республика Мордовия	0,579	0,714	0,676	0,346	развитый
4	Республика Башкортостан	0,560	0,643	0,500	0,538	развитый
5	Нижегородская область	0,554	0,500	0,471	0,692	развитый
6	Ульяновская область	0,554	0,643	0,441	0,577	развитый
7	Удмуртская Республика	0,534	0,536	0,529	0,536	умеренный
8	Чувашская Республика	0,525	0,429	0,647	0,500	умеренный
9	Кировская область	0,520	0,679	0,382	0,500	умеренный
10	Пермский край	0,511	0,643	0,353	0,538	умеренный
11	Оренбургская область	0,482	0,429	0,441	0,577	развивающийся
12	Саратовская область	0,456	0,464	0,441	0,462	развивающийся
13-14	Пензенская область	0,421	0,429	0,412	0,423	начальный
13-14	Республика Марий Эл	0,421	0,429	0,412	0,423	начальный

Источник: по данным Национального Рейтингового Агентства [133].

Таким образом, в настоящее время при разработке стратегий и программ социально-экономического развития субъектов РФ представляется необходимым основываться на базовых принципах и целях устойчивого развития ООН и ESG-принципах устойчивого развития территорий в целях повышений технологической независимости и устойчивости их развития, в т.ч. в сфере экологии.

Экологическое пространство как индикатор устойчивого развития территории: региональные различия.

Современная социально-экономическая жизнь регионов предопределяет повышенные требования к обеспечению гармоничного сочетания всех составляющих устойчивого развития – экономической, социальной и экологической. В условиях увеличивающегося количества и силы воздействия неблагоприятных факторов внешней среды на первый план выступают задачи обеспечения экономической устойчивости и недопущения социальной напряженности, в то время как вопросы сохранения окружающей

среды отходят на второй план. Достижение экологического благополучия затрудняется также тем, что тот большой объем финансовых, технико-технологических, информационных и иных ресурсов экономической и социальной среды, которые используются для охраны природной среды, сегодня отвлечены на решение иных острых задач. В этой связи представляется, что для разработки действенных инструментов защиты природной среды и среды обитания человека необходимо изучение пространственных аспектов экологического развития, поскольку добиться этого можно только на основе консолидации усилий регионов, повышения эффективности межтерриториального сотрудничества и взаимодействия. В таком контексте актуальным является исследование сущности и характеристик понятия экологического пространства.

Сегодня, в условиях углубления противоречий между экономической, социальной и экологической средой, ключевой задачей каждого региона является поиск внутренних ресурсов для повышения потенциала самостоятельной защиты населения от негативных факторов внешней среды и экологического благополучия. Поэтому в данном разделе в качестве основных характеристик экологического пространства рассматриваются неравномерность и однородность с точки зрения достижения всеми регионами наилучших характеристик экологического пространства, снижения уровня дифференциации негативных параметров, а также вклада регионов в охрану окружающей среды.

Интерес к пространственной проблематике регионального развития сохраняется на протяжении уже многих столетий. Исследование пространственных характеристик осуществляется по отношению к различным областям жизни общества, видам экономической деятельности, на макро-, мезо- и микроуровнях. Анализ 420 публикаций (из 8785 ед. по пространственной проблематике) за последние 5 лет, размещенных в научной электронной библиотеке eLIBRARY, позволил сделать вывод о преобладающем количестве исследований в следующих областях: образование («образовательное пространство», «пространство вуза (школы) – 27%); экономика («экономическое пространство» – 22%); территория («территориальное пространство», «городское пространство» – 20%). Однако только небольшое количество публикаций посвящено изучению экологического пространства (6%).

Сущность понятия «пространство» наиболее часто раскрывается как «...совокупность отношений, выражающих координацию материальных объектов, их расположение друг относительно друга и относительную величину» [119, С. 626]. Регион с характерной для него системой экономических отношений с позиций пространственной экономики, «обладает теми же свойствами, что и экономическое пространство в целом, с присущими ему специфическими особенностями» [178]. Задействование этих свойств в системе пространственного управления сопряжено с разработкой обновленных подходов по обеспечению целостности экономического пространства [168]. М.П. Бузский дает следующее определение экологического пространства – это «сфера активной самоорганизации природной среды, которая объективно направлена на свое укрепление и расширение» [19]. Т.В. Субботина содержание искомого понятия раскрывает как «часть ноосферы или антропосферы в пределах конкретной территории» [151], С.П. Мякинников – как «пространство, характеризующееся определенными физико-географическими, геометрическими, организационно-функциональными, производственными, социальными, и ментальными параметрами» [91], А.Е. Рыбалка – «устойчивый способ бытия личности в изменяющемся социоприродном мире, интегрирующий воздействие различных природных, техногенных, экономических факторов» [132].

В широком смысле содержание экологического пространства раскрывается как «сфера самоорганизации природной среды», а иные интерпретации определения раскрывают взаимосвязи и взаимозависимости объектов природной среды. Так, М.П. Бузский раскрывает понятие как «сферу активной самоорганизации природной среды, которая объективно направлена на свое укрепление и расширение», однако «основным препятствием для этого является человеческая деятельность, которая не учитывает собственной специфики этого пространства» [19]. Чаще всего «экологическое пространство» рассматривается с позиции идентификации и обобщения тех характеристик, которые позволяют описать процессы взаимодействия живых организмов между собой и с их средой обитания, организации и функционирования биосистем различных уровней [137] в терминах пространственного развития.

Особый акцент исследователи делают на характере взаимоотношений элементов экологического пространства с

человеком. При этом рассматривается две позиции: влияние окружающего пространства на жизнедеятельность человека [2] и наоборот. Во втором случае экологическое пространство рассматривается как область, вбирающая в себя воздействие природных, техногенных, экономических факторов [132], а исследованию, наиболее часто, подлежат такие понятия, как экологическое пространство личности, экологическая культура. Эти отношения приобретают специфику в условиях деятельности предприятий и учреждений различных видов экономической деятельности [156]. Так, например, О.Л. Лушникова [82], обобщая исследования ученых и специалистов в области изучения содержания и структуры социально-экологического пространства городской среды, выделяет его следующие характеристики: часть ноосферы (антропосферы) в пределах конкретной территории [151], имеет определенные физико-географические, геометрические, организационно-функциональные, производственные, социальные и ментальные параметры [91, С. 111] и сложную систему [169, С. 29]. Включение в эту сферу человека как субъекта взаимодействия с объектами природной среды, приводит к появлению таких вариаций понятия, как «социально-экологическое пространство», «эколого-экономическое пространство» и иных.

Интересным в части интерпретации содержания понятия «экологическое пространство» представляется работа S. Vanderheiden, раскрывающего его как совокупность товаров и услуг, предназначенных для поддержания высокого качества жизни, основанные на природных ресурсах и понимаемые в пространственных терминах [285]. Автор акцентирует внимание на том, что совокупное экологическое пространство находится под угрозой из-за увеличивающего присвоения природных ресурсов, что предопределяет необходимость обеспечения справедливого распределения этого пространства как между настоящими, так и будущими пользователями. Китайские исследователи J. Fu, Q. Gao, D. Jiang указывают на ограниченность подходов, раскрывающих характеристики лишь «экологического» пространства и анализируют структуру производственно-жизненно-экологического пространства [218]. Еще более широкий подход для интерпретации понятия «экологическое пространство» предлагает S. Aragona, который

рассматривает взаимосвязь между антропосом и процессами расселения, а также воздействием виртуального пространства [192].

Исследование научных публикаций последних двух десятилетий позволило выявить, что экологическое пространство рассматривается во взаимосвязи с такими категориями, как «образовательно-воспитательное пространство», «информационное пространство», «комфортная жизнь», выступая в качестве цели обучения, современной компетенции, одного из критериев оценки качества жизни, объекта обеспечения экологической безопасности, либо управления при разработке подземного пространства. В частности, Е.О. Вегнер-Козлова, О.М. Гуман, рассуждая об оптимальном сочетании потребностей экономики, экологии и социальной сферы, приходят к выводу о необходимости выделения в качестве объекта исследования эколого-индустриального пространства [23, С. 39].

Результаты исследования методик по оценке характеристик экологического пространства показали отсутствие единого подхода, кардинально отличающийся состав показателей (при, однако, преимущественном использовании показателей официальной статистической отчетности, либо отчетов об устойчивом развитии). Кроме того, чаще всего в методиках раскрывается порядок оценки одной-двух характеристик экологического пространства. Так, по мнению Н.А. Вукович, В.А. Ларионовой, В.В. Бирюлиной следование принципам «зеленой» экономики должно осуществляться не по иерархии «государство-регион-муниципалитеты», а базироваться на принципах агломерационного развития [28], что позволит использовать синергетический эффект для повышения эффективности мероприятий по защите экологии. Признавая важность оценки такого пространственного взаимодействия, показатели и методику их оценки авторы не раскрывают.

Е.О. Миргородская делает акцент на важности оценки связанности пространства (на примере городов агломерации), для чего использует комплекс следующих показателей: индекс Тейла, индекс Джини, а также результаты исследования региональной контактно-гравитационной среды территории, делимитации агломерации на основе транспортных взаимосвязей между городами [87]. М.Т. Rahma, K.G.R. Al-Neaimi выделяют следующие характеристики экологического пространства, которые предложено измерять на основе использования нескольких показателей: изменение землепользования,

климатические изменения, осаждение загрязняющих веществ, интродуцированные виды [264]. F. Wu, Z. Zheng, Y. Wang, J. Liu, S. Zhang для оценки экологического пространства разработали систему показателей в рамках 4 компонент: экологическая чувствительность, ценность экосистемных услуг, ландшафтная структура, качество экосистем [289]. В частности, экологическая чувствительность определена с учетом оценки эрозии почвы, каменистого опустынивания, типа среды обитания и кислотных дождей; ценность экосистемных услуг – на основе коэффициента эквивалентности стоимости на единицу площади. S. Wang, L. Huang, X. Xu предложили схожий по смыслу методический подход, однако, доказали необходимость дополнительной оценки пространства для досуга и рекреации [287].

Для каждой характеристики предложен комплекс показателей, например, близость расположения объектов друг к другу, форма составляющих пространство объектов, масштаб включенности человека в деятельность объекта и др. Следует отметить, что большинство методик заключается в оценке динамики отдельных, частных показателей (в некоторых методиках – с учетом веса каждого из них), либо расчете интегрального показателя из существующих статистических показателей [46, 227, 232, 265].

Что касается системы используемых показателей, то в разрезе регионов они отражены только в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» [126], однако их малое количество не позволяет дать представление и сделать выводы о характеристиках экологического пространства. Более 100 показателей представлено в статистическом сборнике «Охрана окружающей среды в России» [104], но они не позволяют в полной мере оценить положение регионов, а характеризуют положение страны в целом.

При наличии большого числа подходов к определению «экологического пространства» неразвитой остается методика оценки его характеристик. С нашей точки зрения, такое положение объясняется сложностью учета надпространственных факторов экологического пространства, содержание которых зависит от вида (первично-действующие, комплексные) и способа действия экологических факторов (прямодействующие, косвеннодействующие) [286]. Часть надпространственных факторов не имеет четкой принадлежности к определенной территории (например, свет, воздух),

однако их влияние на структуру экологического пространства может быть огромным. В соответствии с вышеизложенным, под экологическим пространством будем понимать совокупность экологических систем различного уровня определенной территории в их взаимосвязи и взаимозависимости, включая взаимодействие с ними человека, с учетом наличия комплекса надпространственных факторов, воздействие которых нельзя однозначно отнести к одной территории.

Для оценки характеристик экологического пространства регионов России предложен авторский методический подход, предназначенный, с одной стороны, для определения степени неравномерности воздействия неблагоприятных факторов на население регионов страны, с другой, для формирования представления о схожем и особенном в деятельности регионов по организации и финансированию мероприятий в области экологического развития и охраны окружающей среды (через количественно-качественный анализ контрактов в рамках национального проекта (НП) «Экология» [96]). Представляется, что сопоставление уровня воздействия неблагоприятных факторов и направлений реализации государственных контрактов может служить индикатором соответствия реализуемой политики в сфере экологии экологическому положению регионов.

Методический подход предусматривает реализацию следующих этапов:

1. Осуществление вертикального анализа, позволяющего оценить региональную дифференциацию (неравномерность) следующих показателей:

- отношение величины выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, к численности населения региона (тонн/чел.);
- отношение величины сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к численности населения региона ($\text{м}^3/\text{тыс. чел.}$).

Выбор в качестве основания показателей «человека» обусловлен несколькими позициями: конечной целью реализации региональной политики в сфере экологии является повышение качества жизни населения, обозначенное в документах социально-экономического

развития всех регионов страны³; основным «потребителем» загрязненного воздуха и воды является население региона. Бесспорно, что в целях полного раскрытия пространственной проблематики важным является оценка удаленности источников выбросов и сбросов от человека и места его проживания, однако данное исследование нацелено на получение общей картины дифференциации характеристик экологического пространства регионов с учетом сформированного определения искомого понятия.

2. Осуществление оценки однородности экологического пространства регионов на основе проведения структурной группировки контрактов в рамках национального проекта «Экология» по величине их стоимости (в целом и по направлениям финансирования), представленных на портале «Госрасходы» [97]. Для проведения оценки предложена следующая схема группировки контрактов (таблица 3.17).

Таблица 3.17

Схема группировки контрактов НП «Экология» в разрезе территориальных образований

Группа Регион	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа	...	12 группа	Итого
Регион <i>i</i>	менее 9 млн руб.	10- 19 млн руб.	20- 29 млн руб.	30- 39 млн руб.	...	более 3000 млн руб.	
...							
Итого							
Средняя сумма контрактов, млн руб.							

Всего была проведена группировка 1402 контрактов в интервале от 1 млн руб. до 3 млрд руб. и выше, заключенных в регионах России (Центральный федеральный округ – 230 контрактов, Северо-Западный – 144, Южный – 163, Северо-Кавказский – 118, Уральский – 162, Приволжский – 270, Сибирский – 181, Дальневосточный – 134). Ввиду того, что мероприятия по охране окружающей среды чаще всего

³ Согласно результатам анализа стратегий социально-экономического развития 85 регионов Российской Федерации.

дают отсроченный эффект, в группировку были включены те, которые заключены за последние 3 года (2020–2022 гг.).

3. Расчет показателя «сумма контрактов в расчете на одного человека, проживающего в регионе» (тыс. руб./чел.) (в том числе, по направлениям их реализации), позволяющего дать оценку результативности финансирования контрактов с целью оценки равномерности развития экологического пространства.

Расчет показателя «количество выбросов (сбросов) на 1 человека» показал, что наибольшее негативное воздействие от выбросов вредных веществ в атмосферный воздух испытывают Ямало-Ненецкий автономный округ (1,719 тонн /чел.), Красноярский край (0,849 тонн/чел.), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (0,723 тонн/чел.), наименьшее – г. Москва (0,0051 тонн/чел.), Республика Ингушетия (0,0038 тонн/чел.), Республика Дагестан (0,0035 тонн/чел.) (рисунок 3.5). Дифференциация показателя по регионам России составляет 492,8 раза.

Рисунок 3.5. Картограмма отношения величины выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, к численности населения региона за 2021 г., тонн/чел.

Наибольшая величина сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты выявлена в Архангельской области (0,273 тыс. м³/чел.), Республике Коми (0,219 тыс. м³/чел.), Республике

Карелия (0,200 тыс. м³/чел.), наименьшая – Республике Алтай (0,0014 тыс. м³/чел.), Республике Ингушетия (0,0017 тыс. м³/чел.), Алтайском крае (0,0062 тыс. м³/чел.) (рисунок 3.6). Дифференциация показателей составила 202,3 раза.

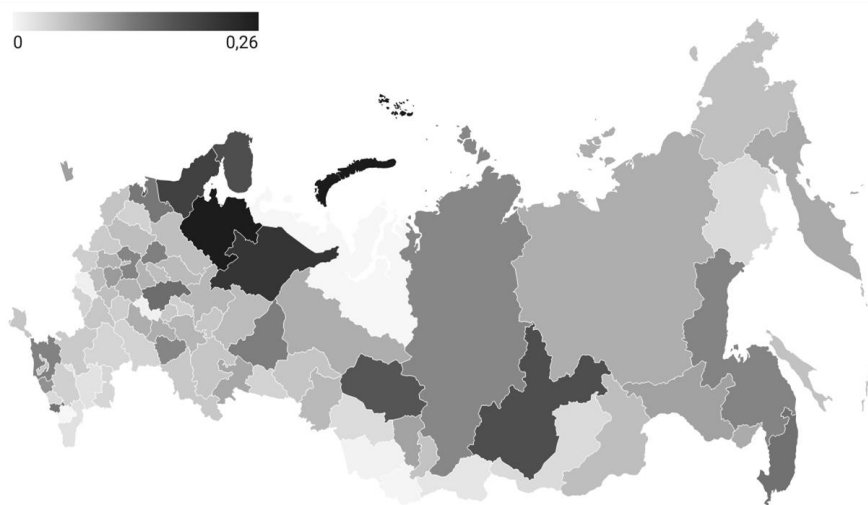

Рисунок 3.6. Картограмма отношения величины сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к численности населения региона за 2021 г., м³/тыс. чел.

В Центральном федеральном округе (ЦФО) большая часть контрактов реализуется в области лесного хозяйства (103 ед.) и поддержки водных объектов (44 ед.). Следует отметить высокое разнообразие контрактов в рамках выделенных направлений: по первому – это работы по лесозаготовкам, воспроизводству лесов, уходу за ними, а также молодняком и прочее; по второму – это работы в области коммунального хозяйства, поддержки работоспособности водозаборных и иных объектов, экологическая поддержка рек, расчистка русел рек. В разрезе регионов выделяются следующие контракты с максимальной ценой: Брянская область – услуги, связанные с лесоводством и лесозаготовками (8,6 млн руб.); Белгородская область – строительство коммунальных объектов для жидкостей (64 млн руб.); Костромская область – контейнер для отдельного накопления твердых коммунальных отходов (62 млн руб.).

Общее количество контрактов в Приволжском федеральном округе (ПФО) составило 270 ед., из них минимальная цена контракта составила 1,025 млн руб., максимальная – 3,294 млрд руб. В число регионов-лидеров по количеству контрактов вошли Республика Татарстан (16,7% от их общего количества), Саратовская область (12,9%), Оренбургская область (11,1%) и Республика Башкортостан (11,1%); регионов-аутсайдеров – Удмуртская Республика (0,74%), Нижегородская область (1,48%) и Ульяновская область (1,48%). Если же говорить о средней сумме контрактов, то состав регионов в группах лидеров и аутсайдеров несколько изменится: к первым относятся Республика Татарстан (280 млн руб.), Чувашская Республика (130 млн руб.), Удмуртская Республика (51 млн руб.), ко вторым – Кировская область (6 млн руб.), Республика Марий Эл (7,5 млн руб.), Республика Мордовия (8,6 млн руб.).

В разрезе групп по величине цены контракта можно увидеть, что их подавляющее большинство заключено по первым трем из них, в диапазоне от 1 млн руб. до 29 млн руб. (82%): 32 контракта заключено в Саратовской области, 29 – Пермском крае, 28 – Оренбургской области. В Удмуртской Республике не заключено ни одного контракта в данных группах. Следует отметить, что контракты с наиболее высокой ценой (от 100 млн руб. и выше) заключены только в 3 регионах: Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Чувашской Республике. Преимущественно, закупке подлежат материально-технические средства и техника, финансируются проекты по ликвидации лесных пожаров и восстановлению лесов стоимостью до 19 млн руб. Самыми крупными проектами в регионах являются: в Республике Татарстан – рекультивация иловых полей биологически очистных сооружений (3,3 млрд руб.); в Республике Башкортостан – ликвидация несанкционированных свалок в г. Баймак, очистка русла р. Дема (общая сумма контрактов 0,32 млрд руб.); в Республике Мордовия – расчистка участков русла р. Мокша (67 млн руб.); в Республике Марий Эл – покупка культиватора лесного бороздного (25 млн руб.).

Общее количество контрактов за 2020–2022 гг. в Сибирском федеральном округе (СФО), имеющих цену не менее 1 млн руб., составило 184 ед., из них минимальная цена контракта составила 1,04 млн руб., максимальная – 954,0 млн руб. Наибольшее количество контрактов в регионах Сибирского федерального округа заключено в

Республике Тыва (38 ед.) и Республике Хакасия (34 ед.), минимальное количество – в Томской (2 ед.), Омской и Новосибирской областях (по 3 ед.). Что касается общей суммы контрактов, то в качестве регионов-лидеров следует выделить: Красноярский край (1,6 млрд руб.), Республику Тыва (0,72 млрд руб.), Иркутскую область (0,51 млрд руб.), аутсайдеров – Томскую область (3,1 млн руб.), Омскую область (39 млн руб.) и Новосибирскую область (52 млн руб.). Только в 3 регионах (Иркутской области, Красноярском крае, Республике Тыва) реализуются высокостоимостные контракты. Самыми дорогостоящими в СФО являются 2 контракта: понижение уровня надшламмовых вод в картах-накопителях полигонов «Солзанский» и «Бабхинский» (Иркутская область), а также оказание услуг по инженерно-техническому проектированию туннелей, автомагистралей, улиц (Красноярский край).

Крупнейшие контракты в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) реализуются в области выполнения работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде на полигоне токсичных промышленных отходов (14,7 млрд руб., Ленинградская область), восстановления нарушенных земель, занятых свалкой твердых бытовых отходов (233,2 млн руб., Ленинградская область), строительства водопроводных очистных станций (165,5 млн руб., Республика Карелия). В Мурманской и Новгородской областях за период 2020–2022 гг. контракты заключены не были.

В Южном федеральном округе (ЮФО) высокостоимостные контракты реализуются в Волгоградской области (720,0 млн руб., выполнение работ по проектированию комплекса гидротехнических сооружений, обеспечивающего дополнительное обводнение Волго-Ахтубинской поймы), Астраханской области (463,0 млн руб., покос тростниковой растительности в русле с погрузкой в автотранспорт и вывозом на полигон). Отличительной особенностью структуры контрактов является их преобладание в области охраны водной среды – это экологическая реабилитация промышленных объектов с целью пресечения попадания в водную среду загрязнителей, расчистка ериков и русел рек. Ни одного контракта за 3 года не было заключено в Республике Калмыкия и Краснодарском крае.

В регионах Северо-Кавказского федерального округа (СЗФО) наблюдается достаточно равномерное распределение контрактов по группам. В 6 из 7 субъектов реализуются дорогостоящие проекты,

стоимостью более 99 млн руб. (за исключением Республики Дагестан). Большая часть средств в регионах направляется на ликвидацию несанкционированных свалок в границах городов и наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда окружающей среде (Северная Осетия, 2128,4 млн руб.), рекультивация нефтешламowych амбаров и нарушенных земель в районах размещения полигонов (Чеченская Республика, 716,8 млн руб.), вывод из эксплуатации и рекультивация I очереди хвостохранилища (Карачаево-Черкесская Республика, 699,6 млн руб.).

В Уральском федеральном округе (УФО) внимание акцентируется на развитии лесной авиации, анализе пыли в атмосферном воздухе, мониторинге качества атмосферного воздуха в целом, а также развитии туризма, создании пешеходных и экологических троп. В федеральном округе реализуется малое количество дорогостоящих контрактов: только в Свердловской области заключен 1 контракт стоимостью 163,3 млн руб. (рекультивация свалки бытовых и промышленных отходов в г. Арамиль), 2 – общей стоимостью 580,6 млн руб. (заключающиеся в выполнении работ по благоустройству Шарташского лесного парка). В Тюменской области контракты, соответствующие выбранным в исследовании критериям, не заключались.

Следует отметить, что в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) за последние 3 года не заключено ни одного контракта по направлению «Экология» в Амурской области, Приморском крае, Сахалинской области. Подавляющее большинство контрактов реализуются в ценовых группах 1-6. Дорогостоящие контракты заключены в Республике Бурятия (выполнение работ по ликвидации последствий отрицательного воздействия добычи угля на окружающую среду Холбольджинского угольного разреза и терриконов бывшей шахты Гусинозерская, 1176,7 млн руб.), Забайкальском крае (выполнение работ по рекультивации свалки твердых коммунальных отходов в г. Борзя, 594,0 млн руб.) и Республике Саха (Якутия) (ликвидация хвостохранилища Куларской золотоизвлекательной фабрики Усть-Янского улуса, 870,7 млн руб.).

Оценка результативности «зеленых» инвестиций в субъектах РФ.

Несомненно, экологическая составляющая и контроль над ее состоянием является одной из важнейших компонент обеспечения резилентности территории, при этом особенно остро этот вопрос

проявляется в части финансирования указанной области. В данном контексте немаловажным и представляющим особый интерес выступает анализ управления финансами, направляемыми на природоохранную сферу как на национальном, так и региональном уровнях в рамках инновационного подхода [177].

Ретроспективный контент-анализ понятийного аппарата, относящегося к «зеленым» инновациям, показал, что, с начала 2000-х гг. в публикациях российских ученых экологические инновации представляют приоритетное направление «зеленой» экономики. Так, Н.Н. Яшалова относит к «зеленым» инновациям «разработку и применение ресурсосберегающих технологий, создание экологически чистых продуктов, внедрение новых способов организации производства, таких как экологический менеджмент, экологический маркетинг и др.» [185]. В работе М.А. Власовой и Е.Е. Кононовой экоинновации определены как «разработка продуктов или применение таких технологических процессов, которые приводят к прямым или косвенным экологическим улучшениям» [25].

Следует отметить, что в публикациях зарубежных ученых термину «green innovation» было уделено внимание несколько раньше, в начале 90-х гг. В работах последних лет зарубежные авторы определяют экологические инновации как «стимулирование улучшений в том числе за счет реструктуризаций и инноваций, то есть поддержка инвестиций, повышающих экологическую эффективность предприятий и отраслей» [222].

Принимая во внимание вышесказанное, очевидно, что при нарастающей значимости экологических инноваций, финансирование научных разработок в области экологии, а также затраты, связанные с экологическими инновациями должны находиться на определенном (высоком) уровне.

Если обратиться к статистике внутренних затрат на научные исследования и разработки по охране окружающей среды в целом по Российской Федерации, можно проследить тенденцию роста выбранного показателя за период 2010–2021 гг. Однако, если привести показатель к уровню цен 2010 г., ситуация выглядит следующим образом: показатель демонстрирует незначительный рост до 2013 г., далее же происходит снижение затрат, направляемых на научные исследования в области природоохранной деятельности по настоящее время (рисунок 3.7).

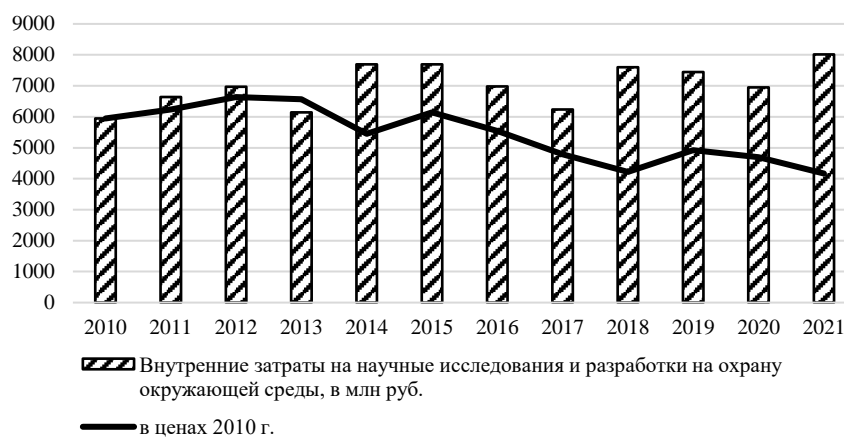

Рисунок 3.7. Внутренние затраты на научные исследования и разработки по охране окружающей среды Российской Федерации, млн руб.

Источник: составлено по данным [94].

Кроме того, доля затрат на разработки по охране окружающей среды во внутренних затратах на научные исследования и разработки по социально-экономическим целям в целом крайне невелика (0,6% на 2021 г., меньше этого значения только 0,1% у социально-экономических целей: инфраструктура и планировка городских и сельских населенных пунктов, а также сфера услуг).

Относительно регионального среза, финансирование экоинноваций можно проанализировать при помощи показателя «специальные затраты, связанные с инновациями, направленными на улучшение экологии». Согласно методическим пояснениям Росстата – это «затраты на производственно-технические и экологические мероприятия, если основной (главной) причиной их проведения является повышение экологической безопасности, улучшение или предотвращение негативного воздействия на окружающую среду» [109]. Картограмма специальных затрат, связанных с инновациями, направленными на улучшение экологии в расчете на одну организацию в разрезе субъектов РФ в 2021 г. представлена на рисунке 3.8.

Рисунок 3.8. Картограмма специальных затрат, связанных с инновациями, направленными на улучшение экологии в расчете на одну организацию в 2021 г., млн руб.

Источник: составлено по данным [94].

Самое высокое значение показателя наблюдается в регионах Сибирского и Уральского федеральных округов. При этом, у ряда регионов в 2021 г. затраты на экоинновации отсутствовали вовсе (Амурская, Архангельская, Магаданская области, Ханты-Мансийский и Ненецкий автономные округа, Республика Калмыкия, Республика Крым и др.). В Северо-Кавказском федеральном округе только у двух регионов (в Республике Дагестан и Ставропольском крае) были затраты на экологические инновации. В качестве лидеров по экоинновациям в расчете на одну организацию в разрезе федеральных округов можно выделить: Республику Коми (СЗФО), Ямало-Ненецкий автономный округ (УФО), Краснодарский край (ЮФО), Кемеровскую область (СФО), Приморский край (ДФО), Костромскую область (ЦФО), Ставропольский край (СКФО), Кировскую область (ПФО).

Оценка результативности использования общественных финансов в субъектах РФ в области охраны окружающей среды показывает в целом низкую их взаимосвязь с конечными показателями экологической сферы деятельности. Сопоставление уровня выбросов на 1 человека в регионах со средней суммой контрактов не выявило

какой бы то ни было значимой взаимосвязи между двумя показателями. Так, в регионах с высоким значением выбросов зафиксировано, что суммы контрактов варьируются в диапазоне от 1,6 млн руб. (Республика Коми) до 102,9 млн руб. (Республика Саха (Якутия)); с низким – от 1,9 млн руб. (г. Севастополь) до 241,3 млн руб. (Республика Северная Осетия – Алания)⁴. Что касается величины сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к численности населения региона, то здесь выявлена следующая зависимость: в регионах с высокой величиной сбросов средняя сумма контракта не превышает 43 млн руб., с низкой – не превышает 20 млн руб., за исключением Республики Ингушетия.

Результаты расчета суммы контрактов в расчете на 1 человека позволили выявить достаточно схожее положение субъектов, которое, однако, не является «положительным» в большинстве регионов европейской части России (рисунок 3.9).

Рисунок 3.9 Картограмма показателя «сумма контрактов в расчете на 1 человека, проживающего в регионе», тыс. руб./чел.

⁴ Если рассматривать первую и последнюю десятку упорядоченного по величине выбросов ряда регионов.

Отметим, что наилучшее положение выявлено в регионах восточной части России, где величина суммы контракта в расчете на 1 человека существенно выше.

Обобщение направлений реализации контрактов в регионах России позволило сформировать их двухуровневую структуру: первый уровень – это общие контракты, которые реализуются в каждом регионе России, второй уровень – специфические, реализуемые в нескольких регионах, либо одном из них. Контракты первой группы (таблица 3.18) ориентированы на покупку различных технических средств, автомобилей и автобусов, тракторов и вездеходов (9,8% от общей величины стоимости контрактов). Наибольшее количество подобных закупок осуществляется в регионах Приволжского федерального округа.

К общим контрактам также относятся те, которые затрагивают работу по нивелированию отрицательного влияния свалок, обработки твердых отходов (37,2% от общей стоимости контрактов и 10,6% – количества контрактов), поддержке леса и лесоводства (6,3% и 27,9% соответственно), поддержке природной и искусственной водной среды (46,5% и 22,6% соответственно), а также различные виды работ в воздушном пространстве (0,19% и 1,2% соответственно). Оценка дифференциации суммы контрактов в расчете на 1 человека по федеральным округам в разрезе общих направлений, позволила выявить, что наибольшая однородность отмечается по контрактам в сфере восстановления лесов и предотвращения лесных пожаров (7,6 раза) и работе с природными и искусственными водными объектами (8,7 раза). Наибольшая неоднородность выявлена в области работы с отходами и свалками (62,3 раза).

Во вторую группу специфических контрактов входят следующие направления. В ЦФО большую долю контрактов (61,5%) занимает реконструкция насосных станций, трубопроводов, оросительных систем и очистных сооружений, по 19,1% – оказание услуг инженерно-технического характера и услуг по рекультивации. Также во вторую группу включены ликвидация источников повышения химической опасности и создание портала по экологическому туризму.

Таблица 3.18

Количественно-качественный анализ контрактов по НП «Экология» в разрезе федеральных округов

Группа контрактов	ЦФО	СЗФО	ПФО	ЮФО	СКФО	СФО	УФО	ДФО	Всего
Общие	Покупка материально-технических средств, техники, автомобилей общего назначения								
	496,2*	358,3	1067,5	188,2	92,1	971,0	805,4	805,9	4784,6
	37	40	117	33	17	93	87	49	473
	12,8	23,9	38,3	11,5	9,2	57,5	55,4	99,6	
	Обработка твердых отходов, создание мусоросортировочного комплекса, ликвидация несанкционированных свалок								
	7716,5	378,8	499,2	1164,7	6099,8	165,4	277,2	1781,2	18082,8
	19	15	24	15	19	3	8	30	133
	198,7	25,2	17,9	70,9	610,1	9,8	19,1	220,1	
	Предотвращение и ликвидация лесных пожаров, содействие воспроизводству лесов								
	870,6	348,2	702,6	213,7	31,7	630,3	248,9	40	3086
	103	48	67	32	9	60	26	5	350
	22,4	23,2	25,2	13,0	3,2	37,3	17,1	4,9	
	Очистка русел рек и водохранилищ, реконструкция объектов водоснабжения и канализации								
	4092,4	555,3	8178,1	5276,0	1984,5	651,5	698,6	1181,2	22617,6
	44	19	49	74	39	10	12	37	284
	105,4	37,0	293,7	321,0	198,5	38,6	48,0	146,0	
	Осуществление работ в воздушном пространстве								
	16,6	-	4,9	-	-	26,9	42,2	-	90,6
	1	-	3	-	-	4	7	-	15
	0,43	0,00	0,18	0,00	0,00	1,59	2,90	0,00	
Итого:	13192,3	1640,6	10452,3	6842,6	8208,1	2445,1	2072,3	3808,3	48661,6
	204	122	260	154	84	170	140	121	1255

* первое значение – общая стоимость контрактов, млн руб.; второе значение – общее количество контрактов, ед.; третье значение – сумма контрактов в расчете на 1 человека, тыс. руб. / чел.

В СЗФО существенное внимание уделяется ликвидации накопленного вреда окружающей среде (98,9%). Также в группу специфических контрактов округа входит работа с телефонными линиями, поддержка функционирования экомобилей и др. В ПФО выделяется только 2 контракта: строительство биологических очистных сооружений (84,0%) и услуги по рекультивации (15,9%). В ЮФО 67,1% средств выделяется на покос тростниковой растительности в русле, 17,1% – подготовку под строительство, 15,8% – перебазировку каравана земснаряда. Спецификой контрактов в СКФО является финансирование работ на рудниках, рекультивации хвостохранилищ (64,0%), по обработке загрязненной почвы (33,2%), а

также работ в области строительства дорог, автомагистралей, взлетно-посадочных полос. В СФО 65,7% – это обустройство троп, работы на автодорогах и туннелях, 34,2% – изучение миграции углеводородов, геологических процессов. В УФО 93,2% контрактов нацелены на финансирование разработок экскурсионных точек и пешеходных троп. В ДФО большая часть средств направляется на ликвидацию последствий добычи угля (53,0%) и работы в рудниках (40,2%).

Выполненное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Оценка состояния финансирования экологических инноваций в регионах России показывает, что при всей важности исследуемой категории, доля затрат на научные исследования и разработки по охране окружающей среды в затратах на научные исследования и разработки по социально-экономическим целям остается на довольно низком уровне.

2. Исследование характеристик экологического пространства предопределяет необходимость изучения так называемых надпространственных факторов, воздействие которых не является локальным, а проявляется на нескольких территориях.

3. В результате анализа показателей выбросов (сбросов) в расчете на человека как характеристик неравномерности экологического пространства, выявлена значительная дифференциация региональных параметров.

4. Не выявлено прямой связи между имеющимися проблемами в области экологического развития регионов и содержанием контрактов, заключаемых на данной территории. По крайним позициям величин выбросов (сбросов) некоторая зависимость со стоимостью контрактов определена только по уровню сброса.

5. Определено, что существенное влияние на структуру и содержание региональных контрактов оказывает географическое положение, природные ресурсы и климат, а максимальные суммы контрактов зафиксированы по направлениям ликвидации последствий добычи полезных ископаемых.

6. Количественно-качественный анализ контрактов позволил выявить некую однородность по следующим позициям: подавляющее большинство контрактов реализуются в диапазоне 1-7 группы (то есть, стоимостью до 99 млн руб.); контракты стоимостью более 100 млн руб.

(группы 8-12) реализуются в регионах с высоким уровнем показателей, характеризующих их социально-экономическое развитие.

7. В целях снижения неравномерности и обеспечения однородности экологического пространства совершенствование региональной политики в области экологического развития должно осуществляться на основе учета параметров сложившихся проблем региона, оценки имеющихся ресурсов для их преодоления, выявления возможностей взаимодействия с иными субъектами.

8. Одним из направлений обеспечения экологического благополучия предлагается развитие межрегионального сотрудничества в области реализации проектов в сфере экологии и охраны окружающей среды. Это тем более важно, поскольку воздействие надпространственных факторов затрагивает не один, а несколько регионов. Для оценки надпространственных факторов требуется обновление системы мониторинга экологической среды региона с точки зрения идентификации и учета межрегиональных негативных воздействий на экологию субъектов РФ.

9. В целях снижения неравномерности и повышения однородности экологического пространства видится необходимым формирование и закрепление системы стандартов и административных регламентов по включению наиболее значимых для улучшения экологического пространства проектов в общий пул проектов в сфере защиты окружающей среды. Также в рамках данного направления необходимым представляется создание инвестиционного экологического межрегионального фонда, денежные средства которого могли бы привлекаться для финансирования значимых межтерриториальных проектов.

Таким образом, для достижения оптимального развития экологической, экономической и социальной составляющих в рамках обеспечения равномерности и однородности экологического пространства, потребуется повышение заинтересованности соответствующих стейкхолдеров в росте качества жизни населения через реализацию соответствующих экологических инициатив. Данные инициативы могут быть сформированы и реализованы совместными усилиями представителей бизнеса и общественных организаций. Весомый вклад может оказать развитие волонтерской деятельности в сфере охраны окружающей среды.

В целом стимулирование практики межрегиональных форм сотрудничества в сфере экологии, разработок и внедрения экоинноваций будет способствовать повышению результативности общественных финансов, рассматриваемой через призму процессов финансового обеспечения достижения стратегических приоритетов развития регионов.

3.4. Исследование результативности социальной политики Республики Башкортостан в условиях неопределенности

Использование региональных общественных финансов в основе своей носит социально-ориентированный характер поскольку около 70% всех расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ идет на развитие социальной сферы. В этих условиях актуальным является вопрос об исследовании результативности использования бюджетных ресурсов, направляемых на финансирование социальных проектов. В данном разделе представлены результаты апробации метода DEA применительно к оценке результативности региональных общественных финансов с позиции финансового обеспечения реализации социальной политики в различных сферах деятельности и достижения конечных показателей развития экономики в целом.

Оценка результативности расходов на здравоохранение в РБ и других регионах ПФО.

Высокая смертность и низкая ожидаемая продолжительность жизни в РФ по сравнению с развитыми странами мира является одним из значимых маркеров социального неблагополучия. В связи с этим неслучайно, что финансированию и реформированию отечественной системы здравоохранения уже довольно долгое время уделяется много внимания как на федеральном, так и на региональном уровнях. На федеральном уровне с 2018 г. реализуется национальный проект «Здравоохранение», целями которого является обеспечение устойчивого развития численности населения РФ, а также повышение продолжительности жизни населения. На региональном уровне в рамках указанного национального проекта реализуется 8 проектов, в их числе: «Развитие первичной медико-санитарной помощи», «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям», «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями», «Борьба с онкологическими

заболеваниями», «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ», «Модернизация первичного звена здравоохранения», «Развитие экспорта медицинских услуг», «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения Республики Башкортостан квалифицированными кадрами».

Проблемы здоровья населения и здравоохранения Республики Башкортостан в целом созвучны с общероссийскими показателями. До сих пор по таким параметрам как снижение смертности от болезней системы кровообращения, укомплектованность медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь, а также снижение младенческой смертности в Республике Башкортостан наблюдается отставание от целевых значений. Кроме того, вызывающей большое опасение представляется динамика материнской смертности в республике за 2012–2021 гг. (так, данный показатель на 100 тыс. родившихся живыми по данным Росстата по Республике Башкортостан за 10 лет вырос почти в 7 раз). К общим негативным тенденциям можно отнести проблему исполнения в 2022 г. бюджета национального проекта «Здравоохранение» – как по Российской Федерации в целом, так и по Республике Башкортостан в частности, бюджет нацпроекта оказался одним из наименее исполненных. При этом, % исполнения по РБ (93,6%) в целом выше среднего значения по ПФО (93,2%), но ниже среднего значения по России (93,7%).

Поиск оптимальной модели финансирования системы здравоохранения в условиях быстрого развития медицинских технологий, значительных изменений в возрастной структуре населения, а также в структуре заболеваемости и смертности является актуальной проблемой во всем мире. В связи с этим вопросам оценки эффективности расходов в сфере здравоохранения уделяется значительное внимание.

В работе [58] выделяется три аспекта оценки эффективности расходов на здравоохранение: социальная эффективность (измеряющаяся показателями общественного здоровья, такими как смертность от управляемых причин, первичный выход на инвалидность и т.д.), структурная эффективность (характеризующаяся показателями объемов оказания различных видов медицинской помощи), медико-экономическая эффективность (характеризуется показателями результативности лечения тех или иных заболеваний при применении различных методов и схем лечения). Также автор

указывает, что в здравоохранении для решения различных задач могут применяться четыре экономических метода оценки эффективности: метод минимизации затрат, метод «затраты – результативность», метод «затраты – выгода» и метод «затраты – полезность». На примере Вологодской области автором выполнена оценка затрат на здравоохранение и социальных потерь (с применением показателя «Потерянные годы потенциальной жизни», ПППЖ), а также предложен индекс «затраты – результативность» как отношение затрат к потерям (в ПППЖ), используемый как индикатор эффективности расходов.

Статья Русских Т.Н., Сироткиной Н.В., Тиняковой В.И. [131] посвящена разработке авторской методики оценки эффективности деятельности региональных систем здравоохранения, основанной на процедурах кластерного анализа и аппарате нечеткой математики. Авторы оперируют иерархической системой показателей, отражающей разные аспекты деятельности здравоохранения (в общей сложности в анализ включено около 70 показателей).

В работе Яшиной Н.И., Емельяновой О.В., Малышевой Е.С., Прончатовой-Рубцовой Н.Н. [186] также предлагается методика оценки эффективности государственного финансирования здравоохранения. Методика базируется на использовании 24 показателей, сгруппированных по следующим категориям: показатели затрат, включая показатели уровня финансирования и уровня оплаты труда медицинского персонала; показатели социального эффекта; показатели плотности сети медицинских учреждений и интенсивности их использования. Методика включает три этапа: 1) стандартизация всех показателей, 2) аддитивная свертка для получения интегрального индикатора, 3) кластеризация регионов по интегральному показателю.

В исследовании Козловой С.А. [76] также предлагается методика оценки эффективности финансирования здравоохранения, базирующаяся на 12 показателях, отражающих следующие аспекты деятельности здравоохранения: обеспеченность медицинским персоналом и расходы на его содержание; социальное развитие населения; уровень капитальных вложений; финансирование; обеспеченность материальными запасами. Интегральная оценка осуществляется с применением индексного метода.

Авксентьев Н.А., Байдин В.М., Зарубина О.А., Сисигина Н.Н., Кулькова С.А. [1] для оценки эффективности системы

здравоохранения используют методологию DEA. В указанной работе использовано три показателя результативности: младенческая смертность; ожидаемая продолжительность жизни населения мужского пола в возрасте одного года; ожидаемая продолжительность жизни населения женского пола в возрасте одного года и один индикатор ресурсной обеспеченности – подушевой финансовый норматив территориальных программ государственных гарантий (ТППГ), скорректированный на территориальные различия в уровнях цен на товары и услуги. Особенностью применения методики является корректировка на неконтролируемые факторы, выполняющаяся с применением регрессионного анализа.

Проведенный анализ показывает, что в российском научном сегменте оценка осуществляется с применением как различных методических подходов (индексный метод, аддитивная свертка, кластерный анализ, нечеткая математика, DEA), так и с применением широкой линейки показателей. Отсутствие «стандартов» говорит о том, что проблема находится в начальной стадии изучения, когда многие аспекты носят дискуссионный характер.

В предыдущей главе монографии в качестве одного из перспективных инструментов оценки результативности использования общественных финансов на региональном уровне был определен подход DEA, для реализации которого необходимо назначить входные и выходные параметры.

Выбор переменных-входов (ресурсов) и выходов (результатов) является плохо формализованной процедурой подхода DEA. В нашем расчете при выборе переменных-входов мы руководствовались экономическим подходом, согласно которому основными видами ресурсов являются трудовые, капитальные и финансовые. В качестве индикатора трудовых ресурсов мы использовали численность врачей всех специальностей на 10000 населения в 2021 г., в качестве капитальных – число больничных коек на 10000 населения в 2021 г. и мощность амбулаторно-поликлинических медицинских организаций в расчете на 10000 населения в 2021 г.; в качестве финансовых – расходы на здравоохранение за 10 лет на одного жителя (тыс. руб.), включающие средства ТФОМС и расходы консолидированного регионального бюджета на здравоохранение.

В качестве переменных-выходов были использованы следующие индикаторы здоровья населения:

- материнская выживаемость на 100000 родившихся живыми;
- младенческая выживаемость на 1000 родившихся живыми;
- выживаемость в трудоспособном возрасте на 100000 человек соответствующего возраста;
- выживаемость от болезней системы кровообращения на 100000 населения;
- выживаемость от новообразований, в том числе от злокачественных на 100000 населения.

В результате был сформирован следующий информационный массив (таблица 3.19).

Таблица 3.19

Исходные данные для расчета

Регион	Наименование показателей								
	П 1	П 2	П 3	П 4	П 5	П 6	П 7	П 8	П 9
Республика Башкортостан	163,0	44,6	78,0	271,5	99964,5	99407,8	99423,3	99835,9	994,6
Республика Марий Эл	174,7	37,0	82,1	327,3	99953,1	99373,2	99455,4	99817,5	996,1
Республика Мордовия	141,4	56,0	79,4	278,4	99905,0	99426,0	99549,4	99833,4	995,8
Республика Татарстан	161,0	44,4	64,0	241,5	99985,4	99519,5	99436,5	99824,2	996,0
Удмуртская Республика	167,2	52,3	78,0	306,6	99944,2	99418,0	99418,3	99807,0	995,7
Чувашская Республика	169,9	51,6	81,4	350,4	100000,0	99382,7	99372,6	99840,4	997,4
Нижегородская область	149,3	49,2	75,4	230,0	99948,4	99335,1	99259,5	99799,8	996,0
Кировская область	198,5	49,5	90,1	295,3	99960,9	99406,9	99171,4	99785,3	994,0
Самарская область	155,3	49,3	90,6	304,8	99996,2	99360,2	99063,1	99812,0	995,8
Оренбургская область	154,0	45,9	76,2	302,5	99911,7	99342,4	99271,1	99775,9	995,7
Пензенская область	167,4	46,1	81,2	270,7	99946,6	99398,3	99087,7	99805,9	996,3
Пермский край	158,8	49,2	74,4	270,7	99981,9	99377,1	99415,4	99806,9	995,3
Саратовская область	146,1	51,6	98,0	295,7	99885,0	99403,1	99145,8	99797,1	995,2
Ульяновская область	147,5	42,3	81,2	291,0	99899,9	99322,6	99195,0	99775,1	995,9

Примечание: П_1 – Расходы на здравоохранение, тыс. руб.; П_2 – Численность врачей, чел.; П_3 – Число больничных коек, коек; П_4 – Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену; П_5 – Материнская выживаемость, чел.; П_6 – Выживаемость в трудоспособном возрасте, чел.; П_7 – Выживаемость от болезней системы кровообращения, чел.; П_8 – Выживаемость от новообразований, чел.; П_9 – Младенческая выживаемость, чел.

Источник: [77, 126].

Результаты оценки результативности общественных финансов в области здравоохранения Республики Башкортостан и других регионов ПФО (z_j^*) приведены на рисунке 3.10.

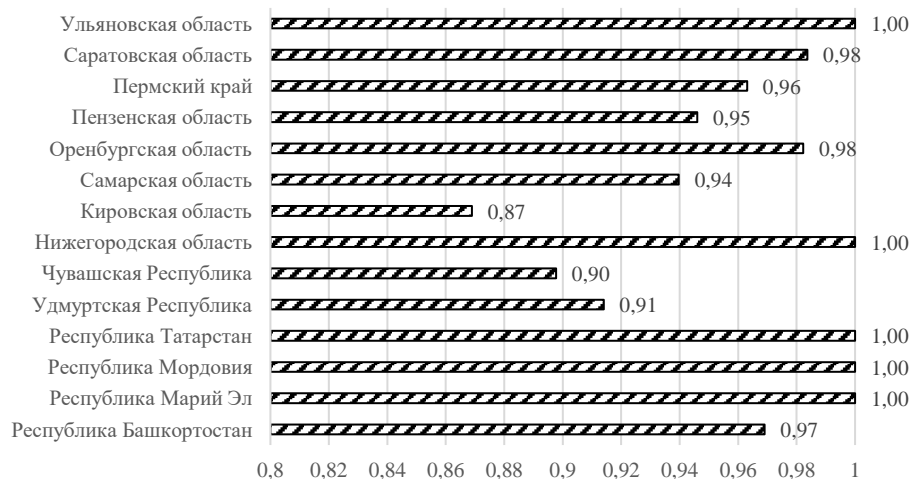

Рисунок 3.10. Оценка эффективности региональных систем здравоохранения регионов ПФО, ед.

Как видно из рисунка 3.10, наиболее результативным является расходование финансовых ресурсов в республиках Мордовия, Татарстан, Марий-Эл, а также Ульяновской, Пензенской, Нижегородской областях (показатель результативности данных регионов равен 1). Остальные регионы ПФО, включая Республику Башкортостан (показатель результативности составил 0,96), оказались недостаточно результативными (минимальный уровень результативности наблюдается в Самарской области – 0,87).

Избыточное потребление ресурсов (S_{In}^*) и недополученные результаты (S_{Out}^*) по Республике Башкортостан приведены в таблицах 3.20-3.21.

Таблица 3.20

Избыточное потребление ресурсов

Ресурс	Избыточное потребление (S_{In}^*)
Расходы на здравоохранение	0,00
Численность врачей	0,00
Число больничных коек	4,94
Мощность амбулаторно- поликлинических медицинских организаций	0,00

Как следует из таблиц 3.20-3.21, избыточное потребление имеет место по одному виду ресурсов – числу больничных коек, в то время

как недополученные результаты отмечаются по всем выходам кроме выживаемости от болезней системы кровообращения.

Таблица 3.21

Недополученные результаты

Выход	Недополученный результат (S_{out}^*)
Материнская выживаемость	52,53
Выживаемость в трудоспособном возрасте	100,35
Выживаемость от болезней системы кровообращения	0,00
Выживаемость от новообразований	32,93
Младенческая выживаемость	1,98

В качестве референтных (эталонных) с точки зрения финансирования сферы здравоохранения для Республики Башкортостан можно выделить Республику Марий Эл ($\lambda = 0,07255$), Республику Татарстан ($\lambda = 0,61903$) и Ульяновскую область ($\lambda = 0,30903$), имеющие наиболее близкое расположение границ эффективности к Республике Башкортостан. Высокий удельный вес Республики Татарстан указывает на перспективность углубленного изучения опыта этого субъекта РФ в плане управления здравоохранением для улучшения эффективности функционирования здравоохранения в Республике Башкортостан.

Реализация в Республике Башкортостан опыта лучшей практики эталонных регионов в оказании медицинских услуг позволила бы:

- достичь тех же значений выходных параметров (показателей, характеризующих конечный результат) при снижении уровня финансирования здравоохранения на 21,3% (или на 150,3 млрд руб.) в течение анализируемого периода (для справки: расходы бюджета РБ на здравоохранение (в ценах 2010 г.) в 2022 г. по сравнению с базисным годом увеличились на 11%);

- при том же уровне финансирования достичь более высоких результатов в области материнской выживаемости (+27,01 чел. на 100000 жителей), выживаемости трудоспособного населения (+92,79 чел. на 100000 жителей), выживаемости от болезней системы кровообращения (+30,45 чел. на 100000 жителей), младенческой выживаемости (+1,55 чел. на 1000 родившихся живыми).

О необходимости повышения результативности использования бюджетных средств РБ, выделяемых на здравоохранение, свидетельствуют результаты корреляционно-регрессионного анализа

расходов бюджета РБ за 2010–2022 гг., которые показывают, что увеличение расходов бюджета республики по данному направлению на 1% повышает обеспеченность врачами и средними медработниками на 10 тыс. населения только на 0,03% и на 0,002% соответственно. При этом в области образования рост расходов на 1% увеличивает обеспеченность детей дошкольного возраста местами на 1000 детей на 0,37%. Наряду с этим в качестве положительной практики в социальной сфере необходимо отметить нахождение Башкирии в 2022 г. на второй позиции в рейтинге регионов России по реализации механизмов поддержки и обеспечения доступа негосударственных организаций к бюджетным средствам. Кроме того, на протяжении последних шести лет республика продолжает обеспечивать себе лидирующие позиции среди регионов России по количеству созданных частных пансионатов для пожилых и инвалидов с применением механизмов государственно-частного партнерства.

Оценка результативности бюджетных расходов на сферы ЖКХ и жилищного строительство в РБ и других регионах ПФО.

Актуальность исследуемой темы обусловлена, как дефицитом жилья, удовлетворяющим существующие потребности населения, так и ростом непригодного для проживания жилищного фонда, износом коммунальной инфраструктуры, необходимостью благоустройства территорий при достаточно ограниченном объеме средств и низкой результативности функционирования предприятий, оказывающих жилищно-коммунальные услуги.

В условиях действия разнообразных эндогенных и экзогенных шоков, ограниченного объема средств и различного состояния сферы ЖКХ в регионах возникает потребность в повышении качества управления государственными финансами и оптимизации расходов по данному направлению. Поиск путей оптимизации использования бюджетных средств обуславливает необходимость оценки результативности отрасли, а также выбора и обоснования системы показателей для проведения анализа.

Теоретико-методологической основой послужили работы, посвященные изучению тенденций – развития сферы ЖКХ [81, 181, 233], управления [143, 166, 238], реформирования [167] и оценки результативности [75, 202, 257], влияния механизма государственно-частного партнерства на региональное развитие [29, 48] и др. Существующие подходы к оценке результативности сводятся к

сопоставлению: фактических значений показателей с предложенными эталонными [159]; уровня достижения целей по различным проектам по направлениям расходования с размером использования средств, в том числе бюджетных [75, 159]; показателей хозяйственной эффективности функционирования предприятий [52, 174, 202]; частных индикативных показателей состояния сферы ЖКХ [52, 189] в разрезе субъектов и т.д.

Отсутствие единых стандартов анализа состояния ЖКХ, разрозненность показателей существенно затрудняют объективную оценку результативности отрасли. В целях повышения результативности бюджетных расходов в сфере ЖКХ предлагается использование методического инструментария, позволяющего, с одной стороны, на основании соотношения затрат и результатов в отрасли выявить муниципалитет или регион «лучшей практики», с другой – рассчитать результативность остальных территорий относительно него, выявить резервы для улучшения их положения [93] и определить возможный уровень экономии на расходах [145]. Для оценки относительной результативности государственных расходов в сфере ЖКХ выбран метод анализа среды функционирования (далее – ДЕА), применяемый в социальной сфере [61, 145, 155, 258], сельском хозяйстве [256] и т.д.

Оценка результативности расходов в сфере ЖКХ по муниципальным образованиям и регионам с применением метода ДЕА является слабо изученным направлением [145]. Исследования зарубежных авторов направлены, в основном, на оценку результатов деятельности коммунальных предприятий [199], относительной эффективности предоставления услуг в сферах водо-, газоснабжения и канализации [199, 269, 278], операционной результативности [248] отрасли и т.д. В то же время количество публикаций отечественных авторов, анализирующих результативность расходов в сфере ЖКХ методом ДЕА, не так уж и много [145].

В этой связи данный раздел посвящен решению двуединой задачи на базе задействования метода ДЕА: во-первых, проведение оценки результативности расходов региональных бюджетов в сфере ЖКХ, в том числе по наиболее затратным подразделам – жилищного хозяйства, коммунального хозяйства и благоустройства и, во-вторых, определение возможного потенциала повышения результативности

использования бюджетных средств в сфере ЖКХ на примере регионов Приволжского федерального округа.

Проведенный анализ паспортов, реализуемых на территории Республики Башкортостан национальных и региональных проектов, показал, что в проектах предложены целевые индикаторы, но отсутствуют показатели результативности использования ресурсов, что препятствует проведению сравнительной оценки деятельности сферы ЖКХ по территориям и выявлению регионов «лучшей практики».

Применение метода DEA обусловлено необходимостью оценки результативности региональных расходов в сфере ЖКХ не по одному выбранному показателю, а по совокупности критериев, влияющих на систему. Метод позволяет оценить результативность отрасли в целом и по отдельным направлениям, а также определить потенциал оптимизации входных и выходных параметров для выхода территории на границу результативности.

В соответствии с поставленной задачей осуществлен сравнительный анализ регионов ПФО по степени результативности расходов на сферу и определены наилучшие объекты из множества исследуемых, обеспечивающие функционирование отрасли с минимальными затратами. Для проведения анализа выбрана модель с ориентацией на затраты, позволяющая определить возможный уровень сокращения расходов при достигнутом результате.

Проанализированы паспорта национального проекта «Жилье и городская среда» [106] и региональных проектов «Жилье Республики Башкортостан», «Формирование комфортной городской среды», «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда (Республика Башкортостан)» [107].

Из множества используемых в указанных программах показателей выделены следующие: уровень износа коммунальной инфраструктуры; доля аварийного жилья в общей площади всего жилищного фонда; расходы бюджета субъекта на финансирование сферы ЖКХ; обеспеченность водопроводом, канализацией, теплоснабжением, газом (на конец года; в процентах к площади квартир); доля площади зеленых насаждений в пределах городской черты к общей площади городских земель в пределах городской черты; объем вводимых объектов жилищного строительства (тыс. кв. м).

Отметим, что при выборе факторов учитывался вектор их достижимости (положительное/отрицательное значение).

На основе отобранных показателей проведена оценка состояния сфер ЖКХ и жилищного строительства Республики Башкортостан. Итак, по динамике расходов бюджета по ЖКХ в 2022 г. отмечен рост средств в 1,4 раз по сравнению с 2021 г., при этом доля расходов на ЖКХ увеличилась с 6,9% до 8,3% соответственно [147].

В 2022 г. в Республике Башкортостан за счет всех источников финансирования построено 39,6 тыс. квартир (2 место среди субъектов ПФО и 7 по РФ), что составило приблизительно 3,1 млн м² и 105,4% к результатам 2021 г. [162] (рисунок 3.11).

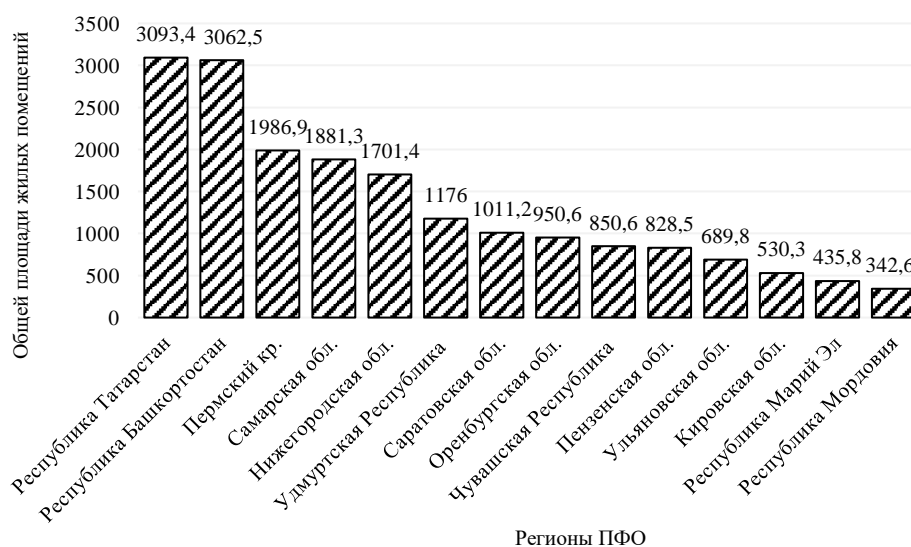

Рисунок 3.11. Ввод в действие жилых домов по регионам ПФО в 2022 г., тыс. кв. м [162]

Темпы роста жилищного строительства в сфере жилья, построенного индивидуальными застройщиками, составили 107,9%, застройщиками – юридическими лицами – 101,4% к результату 2021 г. [162] (рисунок 3.12).

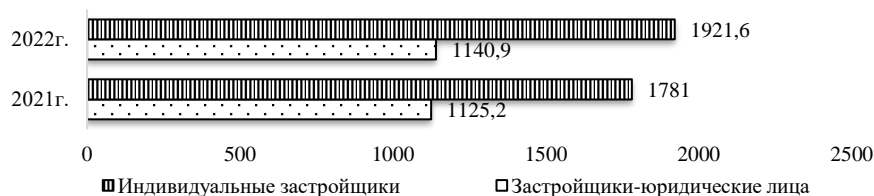

Рисунок 3.12. Ввод в действие жилых домов в Республике Башкортостан в 2021–2022 гг., тыс. кв. м

Несмотря на увеличение объема возводимых объектов жилищного строительства в 1,1 раз и расходов на ЖКХ в 1,4 раза в 2022 г. по сравнению с 2021 г. [162], установлен рост доли аварийного жилья. При том, что плановые показатели по переселению граждан из таких помещений за 2023 г. перевыполнены в 1,6 раза [161], сохраняются низкие темпы его сноса [179].

Наряду с этим в регионе в 2021–2022 гг. отмечается достаточно высокая степень износа коммунальной инфраструктуры на уровне 54,2% и 54% [161] соответственно. Кроме того, при современном интенсивном строительстве одной из актуальных проблем является сокращение площади зеленых насаждений [79]. В Республике Башкортостан в 2021–2022 гг. наблюдается рост доли площади зеленых насаждений на 6% до уровня 42,4% [126], однако в ряде других регионов ПФО (Республика Мордовия, Саратовская обл.), наоборот, происходит сокращение. В целях дальнейшего формирования комфортной и безопасной среды, обеспечения экологического благополучия населения требуется реализация природоохранных программ и проектов, содействующих комплексному благоустройству территорий и увеличению площади зеленых насаждений.

Указанные тенденции сопровождаются постепенным снижением площади жилищного фонда, обеспеченного водопроводом, отоплением и газом в 1,1 раз по сравнению с данными 2021 г. [126] (рисунок 3.13). При этом необходимо отметить, что в целом по регионам ПФО отмечается сокращение общей площади, оборудованной отоплением и газом (Пермский кр., Самарская обл., Саратовская обл., Чувашия, Мордовия и др.) [126].

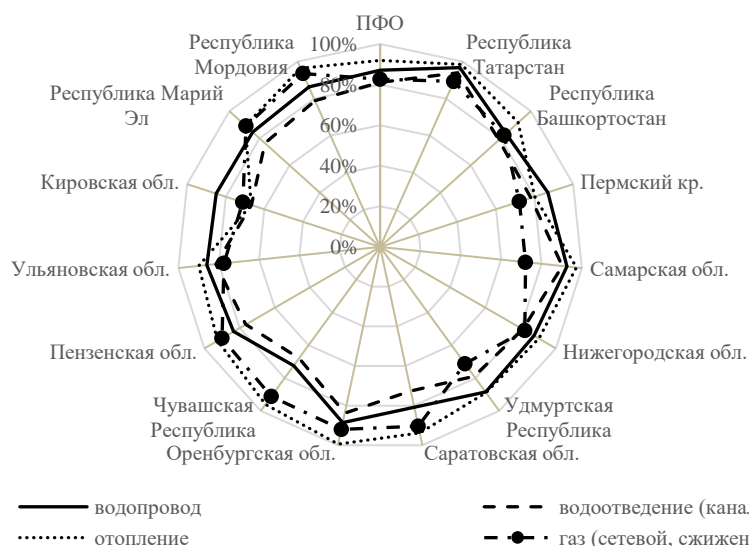

Рисунок 3.13. Удельный вес общей площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом, водоотведением (канализацией), отоплением и газом на конец 2022 г. по регионам ПФО, % [126]

Таким образом, несмотря на рост расходов региональной бюджетной системы по отрасли, выявлены проблемы, отражающие различные аспекты функционирования и состояния ЖКХ. В условиях ухудшения бюджетной сбалансированности [145] и ограниченного объема средств в сфере ЖКХ обуславливается целесообразность повышения результативности их использования.

На основе ранее отобранных показателей осуществлена оценка результативности расходов в ЖКХ по регионам ПФО методом DEA. Построение модели осуществлено в ПО DEAFrontier. Для оценки затрат (входная переменная) использованы данные консолидированных региональных бюджетов за 2022 г. по разделам/подразделам функциональной классификации.

Выходными параметрами для сферы жилищного хозяйства являются показатели, увеличение значений которых свидетельствует об ухудшении ситуации: доля аварийного жилья, уровень износа коммунальной инфраструктуры, что обуславливает необходимость инвестирования данных. Таким образом, наибольшее значение будет демонстрировать наилучший результат. Существующие

межрегиональные различия в стоимости строительства обуславливают необходимость корректировки ежегодных расходов по направлению жилищного хозяйства на стоимость 1 кв. м строительства [145, 161]. Выходными параметрами для сферы коммунального хозяйства являются показатели: обеспеченность водопроводом, канализацией, теплоснабжением, газом, для сферы благоустройства – доля площади зеленых насаждений. Для учета масштаба регионов расходы по указанным сферам приведены на душу населения.

Таблица 3.22

Результативность бюджетных расходов в 2022 г.

Регионы ПФО	Результативность (R)			
	ЖКХ в целом	Жилищное хозяйство	Коммунальное хозяйство	Благоустройство
Республика Башкортостан	0,324	0,158	0,183	0,701
Республика Марий Эл	0,912	0,178	0,207	0,466
Республика Мордовия	0,933	0,230	0,227	0,432
Республика Татарстан	0,257	0,114	0,321	0,150
Удмуртская Республика	1	0,422	0,266	1
Чувашская Республика	0,812	1	0,200	0,551
Пермский край	0,443	0,065	0,379	0,640
Кировская область	0,681	0,123	0,252	0,787
Нижегородская область	0,256	0,053	0,250	0,431
Оренбургская область	0,512	0,137	0,365	0,328
Пензенская область	1	0,311	0,487	0,850
Самарская область	0,207	0,029	0,575	0,441
Саратовская область	0,321	0,087	0,546	0,258
Ульяновская область	0,806	0,258	1	0,267

В результате анализа выявлены регионы ПФО, которые формируют границу результативности по предоставлению услуг ЖКХ, и территории относительно данной границы (таблица 3.22).

К группе регионов-лидеров, находящихся на границе результативности ($R=1$) и выступающих в качестве ориентиров для других территорий, отнесены Удмуртская Республика и Пензенская область. К группе результативных территорий по предоставлению услуг в сфере жилищного хозяйства отнесена Чувашская Республика, коммунального хозяйства – Ульяновская область, благоустройства – Удмуртская Республика. В группу нерезультативных территорий ($R<1$) по предоставлению услуг в сфере ЖКХ, находящихся относительно границы результативности, включены 12 регионов.

В соответствии с полученными данными выявлен потенциал оптимизации использования бюджетных средств (таблица 3.23).

Таблица 3.23

Потенциал снижения бюджетных расходов в 2022 г.

Регионы ПФО	Потенциал снижения затрат			
	ЖКХ в целом, %	Жилищное хозяйство, %	Коммунальное хозяйство, %	Благоустройство, %
Республика Башкортостан	67,6	84,2	81,7	29,9
Республика Марий Эл	8,8	82,2	79,3	53,4
Республика Мордовия	6,7	77,0	77,3	56,8
Республика Татарстан	74,3	88,6	67,9	85,0
Удмуртская Республика	0	57,8	73,4	0
Чувашская Республика	18,8	0	80,0	44,9
Пермский край	55,7	93,5	62,1	36,0
Кировская область	31,9	87,7	74,8	21,3
Нижегородская область	74,4	94,7	75,0	56,9
Оренбургская область	48,8	86,3	63,5	67,2
Пензенская область	0	68,9	51,3	15,0
Самарская область	79,3	97,1	42,5	55,9
Саратовская область	67,9	91,3	45,4	74,2
Ульяновская область	19,4	74,2	0	73,3

Наибольший потенциал снижения затрат отметим в следующих регионах ПФО – Самарская, Нижегородская, Саратовская области, Республики Татарстан и Башкортостан. В свою очередь, результативные по направлениям предоставления услуг ЖКХ регионы ($R=1$) не имеют возможности экономить на затратах, то есть потенциал снижения их расходов составляет 0%. Однако при возможном увеличении входной ресурсной базы способны увеличить и выходные результаты.

В то же время, нерезультативные по направлениям предоставления услуг ЖКХ регионы ($R<1$) потенциально способны снизить входные затраты при сохранении выходных параметров на достигнутом уровне. Иными словами, для таких территорий демонстрируется возможность достижения ими уровня результативных при экономии затрат и использования опыта регионов «лучшей практики». В целом по сфере ЖКХ нерезультативные регионы имеют потенциал снижения затрат в размере более 80 млрд руб. в ценах 2022 г. Экономия по наиболее затратным подразделам жилищного хозяйства, коммунального хозяйства и благоустройства по регионам ПФО возможна в размере

6,6 млрд руб., 14,6 млрд руб. и 32,8 млрд руб. соответственно. Наибольший потенциал снижения затрат в сфере жилищного хозяйства у Самарской и Нижегородской областей, в сфере коммунального хозяйства – Республики Башкортостан, благоустройства – Республики Татарстан (приложение Б).

При сравнении полученных результатов с результатами работ отечественных и зарубежных авторов [145, 189, 202] отметим следующее. Во-первых, частичное совпадение перечня результативных (Пензенская область, Удмуртская Республика) и нерезультативных (Республика Татарстан) регионов ПФО [145]. В то же время выявлены и отличия, что обусловлено использованием в данном исследовании расширенного списка выходных параметров по сферам жилищного хозяйства, коммунального хозяйства и благоустройства. Предложенная система показателей не является окончательной и будет дополняться в последующих исследованиях. Во-вторых, авторы также указывают на потенциал экономии расходов в сфере ЖКХ и оптимизацию распределения средств нерезультативных территорий для достижения аналогичного выходного результата.

Таким образом, полученные результаты подтверждают общий аргумент о том, что в условиях действия шоков и ограниченного объема средств применение метода DEA на региональном уровне при оценке результативности бюджетных расходов в сфере ЖКХ имеет практическую значимость, поскольку позволяет выявлять нерезультативно функционирующие территории, потенциал возможного сокращения их затрат в условиях ограниченного объема средств, что будет способствовать формированию необходимой информационной основы для своевременного принятия управленческих решений по повышению результативности общественных финансов в данной сфере.

Для приближения нерезультативно функционирующих территорий к границе результативных рекомендуется реализация следующих мероприятий.

Во-первых, в целях повышения уровня качества предоставляемых услуг при достаточно ограниченном объеме бюджетных средств нерезультативных регионов в сфере ЖКХ, необходима оптимизация их использования, подразумевающая контроль распределения ресурсов, выбор приоритетных направлений и своевременное принятие управленческих решений в соответствии с выявленными

потребностями в сферах жилищного хозяйства, коммунального хозяйства и благоустройства.

Во-вторых, для повышения результативности использования бюджетных средств требуется разработка стратегии дальнейшего развития отрасли с учетом существующих проблем и заимствование опыта регионов «лучшей практики».

В-третьих, в условиях ограниченного объема бюджетных средств нерезультативных регионов необходимо привлечение институтов развития к содействию в строительстве и реконструкции объектов жилищной и коммунальной инфраструктуры с использованием концессионных соглашений или механизма государственно-частного партнерства.

Реализация вышеперечисленных направлений будет способствовать повышению качества предоставляемых услуг в сфере ЖКХ и результативности использования общественных финансов в регионах.

Оценка социально-экономических и бюджетных эффектов от введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения на примере РБ и других регионов ПФО.

Наличие серьезных экономических и социальных проблем функционирования российского общества, таких как острая нехватка финансовых ресурсов, отсутствие эффективного платежеспособного спроса населения, санкционная политика Запада в отношении страны, значительные масштабы неравенства доходов и растущая проблема бедности определяют актуальность использования резервов фискальных инструментов в решении данных проблем и, в частности, введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения. Ранее в разделе 2.2 были предложены основные параметры системы прогрессивного подоходного налогообложения: ставки подоходного налога, границы налогообложения, дано их математическое обоснование с учетом социальных и связанных с ними экономических проблем для достижения системного социально-экономического эффекта [41]. На их основе в данном разделе представлены результаты оценки возможного экономического, бюджетного и социального эффектов, получаемых в случае введения предлагаемой прогрессивной шкалы подоходного налога на примере регионов ПФО.

Для оценки возможного экономического эффекта введения прогрессивной шкалы на региональном уровне в исследовании была

использована система показателей, которая позволяет оценить изменение результатов экономической деятельности до и после реализации рассматриваемых мер фискальной политики: оборот организаций, оборот розничной торговли, объем отгруженных товаров, финансовый результат организаций (таблица 3.24). Для оценки общего экономического эффекта используем интегральный индекс (формула 3.4):

$$I_e = \frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n}, \quad (3.4)$$

где I_e – интегральный индекс региона, x_i – i -ый показатель, n – количество показателей.

Таблица 3.24

Экономический эффект от введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения по данным 2021 г. (в ценах 2023 г.)

	Рост оборота организаций (%)	Рост оборота розничной торговли (%)	Рост объема отгруженных товаров (%)	I_e
Чувашская Республика	1,80	3,34	2,37	2,50
Республика Мордовия	1,27	4,42	1,66	2,45
Республика Марий Эл	1,58	3,45	1,89	2,31
Пензенская область	1,23	2,89	2,10	2,07
Ульяновская область	1,33	3,03	1,72	2,03
Саратовская область	1,35	2,98	1,70	2,01
Кировская область	1,62	2,75	1,58	1,98
Удмуртская Республика	0,79	2,64	0,90	1,44
Оренбургская область	0,62	2,50	0,73	1,28
Республика Башкортостан	0,50	1,77	0,85	1,04
Самарская область	0,43	1,82	0,66	0,97
Нижегородская область	0,35	1,52	0,81	0,89
Пермский край	0,43	1,54	0,51	0,83
Республика Татарстан	0,24	1,32	0,35	0,63

Расчитано автором по [161].

Проводя анализ полученных результатов, можно отметить, что наибольший экономический эффект от введения прогрессивной шкалы налогов на доходы физических лиц (НДФЛ) получают регионы изначально имеющие более низкие экономические показатели. Это определяется, главным образом, тем, что в результате введения минимального необлагаемого уровня дохода по НДФЛ в данных регионах может высвободиться значительный объем денежных

ресурсов низкодоходных групп населения, которые являются потенциальными потребителями продукции отечественных отраслей, что вызывает наибольший рост рассматриваемых экономических показателей. К таким регионам относятся Чувашская Республика, Республики Мордовия и Марий Эл. Несмотря на то, что в абсолютном выражении прирост показателей у данных регионов ниже, чем в других регионах ПФО (рисунок 3.14), эти регионы получают наибольший относительный эффект.

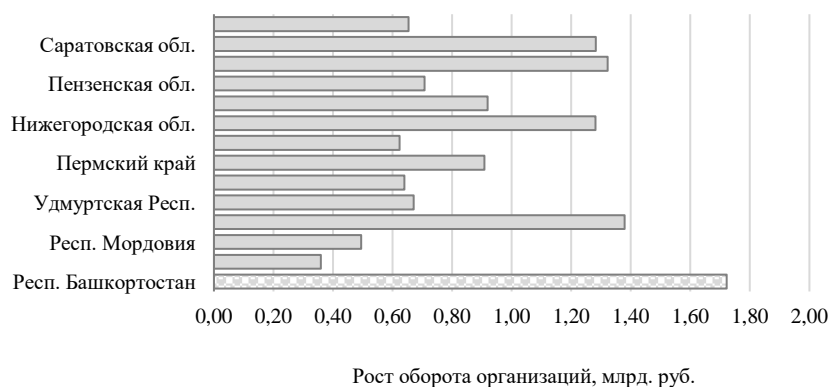

Рисунок 3.14. Рост оборота организаций в результате введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения по данным 2021 г. (в ценах 2023 г.), руб.

Рассчитано и составлено автором по [161].

Наибольший рост финансового результата организаций в абсолютном выражении, по расчетам, потенциально возможен у следующих регионов ПФО: Самарской области (214,16 млн руб.), Республики Татарстан (176,5 млн руб.), Пермского края (166,73 млн руб.) и Республики Башкортостан (166,24 млн руб.). Это связано, на наш взгляд, с более высоким развитием данных регионов и более значительными возможностями получения дополнительных объемов прибыли организаций. Наименьший эффект, по расчетам, получает Республика Марий Эл с 21,28 млн руб. дополнительного финансового дохода организаций.

Наиболее существенный эффект введение прогрессивной шкалы подоходного налогообложения оказывает на социальную сферу. Возможный перераспределительный фискальный социальный эффект

применения прогрессивной шкалы определяется сокращением социально-экономической дифференциации населения и выражается в изменении следующих социальных показателей регионов ПФО: снижении оценочных показателей дифференциации доходов – коэффициента фондов и индекса Джини (по данным апреля 2023 г.) (таблица 3.25, 3.26).

Таблица 3.25

Изменение социально-экономической дифференциации трудовых доходов в результате применения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения по данным апреля 2023 г.

	Коэффициент фондов		Снижение коэффициента фондов (%)
	до введения прогрессивной шкалы	с учетом введения прогрессивной шкалы	
Приволжский федеральный округ	8,7	7,4	14,4
Республика Башкортостан	8,2	7,1	13,5
Республика Марий Эл	7,5	6,3	15,7
Республика Мордовия	6,6	5,8	12,2
Республика Татарстан	9,2	8,2	11,2
Удмуртская Республика	7,5	6,4	14,5
Чувашская Республика	7,5	6,3	15,5
Пермский край	8,6	7,6	11,2
Кировская область	7,2	6,1	15,1
Нижегородская область	9,7	8,6	11,8
Оренбургская область	7,8	6,7	14,6
Пензенская область	7,3	6,2	15,6
Самарская область	8,8	7,8	11,6
Саратовская область	8,3	7,1	14,9
Ульяновская область	8,4	7,1	15,0

Рассчитано автором по [161].

Полученные данные показывают, что наибольший перераспределительный эффект прогрессивная шкала оказывает на регионы, где изначально имеется низкий уровень дифференциации доходов, что связано с большей долей низкодоходных слоев населения в общей численности населения – с доходами ниже минимального потребительского бюджета, ниже средней заработной платы, а также низким общим средним уровнем доходов. К таким регионам относятся Республика Марий Эл, Пензенская область, Чувашская Республика, Кировская область.

Таблица 3.26

Изменение индекса Джини в результате применения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения по данным апреля 2023 г.

	Индекс Джини		Снижение индекса Джини (%)
	до введения прогрессивной шкалы	с учетом введения прогрессивной шкалы	
Приволжский Федеральный округ	0,312	0,291	6,73
Республика Башкортостан	0,314	0,292	7,01
Республика Марий Эл	0,301	0,276	8,31
Республика Мордовия	0,280	0,265	5,36
Республика Татарстан	0,320	0,305	4,69
Удмуртская Республика	0,294	0,269	8,50
Чувашская Республика	0,296	0,273	7,77
Пермский край	0,310	0,295	4,84
Кировская область	0,289	0,265	8,30
Нижегородская область	0,327	0,311	4,89
Оренбургская область	0,306	0,282	7,84
Пензенская область	0,294	0,268	8,84
Самарская область	0,310	0,295	4,84
Саратовская область	0,310	0,284	8,39
Ульяновская область	0,312	0,286	8,33

Рассчитано автором по [161].

В то же время даже в регионах с менее выраженным снижением дифференциации доходов (например, в Республике Башкортостан) в результате введения прогрессивной шкалы налогообложения происходит сохранение трудового дохода не только первой низкодоходной группы, но и относительное увеличение совокупной оплаты труда высокодоходной группы (таблица 3.27).

Таблица 3.27

Неравенство доходов до и после введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения по Республике Башкортостан

Доходы (заработная плата)	Десятипроцентные группы работников	
	первая	десятая
Доход группы до налогообложения, млн руб.	1 234,85	10 158,74
Доход группы при 13%-15% налоге, млн руб.	1 074,32	8 838,1
Величина налога группы при прогрессивном налогообложении, млн руб.	0	991,39
Доход после прогрессивного налогообложения, млн руб.	1 234,85	9 167,35

Источник: рассчитано и составлено автором по [160, 161].

Совокупный интегральный индекс (I) рассчитаем на основе интегральных индексов, учитывающих эффект, оказываемых перераспределительным фискальным механизмом на экономические (I_{enpriv} – приведенный интегральный индекс I_e) и социальные показатели (I_{spriv} – приведенный интегральный индекс) (таблица 3.28).

Таблица 3.28

Интегральный показатель влияния мер налоговой политики

	I_{enpriv}	I_{spriv}	I
Чувашская Республика	11,15	7,91	9,53
Республика Марий Эл	10,30	8,24	9,27
Пензенская область	9,23	8,47	8,85
Ульяновская область	9,05	8,07	8,56
Саратовская область	8,96	8,06	8,51
Кировская область	8,83	8,08	8,46
Республика Мордовия	10,92	5,85	8,39
Удмуртская Республика	6,42	8,01	7,22
Оренбургская область	5,71	7,71	6,71
Республика Башкортостан	4,64	7,01	5,83
Самарская область	4,32	5,44	4,88
Нижегородская область	3,97	5,50	4,74
Пермский край	3,70	5,33	4,51
Республика Татарстан	2,81	5,26	4,04

Сгруппируем все регионы ПФО по показателю интегрального индекса в зависимости от оказываемого социального и экономического эффекта перераспределительного фискального механизма (рисунок 3.15):

I группа: регионы, получающие наибольший социально-экономический эффект (величина индекса от 8,29 до 9,53) – 7 регионов: Чувашская Республика, Республика Марий Эл, Пензенская область, Ульяновская область, Саратовская область, Кировская область, Республика Мордовия;

II группа: регионы, имеющие средний показатель интегрального индекса (от 5,92 до 8,28) – 2 региона: Удмуртская Республика, Оренбургская область;

III группа: регионы, получающие наименьший относительный эффект (величина индекса от 4,04 до 5,91) – 5 регионов: Республика Башкортостан, Самарская область, Нижегородская область, Пермский край, Республика Татарстан.

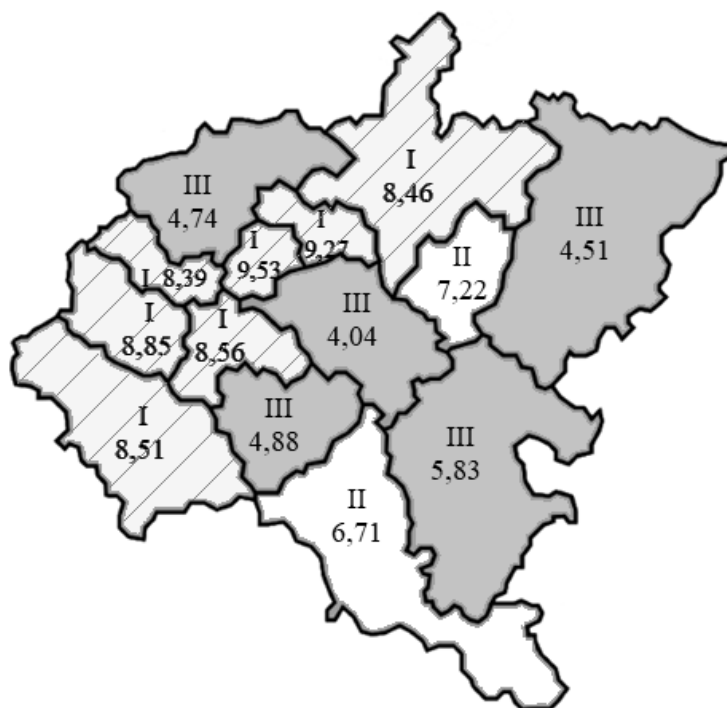

Рисунок 3.15. Картограмма регионов ПФО по уровню оказываемого социально-экономического эффекта

Бюджетный эффект перераспределительного фискального механизма НДСЛ в регионах ПФО в условиях 2023 г. выражается в изменении следующих показателей:

1. Положительный бюджетный эффект:
 - рост налога на прибыль и налогов по упрощенной системе налогообложения (рисунок 3.16).
2. Отрицательный бюджетный эффект (выпадающие налоговые доходы):
 - сокращение совокупного объема НДСЛ, поступающего в консолидированный бюджет регионов (таблица 3.29);
 - рост затрат на дополнительный налоговый контроль за уплатой налогов на отдельные группы населения.

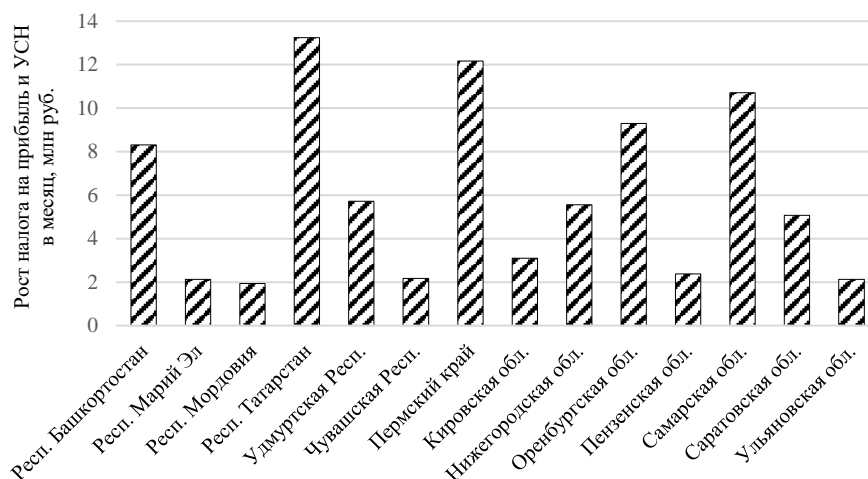

Рисунок 3.16. Изменение налога на прибыль и налога по УСН в результате введения прогрессивной шкалы подоходного налогообложения по данным 2021 г., млн руб.

Рассчитано и составлено автором по [160].

В результате, возможный объем выпадающих доходов по НДФЛ в целом по регионам ПФО составляет 94227,04 млн руб. Поскольку в результате введения перераспределительного фискального механизма происходит отклонение поступлений НДФЛ в региональные бюджеты от среднероссийского уровня налогового дохода по НДФЛ (в зависимости от региона отклонение имеет положительную или отрицательную величину, но в целом по стране общий объем НДФЛ не меняется), одним из актуальных направлений совершенствования механизма подоходного налогообложения в рамках разработанной модели является первоначальная централизованная аккумуляция доходов по НДФЛ с последующим перераспределением аккумулируемых в федеральном бюджете поступлений между бюджетами субъектов РФ. В результате такого выравнивания налоговых доходов по НДФЛ, поступление в консолидированные бюджеты регионов ПФО составит в совокупности величину выпадающих доходов – 94227,04 млн руб.

Таблица 3.29

Выпадающие доходы по НДФЛ по данным 2021 г.

Наименование региона	Недополученный НДФЛ, млн руб.	Выпадающие доходы, %
Республика Башкортостан	9013,39	13,4
Республика Марий Эл	3631,84	36,4
Республика Мордовия	4887,19	42,4
Республика Татарстан	2276,54	2,3
Удмуртская Республика	7354,69	25,4
Чувашская Республика	5460,63	33,1
Пермский край	6913,03	12,1
Кировская область	6976,46	33,4
Нижегородская область	5498,41	6,6
Оренбургская область	8307,48	25,0
Пензенская область	6922,63	35,6
Самарская область	10616,00	14,6
Саратовская область	10909,31	27,7
Ульяновская область	5459,44	27,6

Рассчитано автором по [160].

Произведенный анализ позволяет выделить основные факторы, определяющие соответствующее влияние перераспределительного фискального механизма на социально-экономические показатели регионов. По нашей оценке, ключевым детерминантом является первоначальный уровень социально-экономического развития региона и, в частности, уровень доходов населения. По нашей гипотезе, чем ниже уровень социально-экономического развития региона, тем значительнее оказываемый эффект от введения прогрессивной шкалы налогообложения. Рассмотрим данное теоретическое положение с помощью методов регрессионного анализа на примере изменения социальной дифференциации доходов населения в зависимости от среднемесячной заработной платы (рисунок 3.17). Результаты регрессии показывают, что существует обратная связь ($R^2 = 0,5729$) между уровнем среднемесячной заработной платы в регионе и изменением социально-экономической дифференциации доходов, на основании чего можно сказать, что уровень доходов является одним из факторов, определяющих величину социального эффекта.

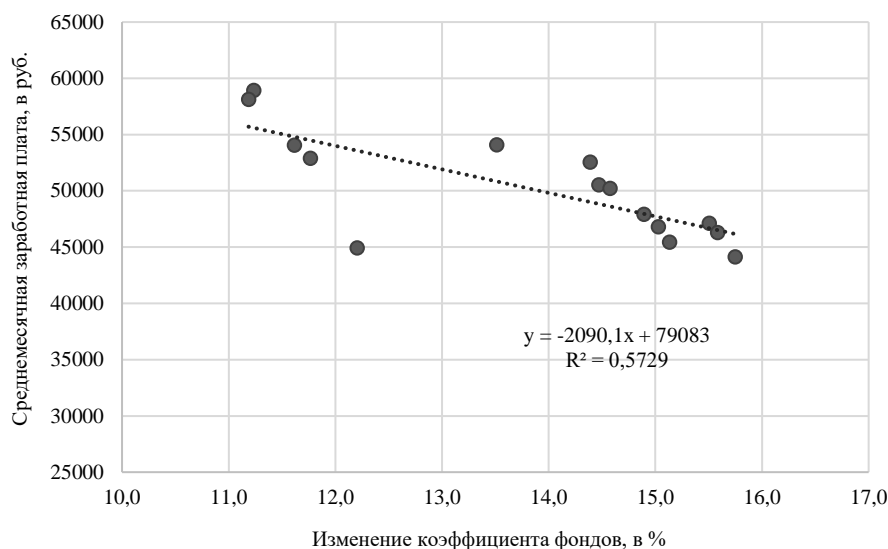

Рисунок 3.17. Корреляционное поле коэффициента фондов и среднемесячной заработной платы по данным регионов ПФО, 2023 г., %

Рассчитано и построено автором по [161].

Таким образом, применение прогрессивной шкалы подоходного налогообложения в России может дать положительный социальный и экономический эффект, а также неснижающийся уровень поступлений в консолидированный бюджет субъектов РФ с учетом перераспределения и выравнивания полученных регионами налоговых доходов по НДФЛ (показано на примере РБ на рисунке 3.18).

При этом полностью освобождаются от уплаты подоходного налога низкодоходная группа населения, расходы которой потенциально ориентированы на продукцию отечественных отраслей, снижается налоговая нагрузка на группу населения со средними доходами, что способствует активизации предпринимательского потенциала, сберегательной и инвестиционной активности. Сокращение налоговой нагрузки на низкодоходные и среднедоходные группы населения происходит за счет роста налоговой нагрузки на высокодоходную группу и группу со сверхдоходами.

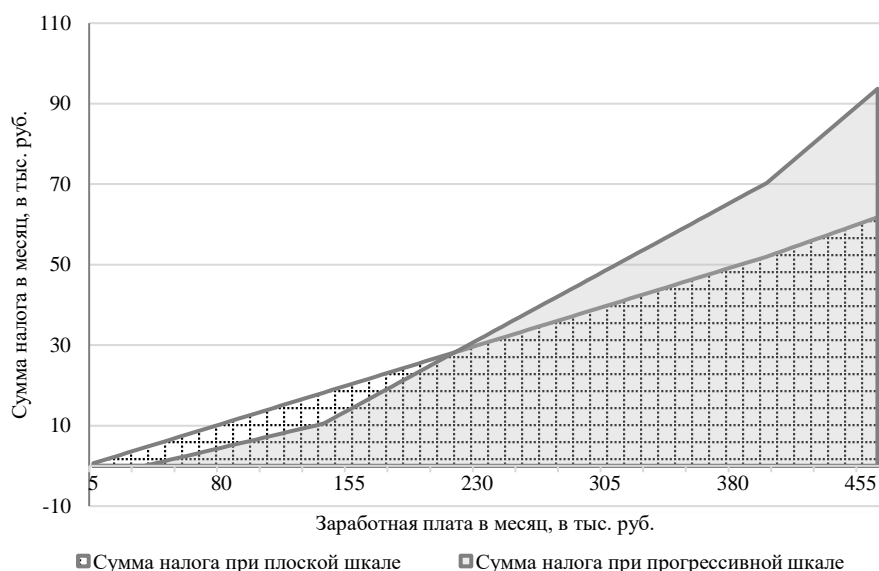

Рисунок 3.18. Совокупные налоговые доходы при плоской и прогрессивной шкале подоходного налогообложения по Республике Башкортостан (апрель 2023 г.), тыс. руб.

Совершенствование подоходного налогообложения также может осуществляться в направлении усиления налоговой нагрузки на доходы от рентных отраслей и дополнительное налогообложение природной и финансовой ренты; усиления мер налогового администрирования и контроля за уплатой налогов, в частности сверхдоходов; совершенствование направлений налоговой политики в условиях финансовой нестабильности [99]; применение инструментария и технологий моделирования налоговых систем и механизмов регионального и муниципального уровней [35, 68].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография подготовлена по итогам промежуточного этапа научных разработок, выполненных в рамках плановой НИР по теме «Результативность использования общественных финансов региона» (раздел «Инструментальные средства оценки результативности использования общественных финансов субъектов Российской Федерации»). По итогам исследования получены следующие научные результаты:

1. На базе анализа существующих подходов к оценке результативности общественных финансов субъектов РФ выявлены недостатки (проблемы), присущие системе управления территориальными общественными финансами в контексте оценки результативности их использования в современных условиях санкционного давления и взаимовязанности с показателями, характеризующими достижение стратегических приоритетов социально-экономического развития регионов. В числе основных проблем выявлены: терминологическая неопределенность понятия «результативность» в нормативно-правовом поле и его смешение с другими понятиями, низкое качество целеполагания при разработке программных документов субъектов РФ и, как следствие, превалирование формального подхода к оценке результативности показателей их реализации без учета влияния на устойчивость социально-экономического развития и др.

2. Проанализирован опыт лучшей практики субъектов РФ в достижении высокого уровня результативности использования общественных финансов в различных сферах деятельности. Выявлено, что в области оказания государственной поддержки субъектов МСП, а также предприятий промышленного сектора наиболее высокая результативность общественных финансов наблюдается в экономически сильных регионах, имеющих более значительную по сравнению с другими регионами внутреннюю финансовую основу (удельные показатели бюджетной обеспеченности, добавленной стоимости, объемов кредитования субъектов МСП и промышленных предприятий региона банковским сектором) для оказания поддержки экономики территории в достижении стратегических приоритетов. Сделан вывод о необходимости обеспечения роста доходного

потенциала региона как фактора повышения результативности использования его общественных финансов.

3. В целях совершенствования инструментальных средств оценки результативности использования общественных финансов субъектов РФ предложено использовать инструментарий на базе метода DEA (Data envelopment analysis – метод анализа среды функционирования), позволяющий, в отличие от существующих методов, во-первых, обеспечить учет факторов, оценивающих результативность общественных финансов с точки зрения их влияния на достижение приоритетов территориального развития в различных сферах деятельности по схеме «вход (ресурсы) – выход (результат)», во-вторых, выявить регионы лучшей практики и определить потенциал повышения результативности использования общественных финансов в Республике Башкортостан и других субъектах РФ.

4. В рамках совершенствования направлений развития налоговых механизмов как фактора обеспечения устойчивости развития территории и повышения результативности ее общественных финансов разработан обновленный инструментарий оценки влияния прогрессивности подоходного налогообложения на экономику региона, в отличие от существующих, учитывающий степень налогообложения низкодоходных групп населения. Апробация предложенного инструмента на примере РБ и других регионов ПФО показала возможность получения положительного экономического, социального и бюджетного эффекта для региональной экономики при введении прогрессивной шкалы подоходного налогообложения, что с учетом соблюдения условия о сохранении налоговых поступлений на прежнем уровне будет свидетельствовать о повышении результативности общественных финансов в целом.

5. По результатам проведенной на основе метода DEA оценки результативности использования общественных финансов регионов ПФО выявлены потенциальные направления повышения результативности общественных финансов Республики Башкортостан в разрезе различных сфер социально-экономического развития региона (промышленность, МСП, здравоохранение, ЖКХ, охрана окружающей среды, АПК, налогообложение). В рамках выявленных направлений сформулированы рекомендации по повышению результативности государственной финансовой поддержки секторов экономики Республики Башкортостан в области:

- расширения практики задействования инструментов привлечения инвестиций в промышленность, в т.ч. для ответственного бюджетного инвестирования в регионах (офсетные контракты (государственный заказ), соглашения о защите и поощрении капиталовложений, специальные инвестиционные контракты, развитие механизма государственных гарантий субъектов РФ);

- государственной поддержки агропромышленного комплекса (развитие кооперационных связей в АПК, совершенствование механизма ценообразования на рынке продаж сельхозпродукции с позиции минимизации торговых посреднических услуг);

- государственной поддержки развития малого и среднего предпринимательства (развитие онлайн-сектора продаж продукции субъектов МСП, развертывание комплексной системы поддержки быстрорастущих высокотехнологичных промышленных предприятий и малых технологических компаний);

- стимулирования внедрения ESG-принципов в деятельность компаний, в т.ч на основе развития межрегионального сотрудничества в сфере экологии и охраны окружающей среды, обновления системы мониторинга экологической среды региона, создания инвестиционного экологического межрегионального фонда;

- государственной поддержки социальной сферы (в здравоохранении – увеличение объемов финансирования мер, направленных на повышение материнской, младенческой выживаемости и др.; в ЖКХ – привлечение институтов развития к содействию в строительстве и реконструкции объектов жилищной и коммунальной инфраструктуры с использованием концессионных соглашений или механизма государственно-частного партнерства);

- совершенствования режимов налогообложения доходов и имущества населения (введение прогрессивной шкалы НДФЛ, учет бюджетной, динамической, социальной и инвестиционной составляющей при оценке результативности общественных финансов).

Практическая значимость полученных результатов исследования заключается в возможности их использования в практике территориального управления в области оценки результативности общественных финансов, что будет способствовать достижению стратегических приоритетов социально-экономического развития региона и повышению качества жизни населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авксентьев Н.А., Байдин В.М., Зарубина О.А., Сисигина Н.Н., Кулькова С.А. Оценка эффективности региональных расходов на здравоохранение в России // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. – 2015. – Т. 8. – № 4. – С. 10-20.
2. Азаматов Д.М., Заплата О.А. Экологическое пространство как категория факторов регулирования социально-производственных отношений в контексте социальной философии // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10-10. – С. 2355-2361.
3. Александр Исаевич: Благодаря донастройке за два года число МСП-получателей кредитов с господдержкой выросло более чем в три раза – до 130 тысяч / Сайт Корпорации МСП. – URL: https://corpmsp.ru/pres_slujba/news/aleksandr_isaevich_blagodarya_donas_troyke_za_dva_goda_chislo_msp_poluchateley_kreditov_s_gospodderzh/.
4. Алимова Т.А. Государственная политика в сфере предпринимательства: выученные и невыученные уроки // Модернизация экономики и общественное развитие: Материалы VIII Международной научной конференции. Кн. 2. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. – С. 342-351.
5. Алтуфьева Т.Ю. Повышение значимости соответствия экономики субъектов РФ ESG-стандартам в условиях санкций // Фундаментальные исследования. – 2022. – № 12. – С. 123-129.
6. Алтуфьева Т.Ю. Подходы к оценке степени согласованности финансовых интересов разноуровневых территориальных образований // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы IX Всероссийской научно-практической Internet-конференции, Уфа. – Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2015. – С. 109-111.
7. Алтуфьева Т.Ю. Удовлетворение финансово-инвестиционных потребностей территорий: структура источников на различных стадиях жизненного цикла // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 10. – С. 7-12.

8. Алтуфьева Т.Ю., Алтуфьева Н.В. Совершенствование кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства как фактор роста эффективности реализации финансового потенциала территориальных образований // Проблемы функционирования и развития территориальных социально-экономических систем: Материалы VIII интернет-конференции. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2014. – С. 181-183.

9. Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А. Оценка резилиентности малого и среднего предпринимательства в субъектах РФ в условиях внешних шоков // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2023. – № 5 (173). – С. 101-107.

10. Алтуфьева Т.Ю., Иванов П.А., Сахапова Г.Р. Финансирование развития территориальных образований на разных стадиях жизненного цикла: государственные и частные ресурсы // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2019. – № 3. – С. 53-60.

11. Аркадьева О.Г., Горшкова К.С. Программное бюджетирование в управлении общественными финансами // *Oeconomia et Jus*. – 2021. – № 1. – С. 1-12.

12. Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. Инструментарий оценки эффективности бюджетных программ // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 3. – С. 13-16.

13. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Методы оценки фискальной эффективности косвенного налогообложения // *Journal of Applied Economic Research*. – 2020. – № 19 (1). – С. 19-39. – DOI: 10.15826/vestnik.2020.19.1.002.

14. Баринава В.А., Земцов С.П., Кнобель А.Ю., Лощенкова А.Н. Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России. – М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2019. – 308 с.

15. Баринава В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 92-116.

16. Басарева В.Г. Малый бизнес России: теоретические основы исследования, моделирование, концепция государственного регулирования. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 295 с.

17. Баснукаев М.Ш. Системообразование в налогообложении: причины и факторы влияния на трансформации и изменения налоговой базы // Друкерровский вестник. – 2020. – № 6 (38). – С. 88-93.

18. Борщевский Г.А. Совершенствование подходов к оценке государственных программ Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 110-134.

19. Бузский М.П. Духовное и рационально-практическое освоение категории «экологическое пространство» // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 284-289.

20. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Стратегическое планирование и законодательство о развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2017. – № 1 (69). – С. 16-28.

21. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2022). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_19702/.

22. В трех регионах доля занятых в малом и среднем бизнесе превышает 50% / РИА Рейтинг. – URL: <https://riarating.ru/regions/20230912/630248875.html>.

23. Вегнер-Козлова Е.О., Гуман О.М. Теоретико-методологические аспекты развития эколого-индустриального пространства // Journal of New Economy. – 2020. – Т. 21. – № 4. – С. 28-44.

24. Виленский А.В. К вопросу о влиянии малого и среднего предпринимательства на развитие российских регионов: реалии и возможности // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 4. – С. 24-38.

25. Власова М.А., Кононова Е.Е. Динамика и проблемы внедрения экологических инноваций в реальном секторе экономики России при переходе к устойчивому развитию // Друкерровский вестник. – 2020. – № 1 (33). – С. 35-43.

26. Власти сочли неэффективной «раздачу слонов» на открытие бизнеса. 2 июня 2021 г. / Сайт РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/06/2021/60b6f1ca9a794771968291b4>.

27. Воздействие не крупного предпринимательства на социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации (научный доклад) / Виленский А.В., Домнина И.Н., Маевская Л.И. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 47 с.

28. Вукович Н.А., Ларионова В.А., Бирюлина В.В. Реализация концепции «зеленой» экономики на уровне агломерации: российский опыт согласования региональных и муниципальных интересов // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 257-271.

29. Гавриленко И.Г., Хакимов Т.М. Государственно-частное партнерство как инструмент повышения инвестиционной привлекательности жилищно-коммунального хозяйства // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2019. – № 4 (30). – С. 116-127.

30. Гайнанов Д.А. Управление развитием предприятия на основе моделирования инвестиционной деятельности. – Уфа, 2008.

31. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Закиров И.Д. Теория и механизмы современного государственного управления. Учебное пособие. – М., 2014.

32. Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. Локализация и эффективность видов экономической деятельности в Республике Башкортостан // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. – 2019. – № 47. – С. 67-79.

33. Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 75-91.

34. Гайнанов Д.А., Гузаирова Г.Р. Экономико-математическая модель оценки конкурентоспособности предприятия // *Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета*. – 2010. – Т. 14. – № 5 (40). – С. 243-246.

35. Гайнанов Д.А., Уляева А.Г. Межмуниципальное сотрудничество: перспективы эффективного взаимодействия // *Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. – Уфа, 2015. – С. 29-37.

36. Гайнанов Д.А., Япарова А.Г. Оценка и механизм управления финансовым потенциалом муниципального образования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2009. – № 2 (2). – С. 98-120.

37. Гатауллин Р.Ф., Аскарлов А.А., Хужахметова Г.Н., Ярков Н.В. Организационно-экономические формы и эффективные методы государственного регулирования сельского хозяйства // Экономика региона. – 2015. – № 2. – С. 271-284.

38. Гафарова Л.А. Социальные детерминанты экономического роста: неравенство в распределении доходов // Инженерный вестник Дона. – 2014. – № 4-1 (31).

39. Гафарова Л.А. Анализ влияния прогрессивности подоходного налогообложения на динамику экономических процессов // Экономика и менеджмент систем управления. – 2023. – № 1 (47). – С. 4-12.

40. Гафарова Л.А. Ключевые детерминанты подоходного налогообложения: межстрановые сопоставления // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 4. – С. 6-12.

41. Гафарова Л.А. Обоснование параметров прогрессивной шкалы подоходного налогообложения в России // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 9. – С. 6-11.

42. Гафарова Л.А. Потенциал инноваций высокой степени наукоемкости в мировой экономике // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 7. – С.19-23.

43. Гафарова Л.А. Трансформация роли факторов производства в экономических процессах // Российское предпринимательство. – 2012. – № 21 (119). – С. 38-42.

44. Гафарова Л.А. Трудовой фактор в российской экономике: воспроизводственный аспект // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 3 (21). – С. 526-530.

45. Гафарова Л.А., Сафин Р.М. Влияние технологических сдвигов на структуру функционального распределения доходов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 4. – С. 29-35.

46. Глазачев С.Н., Вагнер И.В., Полева М.П. Моделирование пространства формирования экологической культуры: теоретический аспект // Вестник Международной академии наук (Русская секция). – 2011. – № 1. – С. 42-49.

47. Глазунов А.В. Модель комплексной оценки результативности СМК. Методы оценки и расчета. – URL: http://www.classs.ru/stati/menejment1/kompl_ocenka.html.

48. Глазунова В.В. Влияние государственно-частного партнерства на региональное развитие // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 103-114.

49. Глазьев С.Ю. Где деньги? Размышления о результатах денежно-кредитной политики. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2022/10/03/943519-gde-dengi>.

50. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. Серия «Коллекция Изборского клуба». – М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.

51. Головчанская Е.Э. Оценка результативности развития социально-экономической системы Республики Беларусь // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 259-272.

52. Гурлев В.Г. Экономическое развитие предприятий жилищно-коммунального хозяйства в регионах Уральского федерального округа // Аудит и финансовый анализ. – 2015. – № 2. – С. 358-363.

53. Дегтярева И.В., Ларцева С.А., Шалина О.И. Оценка фискальной эффективности имущественных налогов с физических лиц в России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2022. – № 2 (55). – С. 170-177.

54. Дементьев В.Е. Догоняющее развитие через призму теории «длинноволновой» технологической динамики: аспект «окон возможностей» в кризисных условиях // Russian Economic Journal. – 2009. – № 1-2. – С. 34-48.

55. Денежные доходы и расходы населения в 2018–2021 гг. / Росстат. – М., 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270>.

56. Диваева Э.А., Иванов П.А. Результативность региональных общественных финансов: понятие и оценка // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 4. – С. 204-207.

57. Домнина И.Н., Маевская Л.И. Место и роль не крупного предпринимательства в социально-экономическом развитии регионов России: новые задачи государственной поддержки // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 3. – С. 66-82.

58. Дуганов М.Д. Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях. – М.: ИЭПП, 2007. – 112 с.

59. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. – URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics>.

60. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства / Федеральная налоговая служба. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/search.html?mode=extended>.

61. Ендовицкий Д.А., Коменденко С.Н. Применение DEA в оценке деятельности научно-педагогических работников // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 2. – С. 3-17.

62. Жители каких стран обеспечены жильем, а каких – нет: рейтинг 2022 года. – URL: <https://internationalinvestment.biz/real-estate/2846-obespechennost-zhilem-po-stranam-mira-v-2022.html>.

63. Задолженность по кредитам, предоставленным юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств // Банк России. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/#a_63140).

64. Закон Республики Башкортостан от 31.10.2007 № 472-з «О развитии сельского хозяйства в Республике Башкортостан» // Справочно-правовая компания «Консультант-Плюс».

65. Иванов П.А. Теоретико-методические аспекты оценки инвестиционной активности региона // *Arg Administrandi*. – 2021. – № 13 (4). – С. 495-515.

66. Ильин С.Ю., Остаев Г.Я., Гоголев И.М. Концептуальный подход к оценке устойчивости функционирования общественных финансов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 2. – С. 59-70.

67. Институциональные основы модернизации агропромышленного комплекса региона (на примере Республики Башкортостан): Коллективная монография / Под ред. д-р экон. наук, проф. Д.А. Гайнанова – Уфа: Институт социально-экономического исследований УНЦ РАН, 2014. – 200 с.

68. Инструментарий и технологии моделирования развития территориальных систем регионального и муниципального уровней / Д.А. Гайнанов, А.Г. Атаева, Е.А. Гафарова [и др.]. – Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2014. – 252 с.

69. Калинина О.В. Методологические инновационные аспекты перехода на прогрессивное подоходное налогообложение граждан // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2018. – № 8 (440). – С. 10-22.

70. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей / От стратегии к действию: монография. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. – 210 с.

71. Кваша В.А., Колесов Р.В., Туманов Д.В. Совершенствование механизмов управления региональными и муниципальными финансами: оценка и рекомендации // Вестник Академии. – 2019. – № 2. – С. 75-87.

72. Климанов В.В., Алтынцев А.В., Будаева К.В., Михайлова А.А., Яговкина В.А. Управление государственными финансами: международный опыт и сравнения // Общественные финансы. – 2014. – № 30. – С. 159-192.

73. Климова Н.И., Шмакова М.В. Региональное стратегирование: пространственный подход. – Уфа: ИСЭИ УФИЦ РАН, 2021. – 156 с.

74. Коданева С.И. От «коричневой экономики» – к «зеленой». Российский и зарубежный опыт // Россия и современный мир. – 2020. – № 1 (106). – С. 46-66.

75. Кожевников С.А. Комплексная оценка состояния жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – № 6 (30). – С. 225-234.

76. Козлова С.А. Совершенствование инструментария оценки эффективности финансирования в здравоохранении: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Санкт-Петербург, 2021. – 19 с.

77. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов / Федеральное казначейство России. – URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/>.

78. Коростин С.А. Исторический опыт решения проблемы повышения качества жилья в социально-экономической политике России // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52). – С. 387-391. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-opyt-resheniya-problemy-povysheniya-kachestva-zhilya-v-sotsialno-ekonomicheskoy-politike-rossii>.

79. Курамшина Н.Г., Ахметзянова И.Ш. Состояние природных экосистем и зеленых насаждений в городах Башкортостана // Молодой ученый. – 2017. – № 1 (135). – С. 494-496.

80. Леонов С.Н. Состояние и особенности размещения малого предпринимательства по регионам России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 5. – С. 103–119.

81. Леонова Л.Б., Мокронос А.Г. Сфера услуг жилищно-коммунального хозяйства – социальный вектор развития экономики России // Экономика строительства. – 2023. – № 2. – С. 10-18.

82. Лушникова О.Л. Социально-экологическое пространство городской среды: история изучения проблемы: XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 139-150.

83. Малкина М.Ю., Храмова И.Ю. Факторы сбережений населения: страновой и региональный анализ // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – № 11. – С. 2004-2027.

84. Материалы Оперативного совещания в Правительстве Республики Башкортостан: 4 сентября 2023 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vhbYqqPaAUc&t=2700s>.

85. Мезоэкономика России: стратегия разбега: Монография. – М.: Изд. дом «Научная библиотека», 2022. – 808 с.

86. Методические рекомендации по разработке и реализации государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ. Письмо Министерства экономического развития РФ № 3493-ПК/Д19и, Министерства финансов РФ № 26-02-06/9321 от 6 февраля 2023 года. – URL: https://rulings.ru/acts/Pismo-Minekonomrazvitiya-Rossii-N-3493-PK_D19i,-Minfina-Rossii-N-26-02-06_9321-ot-06.02.2023/.

87. Миргородская Е.О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова) // Вестник ВолГУ. Серия 3 «Экономика. Экология». – 2017. – Т. 19. – № 4. – С. 6-20.

88. Михаил Мишустин принял участие в работе Московского финансового форума / Новости. Правительство России. – URL: <http://government.ru/news/49623/>.

89. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: три квартала 2021 года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. – М.: НИУ ВШЭ, 2021.

90. Мурыгина Л.С. Потенциал малых инновационных предприятий в российской экономике // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. – 2007. – № 5 (77). – С. 76-80.

91. Мясинников С.П. Экологическая экспликация пространства городской культуры // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2008. – № 1. – С. 110-114.

92. Навигатор мер поддержки для промышленных предприятий. – URL: <https://gisp.gov.ru/nmp/>.

93. Насрутдинов М.Н. Методологический подход к оценке эффективности инвестиционной деятельности регионов на основе data envelopment analysis // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 4-1. – С. 105-112.

94. Наука, инновации и технологии / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nauka-5.xlsx>.

95. Национальный проект «Жильё и городская среда». – URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/>.

96. Национальный проект «Экология». – URL: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/>.

97. Национальный проект «Экология». Проект «Госрасходы». – URL: <https://spending.gov.ru/np/G/contracts/>.

98. Новости ООН. 27 июня – День микро-, малых и средних предприятий. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/06/1405362>.

99. Общественные финансы и резилиентность региона в условиях санкционных воздействий / П.А. Иванов, Н.И. Климова, Т.Ю. Алтуфьева и др. – Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2022. – 192 с.

100. Отраслевая и территориальная промышленная политика в стратегических документах России и ее регионов // Вестник университета. – 2021. – № 9. – С. 34-42.

101. Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и страховых взносов в бюджетную систему Российской Федерации по основным видам экономической деятельности (форма 1-НОМ) / Федеральной налоговой службы РФ. – URL: https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

102. Отчет о работе Контрольно-счетной палаты Республики Башкортостан за 2021 год / Контрольно-счетная палата РБ / Контрольно-счетная палата Республики Башкортостан. – URL: <https://ksprb.bashkortostan.ru/documents/reports/411660/>.

103. Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ // Единый портал бюджетной системы РФ «Электронный бюджет». – URL: <https://budget.gov.ru/>.

104. Охрана окружающей среды в России. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 115 с.

105. Пансков В.Г. Современные проблемы теории и практики налогообложения. – М.: Центркаталог, 2023. – 264 с.

106. Паспорт Национального проекта «Жильё и городская среда» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16)) / Минстрой России. – URL: <https://base.garant.ru/72158122/>.

107. Паспорта региональных проектов / Правительство Республики Башкортостан. – URL: <https://pravitelstvorb.ru/activity/575/>.

108. Пионткевич Н.С., Шеина Е.Г. Финансовые аспекты обеспечения устойчивого развития субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях новых вызовов // Journal of New Economy. – 2021. – Т. 22. – № 1. – С. 105-130.

109. Понятия и определения (Наука) / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/innov_pop.pdf.

110. Попова Т.А. Влияние среднедушевых доходов на норму сбережений домохозяйств в Российской Федерации // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 9. – С. 110-113.

111. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 17.12.2012 № 458 «О Государственной программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Башкортостан»» // Справочно-правовая компания «Консультант-Плюс».

112. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 13.06.2023) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // Справочно-правовая компания «Консультант-Плюс».

113. Правительство поддержит технологические стартапы. 23 ноября 2021 г. / Сайт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». – URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/project>.

114. Предприниматели России: исследовательский мониторинг (ПРИМ) / Новый труд. – URL: <https://smbiz.fom.ru/post/tri-volny-primakak-menyalis-situaciya-nastroeniya-i-ozhidaniya-predprinimatelej>.

115. Приложение 33 к федеральному закону от 06.12.2021 № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (таблица 24) / Справочно-правовая компания «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/d3fb3c3a2fb8c8296caf44128917d2032e88f4f2/.

116. Приложение 34 к федеральному закону от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» (таблица 19) / Справочно-правовая компания «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433298/edd7cb0210d4954139f694b6b2f45be2eb476f99/.

117. Приложение 9 к постановлению Правительства Республики Башкортостан от 24.12.2019 № 765 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Башкортостан от 07.04.2014 № 151 «О порядке разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Республики Башкортостан» и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Республики Башкортостан» – URL: <https://nra.bashkortostan.ru/26657/>.

118. Приложение к сборнику «Малое и среднее предпринимательство в России» / Росстат. – М., 2022. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13223>.

119. Прохоров А.М. Физический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 928 с.

120. Развитие малого предпринимательства в регионе / Кузнецова Е.П., Якушев Н.О. – Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2022. – 160 с.

121. Разработка оптимальной модели подоходного налогообложения и оценка ее влияния на социальное неравенство в России / С.Б. Тюрин, А.Д. Бурыкин, В.А. Кваша и др. – Ярославль: Канцлер, 2021. – 201 с.

122. Распоряжение Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г.» / Справочно-правовая компания «Консультант-Плюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426435/.

123. Рахматуллин Ю.Я. Анализ финансовых результатов от реализации сельскохозяйственной продукции // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – № 12. – С. 72-76.

124. Рахматуллин Ю.Я. Выявление резервов и прогноз окупаемости затрат в сельскохозяйственных организациях // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – № 11. – С. 56-62.

125. Рахматуллин Ю.Я. Развитие АПК и государственное регулирование рынков продукции региона // Экономика сельского хозяйства России. – 2023. – № 9. – С. 13-17.

126. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с.

127. Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления / Ю.Г. Лаврикова, Е.В. Васильева, В.Л. Берсенев [и др.]. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 644 с.

128. Родин К. Цели устойчивого развития в зеркале общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-07_Rodin_K_ESG.pdf.

129. Рубан Д.А. Концентрация региональной активности малых предприятий в условиях инфляции // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 52-70.

130. Русецкая О.В. Динамика развития и инструменты поддержки малого предпринимательства в регионах северо-запада России в кризис 2008–2009 гг. // XII Международная научная конференция ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества. – М.: ГУ-ВШЭ, 2011.

131. Русских Т.Н., Сироткина Н.В., Тинякова В.И. Формирование рейтинговых оценок эффективности деятельности региональных систем здравоохранения и обязательного медицинского страхования // Экономика региона. – 2015. – № 4. – С. 197-213.

132. Рыбалка Е.А. Экологическое пространство личности: онтологические и ценностные основания // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 6 (43). – С. 57-63.

133. Рэнкинг устойчивости развития и интеграции ESG-критериев в деятельность субъектов Российской Федерации // Сайт ООО «Национальное рейтинговое агентство». – URL: <https://www.rational.ru/renkingi/rjenking-ustojchivosti-razvitija-i-integracii-esg-kriteriev-v-dejatelnost-subektov-rossijskoj-federacii/>.

134. Сайт Банка России. – URL: <https://www.cbr.ru/statistics/>.

135. Сайт Правительства России. – URL: <http://government.ru/news/48593/>.

136. Сайт Российского фонда развития информационных технологий. – URL: https://rfrit.ru/priniat_uchastie_v_otbore_msp.

137. Сапрыкина Н.А. Экологическая адаптация: компенсаторные приемы преобразования пространства обитания // Архитектура и современные информационные технологии. – 2021. – № 2 (55). – С. 17-36.

138. Сводный отчет об итогах и оценке эффективности реализации государственных программ Республики Башкортостан по итогам 2022 года. – URL: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/34444/>.

139. Секушина И.А. Реализация национального проекта «Жилье и городская среда»: первые результаты и возможные риски // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 3 (19). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-natsionalnogo-proekta-zhilie-i-gorodskaya-sreda-pervye-rezultaty-i-vozmozhnye-riski>.

140. Сидорова О.В. Эволюция процессов цифровой трансформации финансовых рынков // Структурные и институциональные трансформации в экономике и управлении: Международные научные чтения памяти профессора Ю.М. Ясинского. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. – С. 168-172.

141. Синельников-Мурылев С., Баткибеков С., Кадочников П., Некипелов Д. Оценка результатов реформы подоходного налога в Российской Федерации. – М.: Институт экономики переходного периода, 2003. – URL: https://www.iep.ru/files/text/working_papers/52.pdf.

142. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. – URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:9000:ed-4:v1:ru:term:3.7.10>.

143. Сметанко А.В., Черткова Я.А. Совершенствование системы управления жилищно-коммунальным хозяйством муниципального образования // Электронный научный журнал «Вектор экономики». – 2023. – № 1 (23).

144. Современные классики теории предпринимательства. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 526 с.

145. Соколов И.А., Филиппова И.Н. Оценка эффективности бюджетных расходов на жилищно-коммунальное хозяйство в регионах России // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4 (193). – С. 147-158.

146. Специальный доклад Президенту РФ – 2023 «Ключевые проблемы бизнеса в условиях санкций и структурной трансформации в 2023 году». – URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2023/Спецдоклад.pdf>.

147. Сравнение расходов по бюджетам субъектов Российской Федерации по разделам/подразделам классификации расходов. – URL: <https://www.iminfin.ru/areas-of-analysis/budget/raskhody-byudzheta-subekta/sravnienie-raskhodov?territory/>.

148. Статистика: Учебник для вузов / Елисеева И.И., Долотовская О.В., Боченина М.В. [и др.]. – М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2021. – 572 с.

149. Стенограмма заседания Правительственной комиссии по вопросам развития малого и среднего предпринимательства 29 мая 2023 г. / Портал Правительства России. – URL: <http://government.ru/department/571/events/>.

150. Строительная отрасль: итоги за первое полугодие 2023 года. – URL: <https://bujet.ru/article/467273.php>.

151. Субботина Т.В. Структура социально-экологического пространства // Географический вестник. – 2008. – № 2 (8). – С. 75-86.

152. Счетная палата дала оценку мерам по господдержке малого и среднего предпринимательства / Сайт Счетной палаты РФ. – URL: www.ach.gov.ru/press_center/news/34077.

153. Терещенко Н.В., Яшин Н.С. Оценка результативности должна быть результативной // Методы менеджмента качества. – 2006. – № 4. – С. 12-17.

154. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – URL: <https://02.rosstat.gov.ru>.

155. Тимофеев Ю.В., Туманянц К.А. Анализ эффективности государственных социальных расходов в регионах России // Финансы и кредит. – 2012. – № 37. – С. 9-18.

156. Третьяков А.Л. Экологическое пространство современной дошкольной образовательной организации // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сборник научных трудов. – М.: Московский психолого-социальный университет, 2022. – С. 1250-1255.

157. Тютин Д.В. Оценка эффективности и результативности в общественном секторе в методологии «затраты – выпуск» / В кн.: Беловой Е.Л. (ред.), Полпудникова С.В. (ред.). Теоретические и практические вопросы развития бухгалтерского учета, анализа и аудита в современных условиях, их автоматизация как инструмент эффективного управления организацией: Материалы международной научно-практической конференции. – Калуга: ООО «ТПП», 2015. – С. 41-46.

158. Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/400281504/>.

159. Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М. Проблемы и подходы к оценке эффективности и деятельности ЖКХ регионов на основе комплексной системы показателей // Экономика. Налоги. Право. – 2010. – № 5. – С. 28-35.

160. Федеральная налоговая служба России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/.

161. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru>

162. Федеральная служба государственной статистики. Итоги жилищного строительства в Республике Башкортостан. Пресс-выпуск № 09-1-07/1. – URL: <https://02.rosstat.gov.ru>.

163. Федеральный закон РФ от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О развитии сельского хозяйства» // Справочно-правовая компания «Консультант-Плюс».

164. Финансовый потенциал региона: достижение стратегических приоритетов и обеспечение национальной безопасности РФ и ее субъектов / Н.И. Климова, Т.Ю. Алтуфьева, Е.А. Гафарова [и др.]. – Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2016. – 222 с.

165. Франц М.В., Шмакова М.В. Результативность расходов на здравоохранение в Республике Башкортостан: оценка на базе подхода DEA // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 10 (часть 2). – С. 267-273.

166. Хайруллин М.Ф., Воробьев Д.И., Березняковский В.С. Развитие системы управления комплексом ЖКХ муниципалитета // Гуманитарный научный журнал. – 2023. – № 1-1. – С. 73-78.

167. Хачатурян С.Р., Кириллова А.Н. Методические основы формирования системы индуктивных показателей реформы ЖКХ // Проблемы теории и практики реформирования региональной экономики. – 2018. – № 4. – С. 21-23.

168. Хлестова К.С., Савельева И.П., Кузменко Ю.Г. Перспективы трансформации регионального экономического пространства современной России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 22-27.

169. Хуснутдинова С.Р., Дембич А.А., Закирова Ю.А. Социально-экологические факторы формирования комфортной среды урбанизированных территорий // Географический вестник. – 2016. – № 4 (39). – С. 28-35.

170. Цели в области устойчивого развития стран / Сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.

171. Цифровая платформа МСП. – URL: https://xn--11agf.xn--p1ai/services/antikrizisnye-mery/kakuyu-podderzhku-malyu-i-sredniy-biznes-mozhet-poluchit-v-korporatsii-msp_/.

172. Чепуренко А.Ю., Галицкий Е.Б., Духон А.Б., Ослон А.А. Государственная политика в отношении малого предпринимательства в период пандемии в оценках бенефициаров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 4. – С. 66-89.

173. Число заемщиков банков и МФО выросло до 46 млн: данные БКИ. – URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14744>.

174. Чичканов В.П., Пыхов П.А. Оценка эффективности функционирования жилищно-коммунального хозяйства регионов Урала // Московский экономический журнал. – 2019. – № 13. – С. 606-616.

175. Что такое сбалансированная система показателей? – URL: https://www.cfin.ru/management/controlling/bsc_short.shtml.

176. Шинкевич А.И., Шинкевич М.В., Зарайченко И.А. Технологические «Окна возможностей»: управление транзакционными издержками инновационного развития // Herald of Technological University. – 2010. – № 3. – С. 207-214.
177. Шмакова М.В. Анализ состояния и выявление уязвимых зон «зеленых» финансов региона (на примере Республики Башкортостан) // Вестник университета. – 2022. – № 7. – С. 155-162.
178. Шмакова М.В. Формирование стратегии регионального развития с учетом пространственной компоненты: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Уфа, 2020. – 173 с.
179. Шнейдерман И.В., Гришанов В.И., Гузанова А.К., Ноздрина Н.Н. Проблемы ветхого и аварийного жилья в России // Народонаселение. – 2019. – Т. 22. – № 4. – С. 18-35.
180. Шрейдер А.С. Формы и методы государственной поддержки малого и среднего бизнеса в Республике Сингапур. – Сибирский федеральный университет. – 2013. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38643067.pdf>
181. Шугаева И.В. Современное состояние и анализ тенденции развития сферы жилищно-коммунальных услуг // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2023. – Т. 2. – № 1. – С. 177-185.
182. Экономика региона в цифровую эпоху: проблемы и перспективы / С.В. Теребова, В.С. Усков, К.А. Устинова [и др.]. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. – 346 с.
183. Экспертный доклад «Малое и среднее предпринимательство как форма национальной идентичности». – URL: <https://disk.yandex.ru/i/МбхоJvnYky-xog>.
184. Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Александров О.В. Как оценить результативность реализации государственных программ: вопросы методологии // Экономическая политика. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 79-98.
185. Яшалова Н.Н. Экологические инновации как приоритетное направление "зеленой" экономики // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 5. – С. 72-81.
186. Яшина Н.И., Емельянова О.В., Малышева Е.С., Прончатова-Рубцова Н.Н. Методология оценки эффективности государственного финансирования здравоохранения в России // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24. – № 3. – С. 693-708.

187. A primer on property tax: administration and policy / McCluskey, William [ed.]; Cornia, Gary C. [ed.]; Walters, Lawrence C. [ed.] – Chichester: Wiley, 2013. – Pp. 41-68.

188. Acs Z.J., Audretsch D.B. Innovation and small firms. – Cambridge, MA: MIT University Press, 1990.

189. Afonso A., Fernandes S. Measuring local government spending efficiency: evidence for the Lisbon region // *Regional Studies*. – 2006. – Vol. 40. – № 1. – Pp. 39-53.

190. Ahmad E., Stern N. Taxation for developing countries. – The London School of Economics, 1989. – URL: <https://personal.lse.ac.uk/sternn/050NHS.pdf>.

191. Anilkumar R. Introduction to entrepreneurship. 2022. – DOI: 10.13140/RG.2.2.28224.81928. – URL: https://www.researchgate.net/publication/360625961_INTRODUCTION_TO_ENTREPRENEURSHIP.

192. Aragona S. The formation of the homo and of the ecological space. In: Marino, D., Monaca, M.A. (eds) Innovations and economic and social changes due to artificial intelligence: the state of the art // *Studies in Systems, Decision and Control*. – 2023. – Vol. 222. Springer, Cham. – DOI: 10.1007/978-3-031-33461-0_9 (In Eng.).

193. Arnold J. Do tax structures affect aggregate economic growth? Empirical evidence from a panel of OECD countries // *OECD Economics department working papers*. no. 643. October, 2008. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/236001777843.pdf?expires=1693303465&id=id&acname=guest&checksum=9CB32778FF724E06912FC2D0577B5D09>.

194. Bagnato L., Bartoloni E., Baussola M.L. Waiting for godot: the failure of SMEs in the italian manufacturing industry to grow. – UCSC, 2018.

195. Barro R., Sala-i-Martin X. *Economic Growth*. – McGraw-Hill, New York: Massachusetts Institute of Technology, 2004. – URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/BarroSalaIMartin2004Chap1-2.pdf>

196. Baumol W.J. Entrepreneurship: productive, unproductive destructive // *Journal of Political Economy*. – 1990. – Vol. 98 (5). – Pp. 893-921.

197. Benedek D., Benítez J.C., Vellutini C. Progress of the personal income tax in emerging and developing countries // *IMF Working papers*. January 28, 2022. – P. 36. – DOI: 10.5089/9798400201134.001.

198. Besley T., Persson T. Why do developing countries tax so little? // *Journal of economic perspectives*. – 2014. – Vol. 28 – No. 4. – Pp. 99-120. – URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.28.4.99>.
199. Bhattacharyya A., Parker E., Raffiee K. An examination of the effect of ownership on the relative efficiency of public and private water utilities // *Land Economics*. – 1994. – № 70 (2). – Pp. 197-209.
200. Birch D.L. *The Job Generation process: MIT program on neighborhood and regional change*. – Cambridge, MA, 1979.
201. Birch D.L., Medoff J. *Gazelles / Labor Markets, Employment Policy, and Job Creation*. Boulder: Westview Press, 1994.
202. Byrnes P., Grosskopf S., Hayes K. Efficiency and ownership: further evidence // *The Review of Economics and Statistics*. – 1986. – Pp. 337-341.
203. Cebula R., Foley M. Personal income tax evasion determinants revisited: an exploratory study using newly available data // *Academy of economics and finance journal*. – 2011. – Vol. 2. – No. 1. – Pp. 17-24. – URL: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/52028/1/MPRAPaper52028.pdf>.
204. Celani A., Dressler L., Wermelinger M. Building an investment tax incentives database: methodology and initial findings for 36 developing countries // *OECD Working Papers on International Investment*, No. 2022/01, OECD Publishing, Paris. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/62e075a9-en.pdf?expires=1693395146&id=id&acname=guest&checksum=71FD2244A1E9276DF085A897F993425F>.
205. Charnes A., Cooper W.W., Rhodes E. Measuring the efficiency of decision making units // *European Journal of Operational Research*. – 1978. – № 2. – Pp. 429-444.
206. Chong S., Hoekstra R., Lemmers O. et al. The role of small - and medium-sized enterprises in the Dutch economy: an analysis using an extended supply and use table // *Journal of Economic Structures*. – 2019. – Vol. 8. – P. 8.
207. Cooper A.C., Folta T., Woo C. Information acquisition and performance by start-up firms. – *Frontiers of Entrepreneurship Research*, 1991. – Pp. 276-290.
208. Crandall W., Gavin E., Masters A. ISORA 2016: understanding revenue administration (The international survey on revenue administration). – IMF eLibrary, 2019. – URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/087/2019/005/087.2019.issue-005-en.xml>.

209. Davy E., Hansen U. A firm-level perspective on windows of opportunity // *Technology in Society*. – 2023. – no. 75 (2).

210. Doing business 2020: comparing business regulation in 190 economies. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org>.

211. Duncan D., Peter K. Unequal inequalities: do progressive taxes reduce income inequality? // *IZA Discussion Paper*. – no. 6910. – October, 2012. – URL: <https://repec.iza.org/dp6910.pdf>.

212. Dunlap D.R., Santos R.S., Latham S.F. A window of opportunity: radical versus repurposing innovation under conditions of environmental uncertainty and crisis // *IEEE Transactions on Engineering Management*. – 2023. – no. 1-13.

213. Durendez A., Dieguez-Soto J., Madrid-Guijarro A. The influence of CEO's financial literacy on SMEs technological innovation: the mediating effects of MCS and risk-taking // *Financial Innovation*. – 2023. – Vol. 9. – P. 15.

214. Easterly W., Rebelo S. Fiscal policy and economic growth: an empirical investigation // *Journal of Monetary Economics*. – 1993. – no 32 (3). – Pp. 417-458. – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w4499/w4499.pdf.

215. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. Defining rationales, ends and means // *Research Policy*. – 2023. – no. 52 (6).

216. European industry pivots to US as Biden subsidy sends «dangerous signal». – URL: <https://www.ft.com/content/59a8d135-3477-4d0a-8d12-20c7ef94be07>.

217. Fears of European industry exodus to U.S. may be overdone. – URL: <https://www.reuters.com/business/fears-european-industry-exodus-us-may-be-overdone-2023-03-03/>.

218. Fu, J., Gao, Q., Jiang, D., Li X., Lin G. Spatial-temporal distribution of global production-living-ecological space during the period 2000-2020 // *Scientific Data*. – 2023. – Vol. 10. – no. 589. – DOI: 10.1038/s41597-023-02497-1 (In Eng.).

219. G20 Finance Ministers and Central Bank Governors (2022), Communiqué – G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting. – URL: https://www.g20.org/content/dam/gtwenty/about_g20/previous_summit_documents/2022/G20%20FMCBG%20Communique%20Jakarta%2017-18%20February%202022.pdf.

220. Ganchev G., Todorov I. Taxation, government spending and economic growth: the case of Bulgaria // *Journal of Tax Reform*. – 2021. – № 7 (3). – Pp. 255-266.

221. Garcia J. How taxation and sustainable development intertwine. 20 Sep. 2022. – URL: <https://www.grantthornton.com.ph/insights/articles-and-updates/lets-talk-tax/how-taxation-and-sustainable-development-intertwine/>.

222. García-López M., Melgarejo J., Montano B. The financing of wastewater treatment and the balance of payments for water services: evidence from municipalities in the region of Valencia // *Sustainability (Switzerland)*. – 2021. – Vol. 13 (11). – P. 5874. – DOI: 10.3390/su13115874.

223. Garrido E., Giachetti C., Maicas J.P. Navigating windows of opportunity: the role of international experience // *Strategic Management Journal*. – 2023. – no. 44 (8). – Pp. 1911-1938.

224. Gentry W.M., Hubbard R.G. Tax policy and entrepreneurial entry // *American Economic Review, American Economic Association*. – 2000. – Vol. 90 (2). – Pp. 283-287. – URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/aer.90.2.283>.

225. Gerber C., Klemm A.D., Liu L. Personal income tax progressivity: trends and implications // *IMF Working papers*. 2018, 20 Nov. – P. 24.

226. Giachetti C., Mensah T.D. Catching-up during technological windows of opportunity: an industry product categories perspective // *Research Policy*. – 2023. – no. 52 (2).

227. Glenk K., Johnston R.J., Meyerhoff J. et al. Spatial dimensions of stated preference valuation in environmental and resource economics: methods, trends and challenges // *Environ Resource Econ*. – 2020. – Vol. 75. – Pp. 215-242. – DOI: 10.1007/s10640-018-00311-w (In Eng.).

228. Guo H., Li X., Wang C. When the window of opportunity opens: how does open search impact the business model design of digital startups? // *Asia Pacific Business Review*. – 2023. – no. 29 (4). – Pp. 1-24.

229. Guo L., Zhang M.Y., Dodgson M., Gann D., Hong C. Windows of opportunity, technological innovation and globalization: a framework of Huawei's global catchup. *Academy of Management: Annual Meeting Proceedings*, 2016 (1).

230. Hamdali Y., Skade L. When the time is made right: constructing windows of opportunity for innovation in practice // Academy of Management Proceedings, 2023.

231. Hassan M., Prichard W. The political economy of tax reform in Bangladesh: political settlements, informal institutions and the negotiation of reform // ICTD Working Paper 14. – Brighton: IDS. 2013. – URL: https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/bitstream/handle/20.500.12413/10248/ICTD_WP14.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

232. Holmberg J., Karlsson S. On designing socio-ecological indicators / In: Svedin, U., Aniansson, B.H. (eds) Society and the environment: a Swedish research perspective // Ecology, Economy & Environment. – 1992. – Vol 2. – Springer, Dordrecht.

233. Horne R. Housing inequalities and resilience: the lived experience of COVID-19 // International Journal of Housing Policy. – 2023. – Vol. 23. – №. 2. – Pp. 313-337.

234. Hosseini S., Barker K., Ramirez-Marquez J.E. A review of definitions and measures of system resilience // Reliability Engineering & System Safety. – 2016. – no 145. – Pp. 47-61.

235. Jackson L., Otrók C., Owyang M.T. Could more progressive taxes increase income inequality? // Federal Reserve Bank of St. Louis Working Paper. – May, 2020. – URL: <https://www.stlouisfed.org/on-the-economy/2020/may/could-more-progressive-taxes-increase-income-inequality>.

236. Jordao R.V.D., Novas J.C. Information and knowledge management, intellectual capital, and sustainable growth in networked small and medium enterprises // Journal of the Knowledge Economy. 2022.

237. Joshi A., Prichard W., Heady C. Taxing the informal economy: the current state of knowledge and agendas for future research // The Journal of Development Studies. – 2014. – Vol. 50. – Is. 10. – URL: https://www.researchgate.net/publication/264706989_Taxing_the_Informal_Economy_Challenges_Possibilities_and_Remaining_Questions/link/5d3069b5a6fdcc2462e8f638/download.

238. Kakhramonov K.S. Comprehensive assessment and methods of increasing the efficiency of housing and communal services management in the Republic of Uzbekistan // ISJ Theoretical & Applied Science. – 2021. – № 03 (95). – Pp. 173-176.

239. Kanbur R., Keen M. Thresholds, informality, and partitions of compliance // *International Tax and Public Finance*. – 2014. – Vol. 21. – Is. 4. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10797-014-9314-3>.

240. Keynes J.M. *The general theory of employment, interest and money*. – Palgrave Macmillan, 1936. –P. 472.

241. Kirzner I.M. *Entrepreneurship and the market approach to development*. – Caracas, 1969.

242. Kneller R., Bleaney M.F., Gemmell N. Fiscal policy and growth: evidence from OECD countries // *Journal of Public Economics*. – 1999. – Vol. 74. – Pp. 171-190. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0047272799000225>.

243. Koester R.B., Kormendi R.C. Taxation, aggregate activity and economic growth: cross-country evidence on some supply side hypotheses // *Economic Inquiry*. – 1989. – Vol. 27 (3). – Pp. 367-387. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1465-7295.1989.tb02011.x>.

244. Kwak K., Yoon D. Unpacking transnational industry legitimacy dynamics, windows of opportunity, and latecomers' catch-up in complex product systems // *Research Policy*. – 2020. – no. 49 (4).

245. Lazear E.M. *Entrepreneurship* // *Journal of Labor Economics*. – 2005. – Vol. 23 (4). – Pp. 649-680.

246. Lee K., Malerba F. Catch-up cycles and changes in industrial leadership: windows of opportunity and responses of firms and countries in the evolution of sectoral systems // *Research Policy*. – 2017. – no. 46 (2). – Pp 338-351.

247. Lerner J. *Boulevard of broken dreams: why public efforts to boost entrepreneurship and venture capital have failed – and what to do about it*. – Princeton, Princeton University Press, 2009.

248. Lo Storto C. Are public-private partnerships a source of greater efficiency in water supply? Results of a non-parametric performance analysis relating to the Italian industry // *Water*. – 2013. – № 5(4). – Pp. 2058-2079.

249. Loayza N., Schmidt-Hebbel K., Servén L. What drives private saving across the world? // *The Review of economics and statistics*. – 2000. – Vol. 82. – Is. 2. – Pp. 165-181.

250. Mascagni G., Moore M., McCluskey R. Tax revenue mobilisation in developing countries: issues and challenges. – European Parliament. April 11, 2014. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/433849/EXPO-DEVE_ET\(2014\)433849_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/433849/EXPO-DEVE_ET(2014)433849_EN.pdf).

251. Mills L. Barriers to increasing tax revenue in developing countries // K4D Helpdesk Report 040. – Brighton, UK: Institute of Development Studies. March 8, 2017. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5b9b914de5274a138c0a0b20/K4D_HDR_Tax_capacity_barriers_.pdf.

252. Mitrofanov A. Windows of opportunity. – URL: <https://www.razumei.ru/lib/article/2652>.

253. Moore D., Slemrod J.B. Optimal tax systems with endogenous behavioral biases // Journal of Public Economics, Forthcoming. – 2021. February 4. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3401834>.

254. Moore M. Obstacles to increasing tax revenues in low income countries. International centre for tax and development. – Working paper 15. 2013. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2436437.

255. Morgan C. The impact of tax on delivering the sustainable development goals. 28 Sep. 2017. – URL: <https://responsibletax.kpmg.com/article/the-impact-of-tax-on-delivering-the-sustainable-development-goals>.

256. Mosbah Ez., Zaibet L., Dharmapala P.S. A new methodology to measure efficiencies of inputs (outputs) of decision making units in data envelopment analysis with application to agriculture // Socio-Economic Planning Sciences. – 2020. – Vol. 72. – Pp. 345-352.

257. Mustapha F., Al-Abed A., Wild S. A model for assessing the effectiveness of public housing in Sana'a (Republic of Yemen) // Construction management and economics. – 1995. – Vol. 13. – №. 6. – Pp. 457-465.

258. Najjar A.V., Pooya A., Zoeram A.A., Emrouznejad A. Assessing the relative performance of nurses using data envelopment analysis matrix (DEAM) // Journal of Medical Systems. – 2018. – Vol. 42. – Iss. 7. Article № 125.

259. OECD Statistics // OECD. – URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode>.

260. Ostry J.D., Berg A., Tsangarides C.G. Redistribution, inequality, and growth // IMF Staff Discussion Note. – 2014. – no. 14/02. – P. 30. – International Monetary Fund, Washington, DC. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2014/sdn1402.pdf>.

261. Padovano F., Galli E. Comparing the growth effects of marginal vs. average tax rates and progressivity // European Journal of Political Economy. – 2002. – Vol. 18. – Is. 3. – Pp. 529-544. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0176268002001040>.

262. Peng X., He L., Ma S., Lockett M. Windows of opportunity, alliance portfolio and catch-up of latecomer firms: a longitudinal case study of sunny from 1984 to 2018 // Nankai Business Review International, 2023.

263. Perez C., Soete L. Catching up in technology: entry barriers and windows of opportunity / In: Dosi G. (ed.) Technical Change and Economic Theory. – London; New York: Columbia University Press and Pinter, 1988. – Pp. 458-479.

264. Rahma M.T., Al-Neami K.G.R. Ecological urban space / The Fourth Postgraduate Engineering Conference. IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering 745 (2020) 012163.

265. Reggiani A., De Graaff T. & Nijkamp P. Resilience: an evolutionary approach to spatial economic systems // Networks and Spatial Economics. – 2002. – no 2. – Pp. 211-229.

266. Reynolds P.D., Maki W.R. Business volatility and economic growth. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.

267. Rhee T. Macroeconomic effects of progressive taxation // Economic Policy Department, Samsung Economic Research Institute. November, 2012. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Macroeconomic-Effects-of-Progressive-Taxation-Rhee/27c7e355a46239bf5cc5db85a9a3f7917799ab90>.

268. Richupan S. 6 determinants of income tax evasion role of tax rates, shape of tax schedules, and other factors. – IMF eLibrary, 1987. – URL: <https://www.elibrary.imf.org/display/book/9780939934911/ch006.xml?rsk ey=2nc2zv&result=83>.

269. Sabbioni G. Efficiency in the Brazilian sanitation sector // Utilities Policy. – 2008. – Vol. 16. – №. 1. – Pp. 1-20.

270. Sabirianova Peter K., Buttrick S., Duncan D. Global reform of personal income taxation, 1981–2005: evidence from 189 countries // *National Tax Journal*. – 2010. – No. 63 (3). – P. 447-478. – DOI: 10.2139/ssrn.1423344.

271. Samarina V., Skufina T., Savon D., Kudryavtseva S. Technological windows of opportunity for Russian Arctic Regions: modeling and exploitation prospects // *Journal of Risk and Financial Management*. – 2021. – no. 14 (9).

272. Scheuer F., Slemrod J.B. Taxation and the superrich // *NBER Working Paper*. – 2019. – no. w26207. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3446517>.

273. Shane S. *Illusions of entrepreneurship: the costly myths than entrepreneurs, investors and policy makers live by*. – Yale University Press, 2008. – P. 224.

274. Shi J., Yan J. Research on urban residents' housing payment ability based on the HAQ model // *Systems Engineering Theory and Practice*. – 2015. – no. 9 (35). – Pp. 2221-2231.

275. Slemrod J. Cheating ourselves: the economics of tax evasion // *Journal of economic perspectives*. – 2007. – Vol. 21. – no. 1. – URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/jep.21.1.25>.

276. Statista. – URL: <https://www.statista.com/markets/2535/economy-politics>.

277. Storey D.J., Johnson S. *Job generation and labour market change*. – Basingstoke, Hants: Macmillan, 1987.

278. Suárez-Varela M., de los Ángeles García-Valiñas M., González-Gómez F. Ownership and performance in water services revisited: does private management really outperform public? // *Water Resources Management*. – 2017. – Vol. 31. – Pp. 2355-2373.

279. Suchek N., Franco M. Inter-organisational cooperation oriented towards sustainability involving SMEs: a systematic literature review // *Journal of the Knowledge Economy*. 2023.

280. Sustainable development report. June 2022. – URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2022/2022-sustainable-development-report.pdf>

281. Tax policy reforms 2022: OECD and selected partner economies // *OECD library*. 2022. September. 143 p. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/037e91a6-en/index.html?itemId=/content/component/037e91a6-en#section-d1e6156>.

282. The sustainable development solutions network. Research and policy work. – URL: <https://www.unsdsn.org/sdg-index-and-monitoring>.

283. Topoleva T. Decomposition of factors of innovative development of regional-oriented production systems // Vestnik of The Kazan State Agrarian University. – 2023. – no. 18 (3). – Pp. 193-201.

284. UNESCO 2014 paper. Education for all: global monitoring report (Policy Paper 12). – URL: <https://en.unesco.org/gem-report/taxonomy/term/200>.

285. Vanderheiden S. Allocating ecological space // Journal of social philosophy. – 2009. – Vol. 40. – no. 2. – Pp. 257-275.

286. Walter H. Grundlagen der pflanzenverbreitung / Standorts-lehre (analytisch-okologische geobotanik). T.1. – Stuttgart, 1960.

287. Wang S., Huang L., Xu X. Li J. Spatio-temporal variations in ecological spaces and their ecological carrying status in China's mega-urban agglomerations // Journal of Geographical Sciences. – 2022. – Vol. 32. – Pp. 1683-1704.

288. Widmalm F. Tax structure and growth: are some taxes better than others? // Department of Economics, Uppsala University. 1999. August. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1010340017288>.

289. Wu F., Zheng Z., Wang Y., Liu J., Zhang S. Evaluation and pattern optimization of ecological space of Chongqing with remote sensing data / In: Bourennane, S., Kubicek, P. (eds) Geoinformatics and data analysis. ICGDA 2022 // Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies. – 2022. – Vol. 143. – Springer, Cham.

290. Xiong J., Wang K., Yan J., Xu L., Huang H. The window of opportunity brought by the COVID-19 pandemic: an ill wind blows for digitalization leapfrogging // Technology Analysis and Strategic Management. – 2021. – no. 35 (8).

291. Zelentsova L., Spesivtseva M. Mechanism to detect windows of opportunities for implementing new technical and technological solutions for the purpose of industrial organizations sustainable development // Vestnik Universiteta. – 2022. – no. 8. – Pp. 68-76.

292. Zhu J. Quantitative models for performance evaluation and benchmarking. – Springer International Publishing, 2014. – 414 p.

**Индексы доступности ежемесячных платежей, остаточных доходов,
стоимости кредита и ипотечных ставок**

Регионы	I_{MVA}	I_{RI}	I_C	I_i	Регионы	I_{MVA}	I_{RI}	I_C	I_i
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Российская Федерация	0,9	1,3	2,0	0,7	Архангельская область	1,2	1,4	1,6	0,7
ЦФО	1,1	1,3	1,7	0,7	Ненецкий АО	1,4	1,3	1,1	0,8
Белгородская область	1,0	1,3	1,8	0,7	Архангельская область без АО	1,2	1,4	1,6	0,7
Брянская область	0,8	1,3	2,2	0,7	Вологодская область	0,8	1,3	2,0	0,8
Владимирская область	0,8	1,4	2,1	0,8	Калининградская область	0,8	1,2	1,8	0,8
Воронежская область	0,9	1,3	1,9	0,8	Ленинградская область	0,5	1,2	3,7	0,6
Ивановская область	1,0	1,4	1,8	0,8	Мурманская область	-	1,5	-	0,7
Калужская область	0,8	1,2	1,9	0,8	Новгородская область	1,3	1,3	1,5	0,7
Костромская область	0,8	1,5	2,2	0,8	Псковская область	1,2	1,4	1,7	0,7
Курская область	1,0	1,4	2,0	0,7	г. Санкт-Петербург	1,1	1,4	2,1	0,6
Липецкая область	0,9	1,3	2,0	0,8	ЮФО	0,9	1,4	2,3	0,7
Московская область	0,9	1,2	1,9	0,7	Республика Адыгея	0,7	1,3	3,0	0,6
Орловская область	0,9	1,4	2,1	0,7	Республика Калмыкия	1,2	1,4	1,7	0,7
Рязанская область	0,9	1,3	2,3	0,7	Республика Крым	0,9	1,3	2,0	0,7
Смоленская область	1,2	1,3	1,6	0,7	Краснодарский край	0,9	1,4	2,5	0,6
Тамбовская область	0,9	1,3	1,9	0,8	Астраханская область	0,7	1,3	2,4	0,8
Тверская область	1,0	1,4	1,9	0,8	Волгоградская область	1,0	1,4	1,8	0,7
Тульская область	1,1	1,3	1,5	0,8	Ростовская область	0,9	1,4	2,0	0,7
Ярославская область	1,0	1,4	1,8	0,8	г. Севастополь	0,9	1,2	2,0	0,7
г. Москва	0,9	1,4	2,2	0,7	СКФО	1,1	1,3	1,5	0,8
СЗФО	0,8	1,4	2,4	0,7	Республика Дагестан	1,2	1,3	1,4	0,8
Республика Карелия	0,9	1,5	2,1	0,8	Республика Ингушетия	1,2	1,3	1,2	0,9
Республика Коми	0,9	1,4	2,0	0,8	Кабардино-Балкарская Республика	1,3	1,4	1,4	0,8

Окончание прил. А

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Карачаево-Черкесская Республика	1,2	1,2	1,3	0,8	Тюменская область без АО	0,8	1,2	1,8	0,8
Республика Северная Осетия - Алания	1,0	1,3	1,5	0,8	Челябинская область	0,8	1,4	2,0	0,8
Чеченская Республика	1,2	1,3	1,1	1,0	СФО	0,8	1,4	2,0	0,8
Ставропольский край	1,0	1,2	1,6	0,8	Республика Алтай	0,6	1,4	3,0	0,8
ПФО	0,8	1,3	2,1	0,8	Республика Тыва	0,7	1,4	2,5	0,8
Республика Башкортостан	0,8	1,2	2,0	0,8	Республика Хакасия	0,9	1,3	2,0	0,7
Республика Марий Эл	0,9	1,3	1,7	0,8	Алтайский край	0,8	1,4	2,0	0,8
Республика Мордовия	1,2	1,4	1,6	0,7	Красноярский край	0,9	1,4	1,8	0,8
Республика Татарстан	0,8	1,3	2,2	0,8	Иркутская область	0,8	1,4	2,0	0,9
Удмуртская Республика	1,3	1,3	1,6	0,7	Кемеровская область	0,8	1,4	2,2	0,8
Чувашская Республика	1,2	1,5	1,7	0,7	Новосибирская область	0,9	1,4	2,0	0,8
Пермский край	0,8	1,3	2,0	0,8	Омская область	0,8	1,4	2,2	0,8
Кировская область	1,1	1,4	1,9	0,7	Томская область	0,8	1,3	1,9	0,8
Нижегородская область	0,8	1,4	2,1	0,8	ДФО	1,1	1,4	1,8	0,7
Оренбургская область	1,0	1,3	1,6	0,8	Республика Бурятия	1,0	1,4	1,9	0,7
Пензенская область	0,9	1,4	2,1	0,7	Республика Саха	1,2	1,3	1,7	0,6
Самарская область	0,7	1,3	2,2	0,8	Забайкальский край	0,8	1,5	2,5	0,7
Саратовская область	0,9	1,3	2,0	0,8	Камчатский край	1,0	1,4	1,8	0,8
Ульяновская область	0,8	1,4	2,1	0,8	Приморский край	0,9	1,3	2,1	0,7
УФО	0,9	1,3	1,8	0,8	Хабаровский край	1,0	1,3	1,6	0,8
Курганская область	1,1	1,4	1,6	0,8	Амурская область	0,9	1,5	2,2	0,7
Свердловская область	0,8	1,3	1,9	0,8	Магаданская область	0,8	1,6	3,0	0,7
Тюменская область	0,9	1,3	1,8	0,8	Сахалинская область	1,4	1,4	1,4	0,7
Ханты-Мансийский АО	0,8	1,2	1,9	0,8	Еврейская автономная область	1,3	1,4	1,5	0,7
Ямало-Ненецкий АО	1,1	1,5	1,6	0,8	Чукотский АО	-	1,4	-	0,8

**Потенциал снижения бюджетных расходов в сфере ЖКХ
и их рекомендуемые значения в 2022 г., млн руб.**

Регионы ПФО	ЖКХ в целом		Жилищное хозяйство		Коммунальное хозяйство		Благоустройство	
	Потенциал снижения затрат	Рекомендуемые значения бюджетных расходов	Потенциал снижения затрат	Рекомендуемые значения бюджетных расходов	Потенциал снижения затрат	Рекомендуемые значения бюджетных расходов	Потенциал снижения затрат	Рекомендуемые значения бюджетных расходов
Республика Башкортостан	9 062	18 908	558	2 971	2 031	9 066	7 697	3 283
Республика Марий Эл	4 591	443	388	1 793	370	1 417	389	446
Республика Мордовия	5 034	361	416	1 394	446	1 518	550	723
Республика Татарстан	10 999	31 801	776	6 031	2 151	4 549	4 221	23 920
Удмуртская Республика	-	6 317	530	726	732	2 021	-	1 940
Чувашская Республика	6 180	1 431	-	480	675	2 699	1 831	1 492
Пермский край	10 098	12 697	653	9 400	1 240	2 031	4 606	2 591
Кировская область	5 518	2 585	471	3 357	586	1 738	1 051	285
Нижегородская область	7 716	22 425	629	11 244	1 599	4 796	3 765	4 971
Оренбургская область	4 826	4 599	379	2 392	1 093	1 900	985	2 018
Пензенская область	-	5 597	480	1 063	708	746	1 758	310
Самарская область	7 130	27 316	531	17 775	1 663	1 229	4 391	5 566
Саратовская область	3 733	7 897	317	3 331	1 319	1 097	1 095	3 148
Ульяновская область	5 328	1 282	433	1 247	-	577	462	1 267

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

авт.	– автономный
АО	– автономный округ
АПК	– Агропромышленный комплекс
БК РФ	– Бюджетный кодекс Российской Федерации
БРК	– быстрорастущие компании
в т.ч.	– в том числе
ВВП	– валовой внутренний продукт
ВРП	– валовой региональный продукт
ВТО	– Всемирная торговая организация
ВЦИОМ	– Всероссийский центр изучения общественного мнения
г., гг.	– год, годы
ГП	– государственные программы
долл.	– доллар
др.	– другие
ДФО	– Дальневосточный федеральный округ
ЕврАзЭС	– Евразийское экономическое сообщество
ЕГИСЗ	– Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения
ед.	– единиц
ЕС	– Европейский союз
ЕЭС	– Европейское экономическое сообщество
ЖКХ	– жилищно-коммунальное хозяйство
ИЖС	– индивидуальное жилищное строительство
кв. м	– квадратный метр
м ³	– кубический метр
млн	– миллион
млрд	– миллиард
МП	– малое предпринимательство
МСП	– малое и среднее предпринимательство
НДС	– налог на добавленную стоимость

НДФЛ	– налог на доходы физических лиц
НИОКР	– научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НП	– национальный проект
НТП	– научно-технический прогресс
обл.	– область
ОКВЭД	– Общероссийский классификатор по видам экономической деятельности
ООН	– Организация Объединенных Наций
ОЭСР	– Организация экономического сотрудничества и развития
п.	– пункт
п.п.	– процентный пункт
ПО	– программное обеспечение
ПСК	– программа стимулирования кредитования
ПФО	– Приволжский федеральный округ
РБ	– Республика Башкортостан
РВС	– развивающиеся страны
рис.	– рисунок
Росстат	– Федеральная служба государственной статистики
РС	– развитые страны
РТ	– Республика Татарстан
руб.	– рублей
РФ	– Российская Федерация
РФРИТ	– Российский фонд развития информационных технологий
с.	– страниц, страницы
СЗФО	– Северо-Западный федеральный округ
СКФО	– Северо-Кавказский федеральный округ
СМСП	– субъекты малого и среднего предпринимательства
СНГ	– Содружество Независимых Государств
ст.	– статья
СФО	– Сибирский федеральный округ

СФР	– страны с формирующимся рынком
США	– Соединенные Штаты Америки
т.д.	– так далее
т.е.	– то есть
т.к.	– так как
табл.	– таблица
трлн	– триллион
ТФОМС	– Территориальный фонд обязательного медицинского страхования
тыс.	– тысяч
УСН	– упрощенная система налогообложения
УФО	– Уральский федеральный округ
ФЗ	– Федеральный закон
ФНПР	– Федерация независимых профсоюзов России
ФНС	– Федеральная налоговая служба
ХМАО	– Ханты-Мансийский автономный округ
ЦБ РФ	– Центральный банк Российской Федерации
ЦФО	– Центральный федеральный округ
чел.	– человек
ЮНЕСКО	– Специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
UNESCO	– United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
ЮФО	– Южный федеральный округ
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
%	– процент
BEPS	– Base Erosion and Profit Shifting
DEA	– Data Envelopment Analysis, Анализ среды функционирования
DMU	– Decision Making Units
ESG	– Environmental, Social and Corporate Governance
GDP	– Gross Domestic Product
HAQ	– Hardware-Aware Automated Quantization

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ПОДХОДЫ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ФИНАНСОВ РЕГИОНА**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Корректоры Г.Р. Сахапова, А.У. Фархутдинова
Компьютерная верстка Г.Р. Сахапова, А.У. Фархутдинова
Художественное оформление А.В. Михайлов

Отпечатано с готового оригинал-макета
на собственной полиграфической базе ИСЭИ УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71
Тел: (8-347) 235-55-33, факс: (8-347) 235-55-44
Заказ № 11. Подписано в печать 07.12.2023 г.
Формат 70x100, 1/16. Бумага типа «Снегурочка»
Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 11,36. Уч.-изд. л. 15,13.
Тираж 500 экз.